ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В свое время местная газета напечатала дружеский шарж. Он изображал самолет «У-2», в кабине которого сидел улыбающийся сталевар Петр Семенович Махота. На фюзеляже надпись: «Попробуй догони нашего скоростника!»

Петр Семенович был пионером скоростного сталеварения на Днепропетровском металлургическом заводе имени Петровского. Десять лет назад он варил плавку за 8 часов 30 минут. Это было рекордом.

Теперь следовало бы изобразить Героя Социалистического Труда Махоту на реактивном самолете: скоростную плавку он варит за 7 часов. Каждый день его бригада выпускает на 12—13 тонн стали больше, чем 10 лет назад.

Когда сталеплавильщики обсуждали Обращение июньского Пленума ЦК КПСС о новом походе за технический прогресс и досрочном выполнении семилетнего плана, с особой силой прозвучал голос Петра Махоты:

— Ответим на призыв партии делом. Без увеличения капитальных затрат реконструируем и отремонтируем нашу печь, выполним семилетнее задание за пять лет.

Это предложение было горячо поддержано членами его бригады: П. Горяным, А. Навроцким и П. Бондарем. Подсчитав резервы, они решили, что за пять лет смогут увеличить выплавку стали по сравнению с нынешним годом на 125 тысяч тонн.

Печь будет капитально отремонтирована и реконструирована.

Б. ЗОЛОТОВ

П. С. МАХОТА.

Фото Н. Козловского.

На первой странице обложки: В горах Алтая. Начальник геологической партии А. Б. Дергунов и студентка-практикантка Московского геологоразведочного института Д. А. Езерская в походе.

Фото О. Кнорринга.

На последней странице обложки: Ежедневно шесть цистерн свежего молока отправляет москвичам совхоз «Авчурино», Калужской области.

Фото Д. Ухтомского.

ЕДИНСТВО НАРОДОВ-БРАТЬЕВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
№ 30 (1675)
19 ИЮЛЯ 1959
37-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Проводы партийно-правительственной делегации Советского Союза на Внуковском аэродроме.
Фото Я. Рюмкина.

В Польше гостит партийно-правительственная делегация Советского Союза, возглавляемая Первым секретарем ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым.

Тепло и радушно встречает польский народ-брат гостей из Советского Союза. Польша и СССР, две социалистические страны, связаны прочными и непоколебимыми узами дружбы, едины в борьбе за мир, за счастье своих народов.

Приезд советских гостей совпал с приближающимся 15-летием народной Польши. Партийно-правительственная делегация СССР примет участие в этом большом празднике.

Вступив на польскую землю, глава советской делегации Н. С. Хрущев выразил уверенность, что «настоящая поездка нашей делегации в Польшу будет также способствовать дальнейшему углублению и укреплению братской советско-польской дружбы, дальнейшему укреплению единства и сотрудничества всего социалистического лагеря».

14 июля Первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка и Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Ю. Циранкевич устроили прием в честь пребывания в Польше партийно-правительственной делегации Советского Союза. На снимке: Ю. Циранкевич, Н. С. Хрущев и В. Гомулка.

Фото Польского телеграфного агентства.

Принято по фототелеграфу ТАСС.

11 июля в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов вручил главе дружественной Эфиопии Его Величеству императору Хайле Селассие I одну из высших наград Советского Союза — орден Суворова первой степени.

На снимке: К. Е. Ворошилов вручает императору Эфиопии Хайле Селассие I орден Суворова первой степени.

Фото А. Устинова.

ЛУЧШИЕ ДОМЕНЩИКИ «АЗОВСТАЛИ»

Успехами в труде встречают День металлурга доменщики завода «Азовсталь» в городе Жданове. Бригада С. Буранича, работающая на печи № 1, за высокую производительность труда и отличные показатели в общественной жизни и в быту удостоена звания бригады коммунистического труда.

Слева направо: начальник смены А. Шокул, горновые Г. Корнев, О. Адарюков, бригадир С. Буранич, водопроводчик В. Тимченко и старший газовщик В. Шевченко.

Фото Я. Рюмкина.

ВСЕ ТРИ БРИГАДЫ — ПЕРЕДОВЫЕ

Всегда помогать отстающим! Как и Валентина Гаганова, этого правила придерживается Виктор Никаноров, один из лучших мастеров на Первом Часовом заводе в Москве.

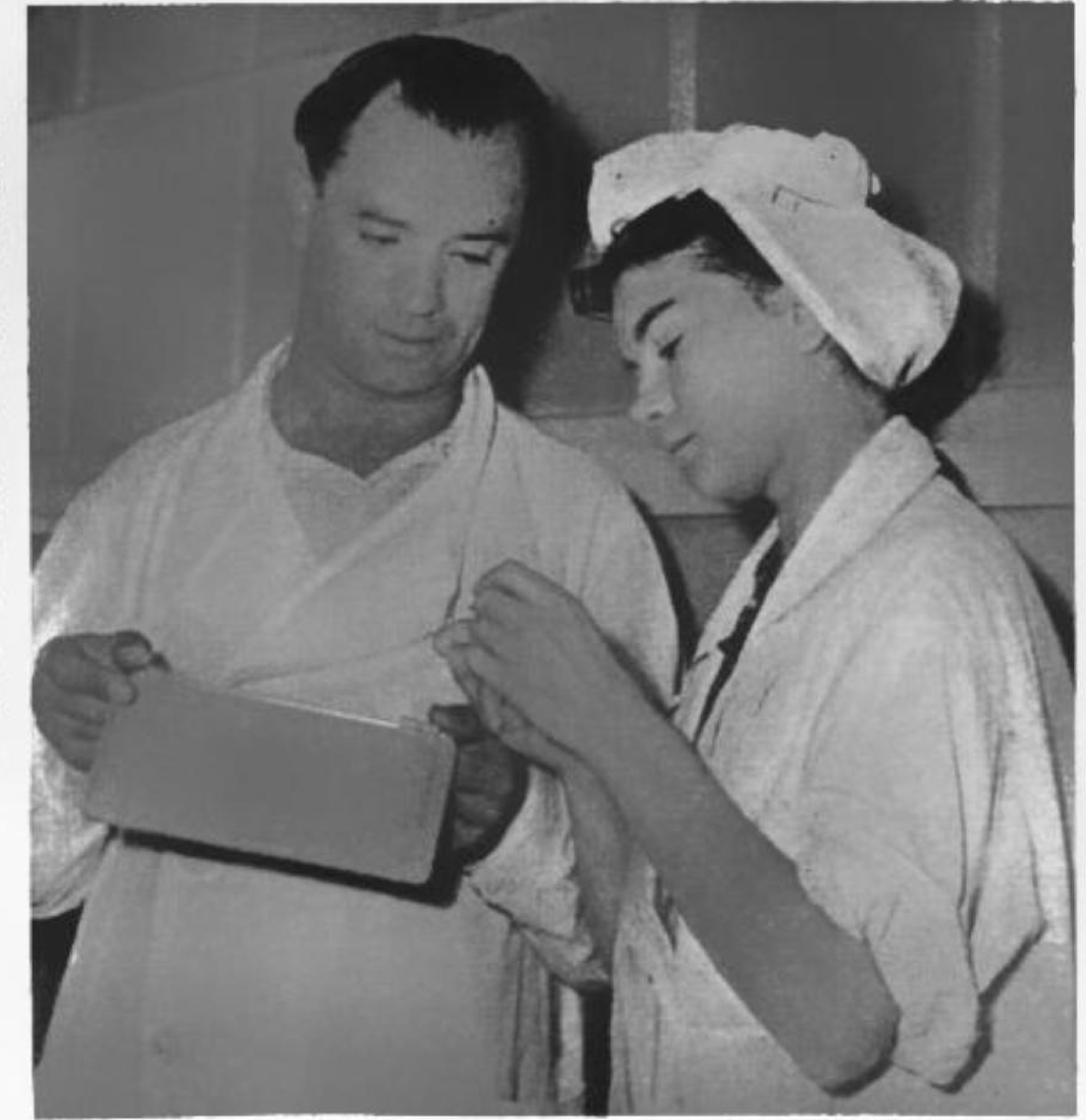
Еще в конце 1957 года, когда первый сборочный цех не выполнил программы, В. В. Никаноров, руководитель одной из передовых бригад, одновременно возглавил бригаду отстающую. Дела в цехе заметно улучшились. А в октябре 1958 года Виктор Владимирович принял руководство еще третьей бригадой. В течение квартала он добился превышения производственных планов всеми тремя бригадами и сумел подготовить сборщицу Галину Кочергину на должность мастера. С той поры Кочергина успешно руководит бригадой.

Все три бригады досрочно выполнили план первого полугодия и борются за право именоваться бригадами коммунистического труда.

→

На снимке: В. Никаноров и Г. Кочергина.

Фото О. Кнорринга.

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСИ В КОЛХОЗЕ

30-летний юбилей отпраздновал колхоз имени Тимирязева, Городецкого района, Горьковской области. Все эти годы во главе артели стоит ветеран колхозного движения Иван Абрамович Емельянов.

Торжественное заседание, посвященное юбилею, проходило в новом колхозном Доме культуры. Здесь же открылась постоянная выставка живописных, графических и скульптурных произведений, которые подарили колхозу имени Тимирязева художники Москвы и Горького, а также Горьковский художественный музей.

На снимках: открытие Дома культуры в колхозе имени Тимирязева; первые посетители картинной галереи: колхозницы полеводческой бригады А. К. Коныгина, А. Д. Рыбина и бывший конюх, теперь пенсионер Н. Е. Кузнецов.

Фото Н. Капелюша.

«В СЕРДЦЕ КАЖДОГО ИРАКЦА — ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИМ НАРОДАМ»

Посол Иракской Республики в СССР Абдель Вахаб Махмуд выступает на собрании московской общественности, посвященном Дню революции в Ираке.

Фото Ф. Короткевича.

Знаменательному событию — Дню революции в Ираке — 14 июля было посвящено собрание московской общественности. В Дом дружбы с народами зарубежных стран пришли москвичи, представители Узбекистана, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана. Здесь были и главы посольств арабских стран и арабские студенты, обучающиеся в вузах советской столицы.

Собравшиеся, выражая желание многих представителей общественных организаций, заводов, колхозов, постановили создать Общество советско-иракской дружбы и послать приветственную телеграмму в Багдад в адрес Общества ирако-советской дружбы.

По окончании вечера корреспондент «Огонька» беседовал с выступавшим на собрании послом Иракской Республики в СССР г-ном Абдель Вахаб Махмудом.

— В последнее время,— сказал г-н посол,— мне часто приходится бывать на многочисленных собраниях, посвященных дружбе наших стран. Я бесконечно тронут теплыми чувствами, которые я постоянно ощущаю у всех советских людей по отношению к молодой Иракской Республике. Я уверен, что, рассказывая об этом у себя на родине, я встречу чувства горячей благодарности, переполняющие сердце каждого иракца, думающего о Советском Союзе. Иракская революция сыграла большую роль не только в судьбе нашего народа. Она явилась большим вкладом в общее дело борьбы за свободу народов Азии и Африки. Поэтому поддержка, оказанная Советским Союзом и странами народной демократии нашей революции, будет оценена и народами этих двух континентов.

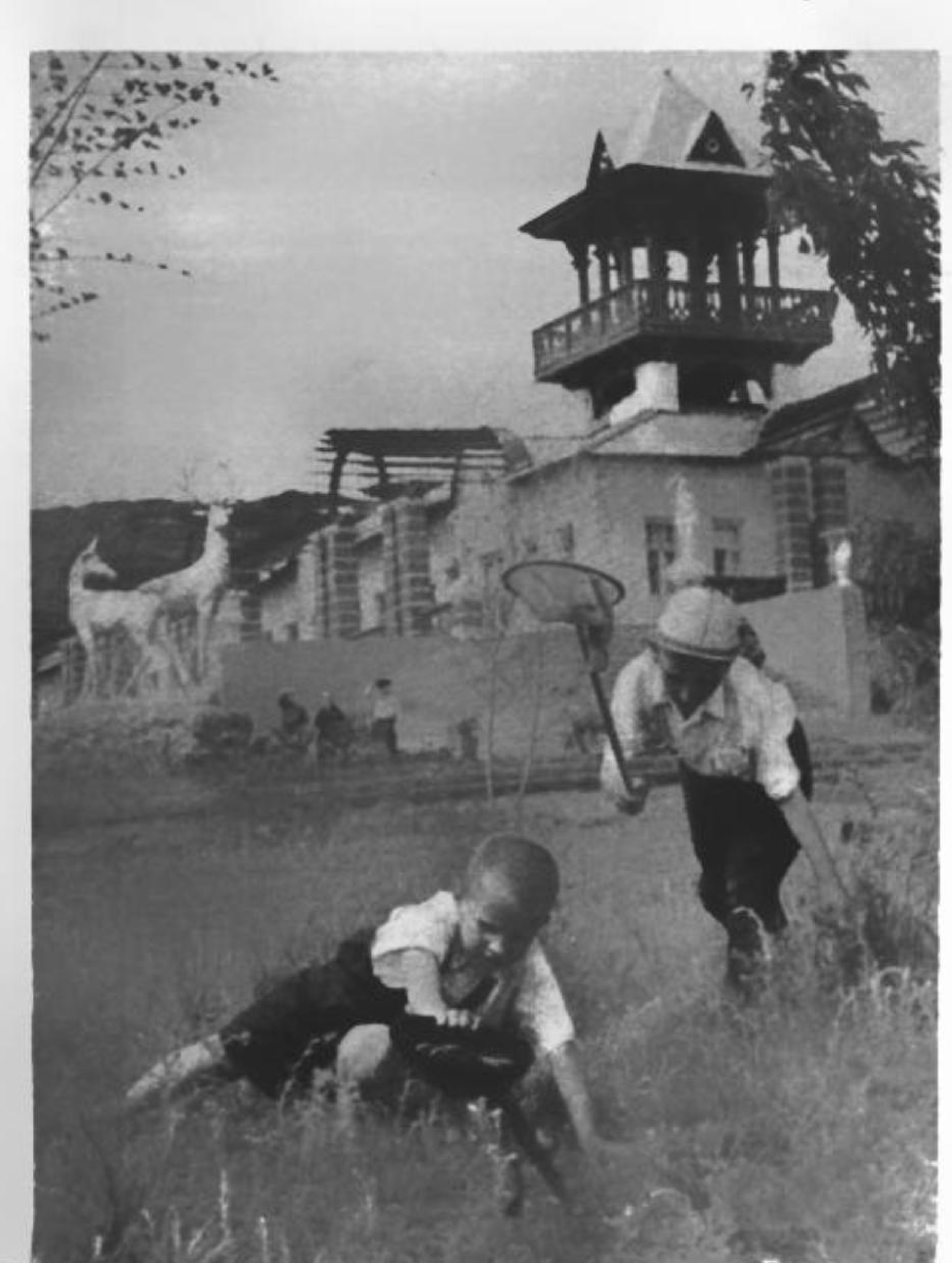
В первые дни своего существования Иракская Республика находилась под угрозой уничтожения: ведь она родилась в дни, когда американские и английские полчища топтали землю Иордании и Ливана. И именно ваша поддержка отвела руку, занесенную над головой нашей юной революции. Мне приятно отметить, что истекший год еще больше укрепил узы истинной дружбы между нашими странами.

КАРАГАНДИНСКИЙ АРТЕК

Так называют новую здравницу для детворы, открытую недавно в тридцати километрах от Караганды, на берегу большого искусственного озера.

Летом здесь отдохнут три тысячи ребят — дети горняков, энергетиков, строителей Казахстанской Магнитки.

Фото А. Жерехова.

Наступило время, чтобы греки поставили интересы нации выше приказов иностранцев и узкополитических интересов и объединили свои усилия для блага нашего народа и всеобщего мира. Что же касается нас, то мы не перестанем выполнять наш долг перед родиной и народом, каких бы жертв это ни стоило. МАНОЛИС ГЛЕЗОС.

ОБВИНЕНИЕ

Плакат работы А. ДРУЖКОВА, Ю. КЕРШИНА.

ЛЕНИНГРАД ПОЛУЧИТ ГАЗ

Через болота проходит трасса новой магистрали Серпухов — Ленинград, ответвляющаяся от газопровода Ставрополь — Москва. Строители преодолевают большие трудности. Чтобы трубы не всплывали, в траншеях на каждый погонный метр трубы навешивается до 400 килограммов железобетонного груза.

На снимке: один из участков газопровода Серпухов — Ленинград.

Фото В. Полянцева.

ВИЗИТ В АМЕРИКУ

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Две недели находился Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлов и сопровождавшие его лица в США в связи с открытием советской выставки в Нью-Йорке.

Теплый и радушный прием оказали американцы посланцам Советского Союза.

Расширение контактов между нашими странами, в том числе обмен выставками и делегациями, встреча государственных деятелей Советского Союза и США способствуют улучшению наших взаимоотношений, укреплению мира во всем мире.

Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлов был принят в Белом доме Президентом США Д. Эйзенхауэром. На снимке (слева направо) Государственный Секретарь К. Гертер, Д. Эйзенхауэр, Ф. Р. Козлов, посол СССР в США М. А. Меньшиков.

←

Толпа репортеров обступила Ф. Р. Козлова и Вице-Президента США Р. Никсона в здании конгресса.

На электростанции «Ривер Руж» в Детройте. Разъяснения дает господин Уокер Сислер, президент «Детройт Эдисон компани» (справа).

←

«Русский фестиваль» — так называются проходящие сейчас в Америке представления советских артистов. Сердца американцев вновь пленены мастерством наших танцоров и певцов. Во время антракта десятки ньюйоркцев просят автограф у присутствующего на спектакле в Медисон-сквер гарден Ф. Р. Козлова.

— Гуд бай! — произносит Ф. Р. Козлов, прощаясь с жителями Нью-Йорка, провожающими советскую делегацию на Родину.

Река называется Одра

Борис ИВАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

ПО ЗАПАДНЫМ ЗЕМЛЯМ ПОЛЬШИ

Фото автора.

Жизнь полна случайностей. С этой довольно-таки избитой фразы я никак не думал начинать записки о западных землях Польши. Но именно случай оказался на этот раз моим добрым помощником.

...Сосед мой по купе поезда Москва — Берлин был человек неопределенного возраста. Судя по лицу, гладко выбритому, с двумя глубокими складками по уголкам рта, ему можно было дать лет пятьдесят, не более. Одет он был так, как одеваются люди, давно махнувшие рукой на все мирские соблазны: серый пиджак был ему широк, манжеты кремовой рубашки скрепляли не запонки, а тесемки, завязанные бантиком; галстук на тонкой, покрытой густой сеткой морщин шее съехал набок. Сосед долго смотрел на пробегавшие мимо окон вагона перелески, а затем, обратив ко мне выцветшие голубые глаза, сказал:

— Все думаю о Ленинграде. До чего он красив! Мне почему-то хочется сравнить его с березовой рощей: город такой же прозрачный, светлый, приветливый.

Как часто бывает ошибочным первое впечатление! Сравнение Ленинграда с березовой рощей открыло мне в незнакомце такую чуткую душу, что я невольно воскликнул:

— Вы поэт!

— Совсем наоборот, анатом! Более прозаическое занятие трудно отыскать... Давайте знакомиться: Скоржинский, профессор Вроцлавского университета.

Сердце мое так и екнуло: вот повезло! Еду на западные земли Польши, и, пожалуйста, прямо передо мной житель этих земель; кроме того, двадцать четыре часа свободного времени. Расспрашивай, слушай, записывай.

Профессор Скоржинский двенадцать лет работает во Вроцлаве. По-юношески влюблен в свой город. Много интересного рассказал он о Вроцлаве и о его новой судьбе, об истории воссоединенных земель. Эти земли занимают огромную территорию — сто одну тысячу квадратных километров. Они были отторгнуты от польского государства в результате многовековой экспансии Германии.

— Но мы, поляки, всегда помнили, в чьем кармане наше богатство. Свидетелей у нас много! Есть и такие, которым по тысяче лет... Вы их увидите. Мы верили, что наш день придет!

Справедливость бессмертна. Ее нельзя уничтожить. Рано или поздно она обязательно восторжествует. Эта истина с особой силой еще раз была подтверждена исходом второй мировой войны. В 1945 году Советская Армия разгромила гитлеровские полчища, и исконно польские земли были возвращены их подлинным хозяевам.

Правда, с этим до сих пор никак не хотят примириться западногерманские реваншисты. Они еще продолжают вопить о каком-то пересмотре границы по Одре и Нисее Лужицкой. В Бонне даже созданы так называемые восточные институты. Но все угрозы и «требования» реваншистов, как метко выразился польский поэт Адольф Недворок, — всего лишь писк комара, не более. Западные земли — органическая часть народной Польши.

Мой добрый спутник, профессор Скоржинский, помог мне составить план путешествия по Одре и Нисее, а самое главное, назвал людей, биографии которых тесно переплелись с судьбой воссоединенных земель.

— Обязательно поезжайте в село Гродиско,— говорил Скоржинский,— это недалеко от Ополе. Разыщите там старика Гомолу. Запишите: Ян Гомола... Удивительный человек! С Ополе и начинайте путешествие. Советую... А уж потом к нам, во Вроцлав.

Я послушался профессора Скоржинского. И не пожалел.

День пришел

В село Гродиско я приехал ранним июньским утром. Но вначале побывал в Ополе, чтобы встретиться там с тысячелетним свидетелем, о котором говорил профессор Скоржинский. Свидание с ним было тем более важно, что оно, во-первых, давало мне возможность сразу «покончить с историей» и обратиться к современности; во-вторых, сама жизнь Яна Гомолы являлась как бы продолжением опольской истории.

Каждый город, как и человек, имеет свои, ему одному присущие черты. Главная особенность Ополе — его тихий нрав. Город скорее напоминает курорт, чем деловой воеводский центр. Может быть, это впечатление вызывает обилие зелени. Есть в нем улицы, которых не видно за вековыми кленами, липами, каштанами. Здесь и Одра неширока; медленно катит она свои воды меж пологих берегов. Туристу в Ополе прежде всего покажут монастырь святого Франциска. И не без основания. Он построен в 1309 году и является усыпальницей польских князей Болько. Значит, уже в четырнадцатом веке Ополе было одним из польских центров. Немецкие колонизаторы, пытаясь уничтожить все, что хоть в малейшей степени напоминало коренному населению о его прошлом, выбросили из монастыря саркофаги с прахом князей Болько. Но день пришел (это было в 1945 году), и саркофаги были вновь водворены на свои места.

Германские фашисты в 1936 году разрушили «Замок на острове» — одно из стариннейших сооружений Ополе. После этого из Берлина приехала группа археологов, и в глубокой тайне на месте развалин начались раскопки. Искали доказательства «немецкого происхождения» города. На что надеялись археологи, было известно одному Розенбергу — имперскому министру. Копали, копали и вскрыли... древнее славянское поселение. Это было настолько очевидным, что даже опытные гитлеровские фальсификаторы ничего не могли поделать. Тогда спешно последовало приказание Розенберга: все сравнять с землей, археологам разойтись по домам, рабочих упрятать так, чтобы и след их простыл.

Но тщетно, прошли годы — отыскались следы рабочих, которые помогли восстановить картину раскопок. И вот я стою у края огромного котлована. На дне его чернеют постройки славянского городища — тысячелетние свидетели польского происхождения земель по Одре и Нисее. И я подумал: если нельзя заставить молчать камни, то как можно заставить молчать целый народ?! А ведь немецкие колонизаторы пытались сделать и это. Жизнь Яна Гомолы — ярчайший тому пример.

Из Ополе я и отправился в Гродиско, к Яну Гомоле. Приехал в село ранним июньским утром. Гродиско похож на сотни других сел этой части страны. Каменные белые дома с широкими окнами, добротные хозяйственные постройки, крытые красной черепицей.

Дом Яна Гомолы отличается от других, пожалуй, только тем, что на нем висит красный почтовый ящик. У порога нас встретила девушка в белом с синими горошинками платье.

— А дедушки нет дома. Он в костеле... Проходите, пожалуйста. Дедушка скоро придет.

В костеле... Что поделаешь, церковь все еще имеет влияние в Польше. Ксендзы прибегают к различным уловкам, чтобы запутать в свои сети не только стариков, но и молодежь. В ряде сел они пытаются создавать хоровые кружки, спортивные команды; вокруг костела организуют актив, выступают с проповедями, обращенными отдельно к юношам, отдельно к девушкам, старикам, женщинам, писателям, рабочим, служащим. Обращаясь, например, к учителям, кардинал Вышинский говорил: «Нет науки без воспитания, нет воспитания без религии». Церковь не только развращает

умы; здесь, на Западе, она сыграла и антипатриотическую роль. Епископат долгое время не назначал на воссоединенные земли своих духовных представителей, тем самым как бы не признавая этот край польским, что, конечно, вселяло некоторую неуверенность в среду переселенцев-католиков.

Сейчас, ясно, ни о какой неуверенности и речи быть не может. На западных землях теперь живет свыше 7,5 миллиона человек. Причем небезынтересно отметить, что 2,6 миллиона родились в этих местах уже после войны.

Молодая хозяйка провела меня в горницу. В комнате стояла приятная прохлада. Против меня на стене, над пианино, висела старинная литография: пастух с отарой овец у вспаханного поля. Рядом в коричневой рамке — «Памятка», что-то вроде грамоты, преподнесенной Яну Гомоле и его супруге в день пятидесятилетия их совместной жизни.

Со двора донеслось:

— Дедуся едет, деда!

К крыльцу подкатил на велосипеде стройный человек в сером модном костюме. Легко соскочив с седла, он поинтересовался, откуда гости. Узнав, что я советский журналист, сказал:

— Велосипед-то мне подарил ваш солдат! Это когда я из немецкого концлагеря возвращался пешком. На, говорит, дед, возьми, быстрее до дома доберешься... Вот с тех пор я на нем и езжу.

Ничто в Яне Гомоле не выдавало 84-летнего старика. Сильное рукопожатие, белые зубы в улыбке. Во дворе я видел большие штабеля дров; наколол их недавно Ян Гомола. До сих пор он работает в поле.

— Рано еще руки складывать, рано! — Его голубые ясные глаза задорно улыбались.— Как это говорил Шоу в моем возрасте: по сравнению с народом я еще молодой человек... Интересуетесь, как жили поляки на своей земле при немцах? Плохо жили, плохо. Мне семьдесят лет внушали, что я вовсе не поляк. А бабушка, помню, наставляла: «Наша Польша, Янусь, к нам еще придет, только погромче зовите ее да хорошенько готовьтесь к ее встрече!»

И Ян Гомола всю жизнь готовился к этому торжественному дню. Не только он один, но и вся его семья. В местной школе детей не учили польскому языку, преподавали только немецкий. Тогда Ян Гомола для сельской детворы устроил в своем селе что-то вроде курсов родного языка. Его сын Юзеф создал хоровой кружок, где разучивали и пели польские народные песни. Другой сын нелегально разносил польские газеты, третий...

— Сколько же у вас сыновей?

— В Опольщине все поляки — мои сыновья! А собственных семь.

Фраза, сказанная как будто бы в шутку, на самом деле имела глубокий смысл. У старика было право так говорить. Своим героическим примером он вселял в слабых дух и волю, чтобы противостоять онемечиванию. Благодаря таким людям, как Гомола, на западных землях столетиями хранились в чистоте язык и традиции польского народа.

— Вы меня перебили... Забыл, о чем говорил... Ах, да... третий сын ходил по домам и просто рассказывал о Польше.

Ян Гомола, так же как и вся его семья, везде и всюду подчеркивал свое польское происхождение. Если к нему кто-либо приходил утром из односельчан и говорил «гутен морген», он немедленно поправлял: «Поляки говорят «дзень добры».

Процесс онемечивания особенно усилился с приходом к власти фашистов. С памятниками польской старины, как мы уже видели в Ополе, они разделывались просто: разрушали, выбрасывали. С самими поляками дело обстояло сложнее.

Весной 1939 года нацисты решили провести перепись населения. Цель ее — выявить «явно неподдающихся перевоспитанию поляков», чтобы затем запрятать их в концлагеря. Поэтому особое внимание обращалось на графу «национальность». Ян Гомола, как и вся его семья: дети, внуки, зятья, невестки (всего 65 человек),— не отреклись от своей нации. Впрочем, были на Опольщине и ренегаты: в семье не без урода. На следующую ночь дом Гомолы содрогнулся от ударов прикладов, задребезжали стекла. Гитлеровские молодчики выбили все окна, изуродовали двери. А еще через три месяца, в канун войны, когда семья работала на картофельном поле, пришли полицейские и всех арестовали. Сам Гомола и шесть его сыновей были посажены в Бухенвальд, одна невестка попала в Равенсбрюк, сестра — в Освенцим.

Рассказ Яна Гомолы я слушал с затаенным дыханием. Здесь же за квадратным столом, покрытым кружевной скатертью, сидели его жена, правнуки и невестка Бронислава — седая, перенесшая много горя женщина. Это она была узницей Равенсбрюка. Бронислава часто вставляла в рассказ реплики, уточняла детали. А когда речь зашла о концлагере, она сказала:

— Со мной вместе была русская, жена врача из Крыма. Она попала в лагерь в 1944 году. Вот забыла ее имя! Если будете писать, упомяните об этом, хорошо? Вдруг подруга по несчастью отыщется?

Признаться, я вначале усомнился в реальности таких поисков — уж слишком мало было сведений; потом вспомнил писателя Неверли, историю его книги и пообещал.

— Ну, что ж дальше, Бронислава? — задумчиво спросил невестку Гомола.— Вроде как бы и все?.. Встретили Польшу, дождались... Домой приехал в 1945 году на вашем велосипеде. Нет, не все! Я сейчас спою вам песню, которую мы когда-то певали при закрытых дверях. Слушайте!

Старик встал и звонко в маршевом ритме запел:

Мы никогда не устанем в борьбе,
Сила наша в правоте великого дела.
Мы победим!

Песню дружно подхватили все, кроме правнука Яна, мальчика лет двенадцати. Старик скосил на него глаза и вдруг оборвал песню. Поющие в замешательстве притихли. В комнате раздался строгий голос Гомолы:

— А ты чего молчишь? Слов не знаешь?! Мы эту песню с пеленок учили! А впрочем...— Гомола внимательно посмотрел на мальчика и, решительно махнув рукой, закончил: — Впрочем, она тебе уже не понадобится!..

«Мы никогда не устанем в борьбе...»

Над воссоединенными землями Польши разгорается новая жизнь. А где новая жизнь, там, как говорится, и новые песни.

Ворэк Житавский — мешок сокровищ

Кабинет секретаря Вроцлавского воеводского комитета ПОРП товарища Грудинского окнами выходит на широкую площадь. Таких площадей в городе много. Это, пожалуй, одна из достопримечательностей Вроцлава. Но достопримечательность, родившаяся недавно, после войны. Город был сильно разрушен, не меньше Варшавы. При восстановлении Вроцлава некоторые кварталы совсем исчезли, став продолжением ранее существовавших площадей. Так образовалась целая серия площадей-гигантов. Если Варшава сегодня напоминает незаконченную картину, на которой уже ясно видна идея художника, отчетливо проступают новые приемы письма, то Вроцлав — это пока еще только эскиз. Правда, эскиз с отдельными завершенными деталями. Полностью восстановлен ряд главных улиц, заканчивается реконструкция Старого города, в центре которого стоит ратуша, замечательный памятник готики XIV века, вновь привлекает старинный университет, построенный в стиле барокко.

Вроцлавский университет! Я вспомнил рассказ своего собеседника профессора Скоржинского. Генерал фон Нихоф руководил обороной «крепости Бреславль» от наступающей Советской Армии. Для своего штаба он не нашел более удобного места, чем... подвалы университетской библиотеки, полные книг, древних рукописей, уникальных коллекций гравюр, рисунков и географических карт. Все это мешало коменданту крепости, и он приказал выбросить из библиотеки драгоценные коллекции. Их свалили в пустовавшем здании — церкви святой Анны.

Вокруг Вроцлава война к тому времени уже закончилась. Советские армии обложили Берлин. Но «крепость Бреславль» еще сопротивлялась. Гитлеровские «культуртрегеры» методически уничтожали его исторические памятники. Тогда советские войска получили приказ взять город штурмом. Когда они подошли к штабу фон Нихофа, в церкви святой Анны горел гигантский костер. В огне погибло четыреста тысяч томов книг и много уникальных рукописей.

— Наша область,— заговорил снова товарищ Грудинский,— промышленная. Сейчас в ней действует более двух тысяч заводов и фабрик! А в 1946 году работало всего лишь около пятисот. Но самое главное — изменилась структура промышленности. До войны преобладал кустарный промысел. А вот что делается сейчас: наши геологи в районе Болеславца нашли медь. В Легнице построили медеплавильный завод! Обнаружены богатые запасы серы. Для ее переработки уже пущен первый завод «Огожелец». Представляете? А еще электротехническая промышленность, химическая, фармацевтическая, вагоностроение... В общем, всего не перечислишь. Заметьте, и это только в одном Вроцлавском воеводстве! А их на нашем западе семь. В нашем же воеводстве и крупнейшая в стране новостройка — Турошувская. Знаете что, поезжайте-ка в Турошув! Там вы увидите такое...

Секретарь быстро встал со стула и торопливо подошел к географической карте:

— Посмотрите сюда.

Товарищ Грудинский показал на юго-западный угол страны, от которого, как протуберанец, тянулся тонкий язык. Своим острием он врезался в территорию Германской Демократической Республики и Чехословакии.

— Правда, похоже на мешок? Мы так место это и называем: «Ворэк Житавский»! Но мешок Житавский не пустой, он полон со-

Ян Гомола в кругу своей семьи.

кровищ... Словом, что вам рассказывать, все сами увидите.

По пути в Турошув мы проезжали Болеславец. Я попросил своего коллегу и друга Ришарда Данилевского, невысокого крепыша, немного задержаться в этом городе.

— К Кутузову хотите?

— Точнее, к его памяти.

Город нас встретил тишиной. Слышны были только голоса детей и глухие удары по мячу. Это у круглой крепостной башни играли в волейбол. В пятидесяти метрах от нее, посредине площади,— черный обелиск. У его основания четыре бронзовых льва. На обелиске золотыми буквами начертаны слова:

«До сих мест довел князь Кутузов Смоленский победоносныя российския войска. Но здесь положила смерть предел славным дням его. Он спас отечество свое, он открыл путь к избавлению народов. Да будет благословенна память героя». По другую сторону площади двухэтажный дом с мезонином. У входа прикреплена мемориальная доска:

«28 апреля 1813 года в этом доме умер великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов».

Сейчас в этом доме музей. Здесь собраны образцы оружия армии Кутузова, венки от советских полководцев, принимавших участие в освобождении западных

А в Бонне пишут, что Вроцлав — город развалин.

земель Польши, в том числе от командующего 1-м Украинским фронтом маршала И. С. Конева. В отдельном шкафу хранятся подарки Советской Армии от польских граждан. На втором этаже комната, в которой скончался Михаил Илларионович Кутузов. Комната длинная, узкая. В ней стоит старинное ореховое бюро, инкрустированное бронзой.

Я не хочу проводить никаких исторических параллелей. Чаще всего они бывают рискованны. Но бесспорно одно: дважды приходили сюда русские войска, и оба раза как освободители.

Через два часа мы подъезжали к Турошуву. Дыхание крупной стройки чувствовалось за десятком километров от главной площади. В одном месте пришлось съезжать с шоссе: рядом прокладывали железнодорожную ветку, и машины искромсали весь асфальт; в другом — мы видели, как бетонировали земляную дамбу. Это готовили ложе для искусственного водоема, который образуется после запруды небольшой речки Витка. А вот зачем ее запружают, об этом мы узнали позднее.

— Смотрите, точно два мастодонта! — воскликнул Ришард.

Впереди по горизонту высилась огромная насыпь. На ее гребне, и впрямь как ископаемые животные, стояли два шагающих экскаватора.

— Это угольный разрез Турошув-1, старый,— пояснил Ришард.

Поля колосящейся ржи, пшеницы, грядки картофеля вплотную подбегали к насыпи.

Первый, с кем мы познакомились в Турошуве, в небольшом рабочем поселке, был двадцатидевятилетний инженер Роман Лучкевич. Высокий блондин, в узких черных брюках и белой рубашке, весело поблескивая глазами, спрашивал своих товарищей:

— Так куда же поместим гостей? К Яде или Гене?

— А может быть, к Марише? У нее как бы поуютнее.

— Нет, нет, друзья! Пошли прямо к Анне. Она совсем свеженькая, чистенькая. Там наши гости лучше всего проведут ночь.

Я недоумевал. Что это за девушки в Турошуве? Но через несколько минут все объяснилось. Нас подвели к двухэтажному свежевыкрашенному дому. Это было новое общежитие для специалистов, окрещенное строителями «Анной».

— На стройке мало девушек,— улыбаясь, пояснил Роман Лучкевич.— Вот наши парни и решили свои общежития в шутку называть женскими именами.

Поляки любят улыбку. И сколько раз за время своей поездки я сталкивался с их милой, теплой, а подчас и острой шуткой! В этот вечер мы ужинали в ресторане «Под двумя ведьмами». Ресторан так прозвали потому, что в нем когда-то работали две плохие поварихи и готовили невкусные обеды.

Но до ужина мы отправились с Романом Лучкевичем на строительную площадку. В дороге Роман рассказывал:

— Где сейчас пасутся коровы, вон там,— Роман показал на зеленые холмы,— пройдет второй угольный разрез. Вы слышали про Ворэк Житавский? Так вот, уголь и есть главное его богатство. Поэтому здесь мы и строим новую ТЭЦ мощностью в 1 200 тысяч киловатт. Крупнейшую в Польше! Из нового разреза уголь будет подаваться сразу в топки станции, по транспортеру — три тысячи вагонов в сутки!

Когда в свой рассказ Роман Лучкевич вставлял цифру, он особенно подчеркивал ее, приподнимая при этом кверху указательный палец.

— По транспортеру — это у нас новшество. Обычно уголь подается вагонетками. Мы таким образом экономим и время и средства. Здорово придумано, правда? Через пять лет стройку закончим. Соседи помогают — ГДР и Чехословакия. Турбины из СССР.

Машину сильно подбросило на глубокой колдобине.

— Стоп, приехали! — сказал Роман.— Колдобина у нас вроде как

На стройке Турошувской ТЭЦ. Вдали дымят трубы Хиршфельдской ТЭЦ в ГДР.

сигнал. Тряхнет — значит, вылезай!

Перед глазами открылась панорама стройки. Огромная, коричневая от глины площадка. У дальнего среза, вытянувшись в линию, визжали, скрипели, тарахтели десять экскаваторов. К ним гуськом подъезжали самосвальчики. Я не оговорился, именно самосвальчики. Таких машин я еще не видел на стройках. Они напоминали наш колесный трактор, с той только разницей, что там, где быть мотору, у них располагался похожий на лопату кузов. Машины венгерского производства, марки «Дамиер». Говорят, очень удобны в эксплуатации и мало требуют горючего. В польских условиях это очень важно, ибо бензин дорог.

— Готовится котлован для здания ТЭЦ,— продолжал Роман Лучкевич.— В четырнадцати километрах отсюда, на реке Витке,— вы проезжали мимо, наверное, видели—строится бассейн на пять миллионов кубических метров воды. Вода на ТЭЦ будет подаваться по трубам. Там же расположится и маленькая ГЭС для обслуживания насосов.

Солнце палило спину. Из-под колес самосвалов шлейфами тянулась пыль. В речку бы сейчас! И она совсем рядом, в нескольких сотнях метров отсюда. Это Нисса, пограничная река, шириной с нашу московскую Яузу. На ее зеленом берегу, у самой воды, лошади мирно щиплют траву. Напротив дымит трубами Хиршфельдская ТЭЦ. Уголь она получает из Турошува. Здесь, на польской стороне, воздвигается другая ТЭЦ — Турошувская. Немцы помогают стройке машинами и кредитами. Ток от новой электростанции побежит не только в дома крестьян, в рабочие поселки, на новые заводы Польши. Тепло и свет пойдут отсюда в Чехословакию и Венгрию. Как все тесно переплелось в этом маленьком уголке земли, на стыке трех государств! Так же тесно переплелись и судьбы народов-братьев. И никакой силой не порвать эти узы: ведь люди не могут жить без света и тепла!

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

Вл. ТОЛСТОЙ

Подлинно реалистическое искусство всегда связано с жизнью. Но связь эта может быть выражена по-разному. Ведь настоящий художник, будь он жанрист или исторический живописец, всегда остается, по выражению М. Горького, «чувствилищем» своей эпохи, он всегда — сознательно или интуитивно — откликается на требования времени, по-своему осмысливая окружающую действительность в художественных образах.

Жанр исторической живописи в современном его понимании в русском искусстве оформился во второй половине XIX века. Художник, если он хочет правдиво и конкретно воссоздать историю, с характерными для определенного времени типами людей, бытовым укладом, должен чем-то восполнить то, что он не может непосредственно наблюдать в натуре. Соединяя воедино объективные данные науки и свой личный опыт, живописец создает живой и убедительный художественный образ исторического события.

Главное для художника состоит в том, чтобы, рассказывая даже о прошлом, поднимать насущные проблемы человеческого бытия, раскрывать движущие силы общественного развития. Именно поэтому историческое полотно не равнодушная реставрация прошлого, а живой, взволнованный рассказ художника об истории народа.

Интерес к истории вообще и к героическим страницам отечественной истории в частности особенно усилился в связи с огромным патриотическим подъемом 1812 года. Однако долго еще исторический жанр не мог выйти из традиционного круга мифологических и античных тем, порвать со сковывающими его академическими канонами; только решительный поворот, который произошел в бытовом жанре после Федотова и Венецианова, открыл путь новым реалистическим веяниям и в области исторической живописи. Расцвет русской исторической живописи падает на 80—90-е годы и связан с такими крупнейшими именами, как Суриков, Репин, Н. Ге, В. Васнецов. Именно эти художники создали шедевры русской исторической живописи, которыми наш народ по праву гордится.

Суриков принес в мировое искусство свою заветную тему. В исторических полотнах он говорит о величии русского народа, его моральной силе и красоте. Эта идея красной нитью проходит через все его творчество.

Картина «Переход Суворова через Альпы» посвящена одной из блистательных страниц русской истории. Оторванная от тылов, покинутая своими австрийскими союзниками, русская армия под водительством Суворова совершила беспримерный переход через снежные перевалы Швейцарских Альп, обманув этим маневром неприятеля.

В русском народе сохранилось много песен и сказаний о гениальном полководце, который по-отечески относился к солдатам, был суров, но справедлив. Таким он и предстает в картине Сурикова. Это образ народного героя, неразрывно связанного с солдатами, близкий и понятный им. Поэтому-то такой любовью и преданностью светятся лица солдат, к которым обращены слова Суворова, наблюдающего за маршем через перевал. Но в отличие от многих батально-исторических картин на подобный сюжет Суриков изобразил трудности горного перехода отнюдь не для того, чтобы на его фоне эффектнее выглядел героизированный портрет полководца. Как ни велики были симпатия и уважение Сурикова к Суворову, главное, из-за чего художник остановился на этой теме, — это возможность раскрыть характер русского солдата, его отвагу и доблесть, способность преодолевать величайшие трудности. Несмотря на стужу, на то, что ледяной ветер свистит в ушах и ноги скользят в бездну, солдаты не теряют присутствия духа. Солдаты по праву делят с полководцем его легендарную славу.

В картине современника Сурикова А. Д. Кившенко «Военный совет в Филях в 1812 году» запечатлен знаменательный момент в истории России и показан другой не менее прославленный полководец — фельдмаршал М. И. Кутузов. Он изображен в тот момент, когда вопреки мнению многих генералов принимает трудное, но, как показала история, верное решение: оставить Москву без боя с тем, чтобы покинутая жителями столица стала ловушкой для наполеоновской армии. Художник с исторической достоверностью и портретной точностью изобразил всех участников военного совета в Филях. Он проходил в крестьянской избе, и единственным сторонним зрителем была маленькая дочка хозяина, с любопытством и страхом поглядывающая с печки на необычных «гостей».

Кившенко, тогда только что окончивший Академию художеств, хорошо справился с трудной задачей, создав жизненную драматическую сцену. Каждый из присутствующих по-своему реагирует на слова Кутузова об отступлении. Внутренний драматизм происходящего художник подчеркнул световыми контрастами в затемненной избе, куда сквозь полуотдернутую занавеску проникают солнечные лучи. Блики золотистого света на лице порывисто вставшего Ермолова помогают живописцу передать его волнение. Свет, льющийся в окно, придает в то же время особую силуэтную четкость и выразительность чопорным фигурам двух генералов, которые сидят на лавке спиной к зрителю. Психологическая трактовка исторического сюжета возникла у Кившенко, по-видимому, под влиянием романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

В дальнейшем своем творчестве Кившенко развивал тот тип исторической живописи, который можно назвать историко-бытовым. В отличие от трагических народных эпопей Сурикова и драматически-напряженных исторических полотен И. Репина в картинах историко-бытового жанра главным является правдивое воссоздание «общего колорита» эпохи — ее бытового уклада, характерных образов, исторического пейзажа и т. п.

Историческая живопись, начавшаяся у нас в творчестве В. Шварца и поднятая на огромную высоту гением Сурикова и Репина, впоследствии, в творчестве художников конца XIX и начала XX века, теряет свою масштабность, ясную социальную направленность и драматизм, становясь либо романтической мечтой о прошлом, либо просто декоративной экзотикой, противопоставляемой будничной «прозе» современности. Последняя тенденция особенно ясно сказалась в творчестве художников «Мира искусства», увлекавшихся показной стороной придворного европейского быта XVIII века.

Для другого направления в историческом жанре рубежа двух столетий, представителями которого были братья Виктор и Аполлинарий Васнецовы, Сергей Иванов, Рябушкин, характерен особый интерес к истории «кондовой» допетровской Руси. Отчасти в этом сказывалась естественная реакция на космополитические тенденции «мирискусников», но главное было в том, что эта историческая тематика позволяла художникам воспроизводить на своих полотнах образы русских крестьян, полные внутреннего достоинства и красоты, богатство и своеобразие архитектуры, красочные национальные костюмы — словом, все, что создает неповторимо-привлекательную атмосферу древней Руси.

Замечательным мастером такого рода поэтической картины-воспоминания, или, лучше сказать, песни о родном народе и его старине, являлся А. Рябушкин. Картина «Свадебный поезд в Москве в конце XVII столетия» весьма характерна для его творчества.

...Яркий февральский день, видно, масленица. По еще покрытой снегом улице проносится алый возок невесты, сопровождаемый дружками в красных кафтанах. Веселый смех, звон бубенцов звучат в предвесеннем воздухе. Это ощущение передано художником в звонкой гамме светлых и чистых красок, в белизне снега, в блещущих на солнце одеждах свадебного поезда. И только одна девушка, быстро уходящая прочь от веселой свадьбы, вносит в жизнерадостную красочную картину драматическую нотку. Отвергнутой невесте тягостно зрелище этой свадьбы. Художник не стремится глубже заглянуть в душу своей героини. Он довольствуется лишь этим небольшим эмоциональным акцентом, позволяющим лучше оттенить общее настроение картины.

В исторических картинах С. Иванова нет такой тонкой поэтической недоговоренности, как у Рябушкина. Но и он обычно изображает не какие-либо крупные исторические события, а воссоздает колоритные и характерные черты быта старой московской Руси. Таково, например, одно из лучших его исторических полотен — «Приезд иностранцев в Москву XVII столетия». На заснеженной площади собралось много народа: всем интересно посмотреть на иностранного посла — приезжего «немца», как называли в ту пору всякого европейца. На переднем плане сердитый старик с вязкой баранок. Он искоса поглядывает на чужеземца и торопится увести «от соблазна» молодую жену.

Оживить исторические факты, постичь самый дух далекой эпохи — это превосходно умели делать и Рябушкин и С. Иванов, по-своему продолжавшие традиции исторической живописи Сурикова. Они хорошо знали жизнь своего народа, и это придавало убедительность их произведениям.

Лучшие художники-передвижники умели и в картинах, рассказывающих о современности, запечатлеть важнейшие исторические черты своей эпохи. Таковы полотна С. Иванова о переселенцах, его замечательные зарисовки, акварели и офорты, посвященные революционным событиям 1905 года. Таковы, конечно, и прославленные полотна Репина «Бурлаки», «Крестный ход в Курской губернии», «Не ждали», «Арест пропагандиста», известные полотна Ярошенко, Савицкого, Максимова, Корзухина, Верещагина, В. Маковского и многих других русских художников демократического направления. Они создали широкую и многообразную художественную летопись своего времени. Их картины служат ныне бесценным историческим свидетельством очевидцев, правдиво запечатлевших важнейшую предреволюционную пору в истории России.

И. Е. Репин (1844—1930). АРЕСТ ПРОПАГАНДИСТА. 1880—1892 годы.

Государственная Третьяковская галерея.

Ольга ЧЕЧЕТКИНА

Бидау встретился с президентом

Когда Бидау объявил, что он отправляется в Джакарту, в деревне поднялся переполох. Забеспокоились все, и в первую очередь те, кто помнил его еще сидящим верхом на боку матери. Заволновались даже те, кто смотрел на этого тихого и незлобивого человека безучастно, как смотрят на банановое дерево, которое всегда стоит на своем месте, бесшумно делая свое дело. Забеспокоилась, говорю, вся деревня. Шутка ли, парень задумал отправиться не куда-нибудь в соседнюю деревню, за тридцать — сорок километров, и не на охоту в джунгли, а в Джакарту, к президенту всей Республики Индонезии! Впрочем, вы, читатель, удивитесь, если узнаете, где живет Бидау.

А для этого вам придется взять карту Индонезии. Найдите остров Калимантан, а в западной его части—город Понтианак. Не правда ли, это довольно далеко от Джакарты, которая стоит на северо-западном берегу Явы? Но Бидау живет еще дальше. Когда я спросила Бидау при встрече с ним, сколько километров от Понтианака до его деревни Тебуар, он удивился: «А разве кто знает? Никто еще не мерил... Но очень-очень далеко. Надо сначала идти, потом плыть на лодке, потом опять идти... Очень далеко».

И все-таки Бидау решил добраться до Джакарты, решил — и все тут! Оказалось, он задумал это уже много лет назад, с тех пор, когда сюда дошли первые вести, что на Яве объявлена независимость и республиканские отряды борются против голландских колонизаторов. Тогда все чаще стали повторять имя президента Сукарно, и Бидау решил во что бы то ни стало повидать его. Зачем? Как зачем? Чтобы поговорить о том, как строить жизнь заново, чтобы она была лучше. С тех пор, как была провозглашена республика, люди хотят знать, что необходимо для этого.

До сих пор по миру гуляют всякого рода «страшные истории» о жителях Калимантана — даяках, об их воинственности, о страшной местной традиции охоты за черепами. Но уже давным-давно ушли в прошлое и война кланов, и охота за черепами, и многое другое. Правда, и по сей день в более отдаленных, глухих районах острова население живет в условиях родового строя. Женщины в этих местах еще сейчас считают красивым носить в ушах подвески из 15—20 крупных металлических колец. От этого уши становятся длинными, оттягиваясь ниже плеча. Однако и в те деревни уже пришла или идет новая жизнь. За последние годы на острове созданы сотни новых сельских школ; туда часто приезжают работники службы информации индонезийского правительства. Даякские юноши и девушки учатся теперь в больших городах Калимантана и даже на Яве.

Новая жизнь пришла и в деревню Тебуар. Все ее жители участвовали во всеобщих выборах. Бидау, конечно, тоже голосовал. Народ говорит: надо улучшить жизнь; все хотят приложить к этому руки. Но что сделать конкретно? Вот об этом-то Бидау и спросит президента, вот для этого-то он к нему и отправляется.

Но ни один даяк не пойдет в гости с пустыми руками. Бидау решил приготовить подарок президенту. Из волокна дерева капуа, вымочив и обработав его по старинному, дедовскому способу, он сделал ткань и сшил куртку, раскрасив ее традиционными даякскими рисунками. Такую куртку и деревянный меч даяки надевают и сейчас, когда в праздники танцуют воинственные танцы своих предков. К этому Бидау добавил кусок ароматичного дерева гахару, которое в почете у даяков.

В ночь перед уходом в далекий путь Бидау не спал. Вся жизнь прошла перед ним, и показалась она ему очень длинной, хотя счет его лет не дошел и до сорока. Подростком жил он из милости у родственников, работал на рисовом поле, нянчил детей, а потом пошел батрачить. Все его имущество составляли кривой нож для работы на поле — «паранг» — да кремень — кресало,— чтобы добывать огонь. По три дня пробирался тогда Бидау из деревни в деревню по узкой тропке в густых зарослях леса, ножом расчищал путь там, где уж совсем нельзя было пройти.

Шли годы, а он все ходил и ходил по деревням, работал у чужих людей за горсть риса. Потом на Калимантан пришли японцы. Голландцы тогда побросали свои плантации и сбежали из Индонезии. Японцы оказались не лучше сбежавших: те и другие — колонизаторы. Японцы убили хозяина, у которого в то время работал Бидау. Они издевались над даяками, насиловали девушек, грабили население. И снова ходил по деревням Бидау, по реке Пиван поднимался почти до самого озера Данау Мулук, которое считается у даяков священным. И повсюду слышал, что и на Калимантане действуют смелые и мужественные люди, которые хотят освободить Индонезию от колонизаторов.

За целую ночь многое можно передумать, но и длинная ночь кончается. Утром вся деревня провожала Бидау, но нести деревянный сундучок, в котором были уложены подарки президенту, Бидау не доверил никому.

Началось путешествие, которое люди могли бы назвать одиссеей калимантанского жителя Бидау и описание которого могло бы занять десятки, а то и сотни страниц. Не удивительно: ведь добирался Бидау до Джакарты больше года. Шел много дней пешком, плыл на узкой, выдолбленной из дерева лодке, пока добрался до селения, откуда можно уже было доехать пароходом до главного города провинции — Понтианак. Можно-то можно, но денег не было, и Бидау остался в поселке на заработки. Работал водовозом, грузчиком, выполнял любую работу, откладывал по рупии. Так прошел год, пока наконец Бидау смог купить билет и отправиться дальше. В Понтианак он приехал, как раз когда там готовились к празднику 17 августа, дню провозглашения Республики Индонезии. Жители города чистили улицы, рынки, каналы. К тому времени Бидау уже многое повидал; он встречался с сотнями людей, лучше узнал и понял свою страну и то новое, что начало совершаться в ее жизни. Он сразу же присоединился к тем, кто работал на улицах Понтианака, и никто этому не удивился. Это была бригада, которая называлась «Новая жизнь». Здесь Бидау впервые в его жизни сочинил стихи. И он начал петь:

Мы все как один и еще в
древние времена
Могли делать лодки — и две и
три лодки,
Делать лодки все вместе,
помогая друг другу.
Тем более теперь давайте все
делать вместе!

Стихи были, наверное, не очень уж гладкие, но люди — все, кто работал в то время на каналах Понтианака,— сказали:

— Хорошо, брат Бидау!

Однако прошло два месяца, и надо было двигаться дальше. Бидау пошел к губернатору провинции и сказал ему:

— Если у нас теперь республика, каждый может поговорить с президентом. Верно?

Губернатор ответил:

— Верно.

Но некоторые чиновники сказали:

— Ты неграмотный, куда ты поедешь? Давай мы пошлем твои подарки президенту.

— Ну нет, я сам хочу! Подарки — это начало большого разговора.

Нелегко, однако, было уговорить чиновников. Если, твердили те, всякий, кто хочет, со всех островов будет так запросто ездить в Джакарту к президенту, когда же ему управлять республикой? Да и пароходов у нас не хватает, рис возить не на чем, а тут разные путешественники.

Бидау больше всего обиделся на то, что его назвали «всяким». Чем все бы это кончилось, неизвестно, если бы в одной из контор он не натолкнулся на Абдул Халима, директора конторы «Судоходная компания Халим». Компания эта, правда, не ахти какая, океанских судов у нее и не бывало, средних тоже, но небольшой пароход «Семпади» как раз следовал в Джакарту; на нем и отправили Бидау на Яву.

В первый раз Бидау встретился с морем, и нет, оно ему не понравилось. Пароход так бросало по волнам, так качало, что Бидау не раз вспомнил все истории о морских богах, которые только причиняют людям неприятности.

Так или иначе, Бидау добрался до индонезийской столицы, и первое, что он сказал брату Абдул Халима, который встретил его, было: «Ни за что не уеду обратно, пока не увижу президента».

И увидел. Через несколько дней президент Сукарно принял Бидау во дворце Мердека. Бидау принес президенту свои подарки, а президент показал ему дворец и расспросил о жизни в деревне. Когда оказалось, что Бидау никогда не видел самолета, президент приказал «прокатить» его в Бандунг на самолете, а оттуда привезти поездом, потому что поезда Бидау тоже никогда не видал...

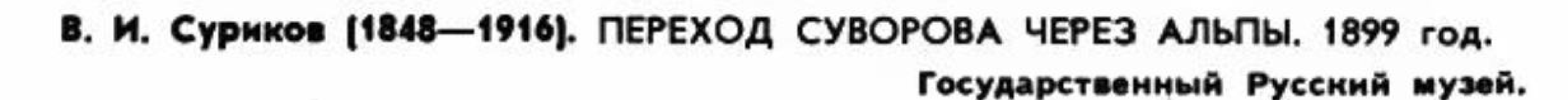
— И что же вам понравилось больше: летать или ехать поездом? — спрашиваю я Бидау сейчас, когда все его приключения уже остались позади.

— Тот и другой понравились! С самолета все видно далеко, и очень широким кажется мир, зато на поезде все хорошо видно, все ближе: и поля, и крестьяне, и их дома.

В самолете Бидау снова сочинил стихи. В них он говорил, что никто и никогда уже не сможет отнять у народа Индонезии его независимость.

— Мы все должны сейчас много работать, чтобы укрепить нашу страну. Когда я вернусь домой, я расскажу всем о Джакарте, о президенте, и я скажу им, что мы должны взяться за строительство. У нас, например, много дерева, на первых порах мы могли бы построить мебельную фабрику, а потом надо строить и большие заводы. Это я понял после разговора с президентом. Я возьму отсюда семена овощей, фруктов: нам надо учиться, повышать урожай полей. Я повезу книги для наших школьников, и сам я уже начал учиться, хотя это и очень трудно.

Вот какой он, крестьянин Бидау, полное имя которого — Бидау Бин Кетангганг, из деревни Тебуар на далеком острове Калимантан, который ездил в Джакарту, чтобы поговорить с президентом.

В. И. Суриков (1848—1916). ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ. 1899 год.
Государственный Русский музей.

ФОРЕЛЬ

Карло КАЛАДЗЕ

Какой-то неизвестный балагур,
Поймав форель, рассказывал весною,
Что здесь она, как яростный хевсур,
Гремя кольчугой, рыщет под водою.

Все тело в искрах бьется так, что лед
Трещит вокруг, и грохот фехтованья
Над оглушенным озером встает
И потрясает мир до основанья.

Форель, форель! Пришла ее пора!
Огонь любви зажегся в буйном теле,
И шевельнулась жизнью в ней икра,
Молоки животворные созрели.

И вот форель метнулась в вышину,
А в шелесте ломающихся льдинок
Алмазным телом рассекла волну
И вызвала весь мир на поединок.

Превозмогая бешеный поток,
Она вломилась в горные озера,
И застонал встревоженный песок,
И покачнулись волны от напора.

У берегов, треща, сломались льды,
Ручьи, упав с каменьев, загремели,
И озеро сверкающей воды
Наполнилось блистанием форели.

И новый день встречает рыбака
И наполняет сердце тишиною,
И челн его скользит издалека,
Едва колебля воду за кормою.

Ты в сердце вод, Георгий, заглянул,
Ты подчинил его и на рассвете
Уверенной рукою натянул
Форелью переполненные сети.

И, выгнув серебристые бока,
Форель метнулась в поисках свободы,
И чистые, как око родника,
Смутились потревоженные воды.

А рыба прыгала, сверкая чешуей,
И, чувствуя, как исчезает сила,
На берегу, в траве, перед тобой
Утраченного счастия просила.

Ощерив жабры в куче камыша,
Пятнистому не радуясь наряду,
Она вдыхала, медленно дрожа,
Убийственного воздуха прохладу.

О, торопись, Георгий, торопись!
Умерь ее бессмысленную муку,
Над изнуренным телом наклонись
И положи красавицу на руку.

Пусти ее в бурлящий водоем,
Благослови, склонившись над водою,
Чтобы в Вечернем Озере твоем
Росло ее потомство молодое.

Чтобы и впредь, как было то досель,
У башен, осененных стариною,
Ячменный хлеб и пеструю форель
Несли на пир джавахи под луною.

Перевел с грузинского
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ.

К 60-летию со дня рождения

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

Рассказ

Рисунки П. БУНИНА.

Дом был покрыт розовой штукатуркой; она облупилась и выцвела от сырости, и с веранды видно было в конце улицы море, очень синее. Вдоль тротуара росли лавры, такие высокие, что затеняли верхнюю веранду, и в тени их было прохладно. В дальнем углу веранды в клетке висел дрозд, и сейчас он не пел, даже не щебетал, потому что клетка была прикрыта; ее закрыл снятым свитером молодой человек лет двадцати восьми, худой, загорелый, с синевой под глазами и густой щетиной на лице. Он стоял, полуоткрыв рот, и прислушивался. Кто-то пробовал открыть парадную дверь, запертую на замок и на засов.

Прислушиваясь, он уловил, как над верандой шумит ветер в лаврах, услышал гудок проезжавшего мимо такси, голоса ребятишек, игравших на соседнем пустыре. Потом он услышал, как поворачивается ключ в замке парадной двери. Он слышал, как дверь отперлась, стукнул засов и потом снова щелкнул замок. В этот миг он услышал, как шлепнула бита по бейсбольному мячу и как пронзительно закричали голоса на пустыре. Он стоял, облизывая губы, и слушал, как кто-то пробовал теперь открыть заднюю дверь.

Молодой человек — его звали Энрике — снял башмаки и, осторожно поставив их, прокрался туда, откуда видно было заднее крылечко. Там никого не было. Он скользнул обратно и, стараясь не обнаруживать себя, поглядел на улицу.

По тротуару под лаврами прошел негр в соломенной шляпе с плоской тульей и короткими прямыми полями, в серой шерстяной куртке и черных брюках. Энрике продолжал наблюдать, но больше никого не было. Постояв так, приглядываясь и прислушиваясь, Энрике взял свитер с клетки и надел его.

Стоя тут, он весь взмок, и теперь ему было холодно в тени, на холодном северо-восточном ветру. Под свитером у него была кожаная кобура на плечевом ремне. Кожа стерлась и от пота подернулась белесым налетом соли. Тяжелый кольт 45-го калибра постоянным давлением намял ему нарыв под мышкой. Энрике лег на холщовую койку у самой стены. Он все еще прислушивался.

Дрозд щебетал и прыгал в клетке, и Энрике наконец вспомнил о нем. Он встал и открыл дверцу клетки. Дрозд скосил глаз на дверцу и втянул голову, потом вытянул шею и уткнулся в угол.

— Не бойся,— мягко сказал Энрике.— Никакого подвоха.

Он засунул руку в клетку, и дрозд забился о перекладины.

— Дурень,— сказал Энрике и вынул руку из клетки.— Ну, смотри: открыта.

Он лег на койку ничком, уткнув подбородок в скрещенные руки, и опять прислушался. Он слышал, как дрозд вылетел из клетки, а потом запел, уже в ветвях лавра.

«Надо же было оставить птицу в доме, кото-

Рассказ написан в 1939 году, но до сих пор у нас не был известен.

рый считают необитаемым! — думал Энрике.— Вот из-за таких глупостей случается беда. И нечего винить других, сам такой».

На пустыре ребятишки продолжали играть в бейсбол. Становилось прохладно. Энрике отстегнул кобуру и положил тяжелый пистолет рядом с собой. Потом он заснул.

Когда он проснулся, было уже совсем темно и с угла улицы сквозь густую листву светил фонарь. Энрике встал, прокрался к фасаду и, держась в тени, прижимаясь к стене, огляделся. На одном из углов под деревом стоял человек в шляпе с плоской тульей и короткими прямыми полями. Цвета его пиджака и брюк Энрике не разглядел, но что это негр, было несомненно. Энрике быстро перешел к задней стене, но там было темно, и только на пустырь светили окна двух соседних домов. Тут в темноте могло скрываться сколько угодно народу. Он знал это, но услышать ничего не мог: через дом от него громко кричало радио.

Вдруг взвыла сирена, и Энрике почувствовал, как дрожь волной прошла по коже на голове. Так внезапный румянец сразу заливает лицо, так обжигает жар из распахнутой топки, и так же быстро все прошло. Сирена звучала по радио — это было вступление к рекламе, и голос диктора стал убеждать: «Покупайте зубную пасту «Гэвис»! Невыдыхающаяся, непревзойденная, наилучшая!»

Энрике улыбнулся. А ведь пора бы комунибудь и прийти.

Опять сирена, потом плач младенца, которого, по уверениям диктора, можно унять только детской мукой «Мальта-Мальта», а потом автомобильный гудок, и голос шофера требует этиловый газолин «Зеленый крест»: «Нечего меня запугивать! Мне надо «Зеленый крест», высокооктановый, экономичный, наилучший».

Рекламы эти Энрике знал наизусть. За пятнадцать месяцев, что он провел на войне, его презрительно выговорил это слово, а босые ноги бесшумно перенесли его на другую сторону дверного проема.

— Для тех, кто ее заслуживает, — ответил ему кто-то из-за двери.

Это был женский голос, и произнес он отзыв быстро и невнятно.

Энрике отодвинул двойной засов и распахнул дверь левой рукой, не выпуская кольта из правой.

В темноте перед ним стояла девушка с корзинкой. Голова у нее была повязана платком.

— Здравствуй,— сказал он, запер дверь и задвинул засов.

В темноте он слышал ее дыхание. Он взял у нее корзинку и потрепал ее по плечу.

— Энрике,— сказала она, и он не видел, как горели ее глаза и как светилось лицо.

— Пойдем наверх,— сказал он.— За домом кто-то следит с улицы. Ты его видела?

— Нет,— сказала она.— Я пришла по пустырю.

— Я тебе его покажу. Пойдем на веранду.

Они поднялись по лестнице. Энрике нес корзину, потом поставил ее у кровати, а сам подошел к углу и выглянул. Негра в шляпе не было.

— Так,— спокойно заметил Энрике.

— Что так? — спросила девушка, тронув его руку и, в свою очередь, выглядывая.

— Он ушел. Что там у тебя из еды?

— Мне так обидно, что ты тут целый день просидел один,— сказала она.— Так глупо, что пришлось дожидаться темноты. Мне так хотелось к тебе весь день!

— Глупо было вообще сидеть здесь. Они еще до рассвета высадили меня с лодки и привели сюда. Оставили один пароль и ни крошки поесть, да еще в доме, за которым следят. Паролем сыт не будешь. И не надо было сажать меня в дом, за которым по каким-то причинам наблюдают. Очень это подругой поглаживала его затылок.— Мой Энрике!

— Только осторожней,— сказал он, жуя.— Спина очень болит.

— Ну, ты доволен, что вернулся с войны?

— Об этом я не думал,— сказал он.

— Энрике, а как Чучо?

— Убит под Лéридой.

— А Фелипе?

-Убит. Тоже под Лèридой.

— Артуро?

— Убит под Теруэлем.

— А Висенте? — сказала она, не меняя выражения, и обе руки ее теперь лежали на его колене.

— Убит. При атаке на дороге у Селадас.

— Висенте — мой брат.— Она отодвинулась от него, убрала руки и сидела, вся напрягшись, одна в темноте.

— Я знаю,— сказал Энрике. Он продолжал есть.

— Мой единственный брат.

— Я думал, ты знаешь,— сказал Энрике.

— Я не знала, и он мой брат.

— Мне очень жаль, Мария. Мне надо было сказать об этом по-другому.

— А он в самом деле убит? Почем ты знаешь? Может быть, это только в приказе?

— Слушай. В живых остались Рожелио, Базилио, Эстебан, Фело и я. Остальные убиты.

— Все?

— Все, — сказал Энрике.

— Нет, я не могу,— сказала Мария,— не могу поверить!

— Что толку спорить? Их нет в живых.

— Но Висенте не только мой брат. Я бы пожертвовала братом. Он был надеждой нашей партии.

— Да. Надеждой нашей партии.

— Стоило ли? Там погибли все лучшие.

— Да. Стоило!

— Как ты можешь говорить так? Это — преступление.

гда не умирает

они ни капельки не изменились: должно быть, все те же пластинки запускают,— и все-таки звук сирены каждый раз вызывал у него эту дрожь, такую же привычную реакцию на опасность, как стойка охотничьей собаки, почуявшей перепела.

Поначалу было не так. От опасности и страха у него когда-то сосало под ложечкой. Он тогда чувствовал слабость, как от лихорадки, и лишался способности двинуться именно тогда, когда надо было заставить ноги идти вперед, а они не шли. Теперь все не так, и он может теперь делать все, что понадобится. Дрожь — вот все, что осталось из многочисленных проявлений страха, через которые проходят даже самые смелые люди. Это была теперь его единственная реакция на опасность, да разве еще испарина, которая, как он знал, останется навсегда и теперь служит предупреждением, и только.

Стоя и наблюдая за человеком в соломенной шляпе, который уселся под деревом на перекрестке, Энрике услышал, что на пол веранды упал камень. Энрике пытался найти его, но безуспешно. Он пошарил под койкой — и там нет. Не успел он подняться с колен, как еще один камешек упал на плиточный пол, подпрыгнул и закатился в угол. Энрике поднял его. Это был простой, гладкий на ощупь голыш; он сунул его в карман, пошел в дом и спустился к задней двери.

Он стоял, прижимаясь к косяку и держа в правой руке тяжелый кольт.

— Победа,— очень спокойно сказал он; рот кубински. Но в мое время мы по крайней мере не голодали. Ну, как ты, Мария?

В темноте она крепко поцеловала его. Он почувствовал ее тугие полные губы и то, как задрожало прижавшееся к нему тело, и тут его пронзила нестерпимая боль в пояснице.

— Ой! Осторожней!

— А что с тобой?

— Спина.

— Что спина? Ты ранен?

— Увидишь, — сказал он.

— Покажи сейчас.

— Нет. Потом. Надо поесть и скорее вон отсюда. А что тут спрятано?

— Уйма всего. То, что уцелело после апрельского поражения, то, что надо сохранить на будущее.

Он сказал:

— Ну, это — отдаленное будущее. А наши знают про слежку?

— Конечно, нет.

— Ну, а все-таки, что тут?

— Ящики с винтовками. Патроны.

— Все надо вывезти сегодня же.— Рот его был набит.— Годы придется работать, прежде чем это опять пригодится.

— Тебе нравится эскабече [1]?

— Очень вкусно. Сядь сюда.

— Энрике! — сказала она, прижимаясь к нему. Она положила руку на его колено, а

— Нет. Стоило!

Она плакала, а Энрике продолжал есть.

— Не плачь,— сказал он.— Теперь надо думать о том, как нам возместить их потерю.

— Но он мой брат. Пойми это: мой брат!

— Мы все братья. Одни умерли, а другие еще живы. Нас отослали домой, так что ктокто останется. А то никого бы не было. И нам надо работать.

— Но почему же все они убиты?

— Мы были в ударной части. Там или ранят, или убивают. Мы, остальные, ранены.

— А как убили Висенте?

— Он перебегал дорогу, и его скосило очередью из дома справа. Оттуда простреливалась дорога.

— И ты был там?

— Да. Я вел первую роту. Мы двигались справа от них. Мы захватили дом, но не сразу. Там было три пулемета. Два в доме и один в конюшне. Нельзя было подступиться. Пришлось вызывать танк и бить прямой наводкой в окно. Вышибать последний пулемет. Я потерял восьмерых.

— А где это было?

— Селадас.

— Никогда не слышала.

— Не мудрено, — сказал Энрике. — Операция была неудачной. Никто о ней никогда и не узнает. Там и убили Висенте и Игнасио.

— И ты говоришь, что так надо? Что такие люди должны умирать при неудачах в чужой стране?

[1] Маринованная рыба.

— Нет чужих стран, Мария, когда там говорят по-испански. Где ты умрешь, не имеет значения, если ты умираешь за свободу. И во всяком случае главное — жить, а не умирать.

— Но подумай, сколько их умерло... вдали от родины... и в неудачных операциях...

— Они пошли не умирать. Они пошли сражаться. Их смерть — это случайность.

— Но неудачи! Мой брат убит в неудачной операции. Чучо — тоже. Игнасио — тоже.

— Ну, это частность. Нам надо было иногда делать невозможное. И многое, на иной взгляд, невозможное мы сделали. Но иногда сосед не поддерживал атаку на твоем фланге. Иногда не хватало артиллерии. Иногда нам давали задание не по силам, как при Селадас. Так получаются неудачи. Но в целом это не была неудача.

Она не ответила, и он стал доедать, что осталось.

Ветер в деревьях все свежел, и на веранде стало холодно. Он сложил тарелки обратно в корзину и вытер рот салфеткой. Потом тщательно обтер пальцы и одной рукой обнял девушку. Она плакала.

— Не плачь, Мария, — сказал он. — Что случилось — случилось. Надо думать, как нам быть дальше. Впереди много работы.

Она ничего не ответила, и в свете уличного фонаря он увидел, что она глядит прямо перед собой.

— Нам надо покончить со всей этой романтикой. Пример такой романтики — этот дом. Надо покончить с тактикой террора. Никогда больше не пускаться в авантюры.

Девушка все молчала, и он смотрел на ее лицо, о котором думал все эти месяцы всякий раз, когда мог думать о чем-нибудь, кроме своей работы.

— Ты словно по книге читаешь, — сказала она. — На человеческий язык не похоже.

— Очень жаль, — сказал он. — Жизнь научила. Это то, что должно быть сделано. И это для меня важнее всего.

— Для меня важнее всего мертвые, — сказала она.

— Мертвым почет. Но не это важно.

— Опять как по книге! — гневно сказала она. — У тебя вместо сердца книга.

— Очень жаль, Мария. Я думал, ты поймешь.

— Все, что я понимаю, — это мертвые, — сказала она.

Он знал, что это неправда. Она не видела, как они умирали под дождем в оливковых рощах Харамы, в жару в разбитых домах Кихорны, под снегом Теруэля. Но он знал, что́ она ставит ему в упрек: он жив, а Висенте умер, — и вдруг в каком-то крошечном уцелевшем уголке его прежнего сознания, о котором он уже и не подозревал, он почувствовал глубокую обиду.

— Тут была птица, — сказал он. — Дрозд в клетке.

— Да.

— Я его выпустил.

— Какой ты добрый! — сказала она насмешливо. — Вот не знала, что солдаты так сентиментальны!

— А я хороший солдат.

— Верю. Ты и говоришь, как хороший солдат. А каким солдатом был мой брат?

— Прекрасным солдатом. Веселее, чем я. Я невесел. Это недостаток.

— А он был веселый?

— Всегда. И это мы очень ценили.

— А ты не веселый?

— Нет. Я все принимаю слишком всерьез. Это недостаток.

— Зато самокритики хоть отбавляй, и говоришь как по книге.

— Лучше бы мне быть веселее, — сказал он. — Никак не могу научиться.

— А веселые все убиты.

— Нет, — сказал он. — Базилио веселый.

— Ну, так и его убьют, — сказала она.

— Мария! Как можно? Ты говоришь, как пораженец.

— Опять по книге! — прервала она его. — Не трогай меня. У тебя черствое сердце, и я тебя ненавижу.

И снова он почувствовал обиду, он, который считал, что сердце его зачерствело и ничто не может причинить боль, кроме физических страданий. Все еще сидя на койке, он нагнулся.

— Стяни с меня свитер, — сказал он.

— С какой стати?

Он поднял свитер на спине и повернулся.

— Смотри, Мария. В книге такого не увидишь.

— Не стану смотреть, — сказала она. — И не хочу.

— Дай сюда руку.

Он почувствовал, как ее пальцы нащупали след сквозной раны, через которую свободно прошел бы бейсбольный мяч, чудовищный шрам от раны, прочищая которую хирург просовывал туда руку в перчатке, шрам, который проходил от одного бока к другому. Он чувствовал прикосновение ее пальцев и внутренне содрогнулся. Потом она крепко обняла его и целовала, и губы ее были островком во внезапном океане острой боли, которая захлестнула его слепящей, нестерпимой, нарастающей, жгучей волной и тотчас же схлынула. А губы здесь, все еще здесь; и потом, ошеломленный, весь в поту, один на койке, а Мария плачет и твердит:

— О Энрике, прости меня! Прости, прости!

— Неважно, — сказал Энрике. — И прощать тут нечего. Но только это было не из книг.

— И всегда так больно?

— Когда касаются или при толчках.

— А как позвоночник?

— Он был только слегка задет. И почки тоже. Осколок вошел с одной стороны и вышел с другой. Там ниже и на ногах есть еще раны.

— Энрике, прости меня!

— Да нечего прощать! Вот только плохо, что не могу обнять тебя и, кроме того, что невесел.

— Мы обнимемся, когда все заживет.

— Да.

— И скоро заживет.

— Да.

— И я буду за тобой ухаживать.

— Нет, ухаживать за тобой буду я. Это все пустяки. Только больно, когда касаются и при толчках. Меня не это беспокоит. Теперь нам надо приниматься за работу. И поскорее уйти отсюда. Все, что здесь есть, надо вывезти сегодня же. Надо все это поместить в новом и невыслеженном месте, пригодном для хранения. Потребуется нам все это очень нескоро. Предстоит еще много работы, пока мы снова не создадим необходимые условия. Многих надо еще воспитать. К тому времени патроны едва ли будут пригодны. В нашем климате быстро портятся запалы. А сейчас нам надо уйти. И так уже я допустил глупость, задержавшись тут так долго, а глупец, который поместил меня сюда, будет отвечать перед комитетом.

— Я должна провести тебя туда ночью. Они считали, что день ты в этом доме будешь в безопасности.

— Этот дом — сплошная глупость!

— Мы скоро уйдем.

— Давно пора было уйти.

— Поцелуй меня, Энрике!

— Мы осторожно, — сказал он.

Потом в темноте на постели с закрытыми глазами, осторожно прилаживаясь и чувствуя на своих губах ее губы, и счастье без боли, и чувство, что ты дома без боли, дома и жив без боли, и что тебя любят и нет боли; была пустота в их любви, и она заполнилась, и губы их в темноте целуют, и они счастливы, счастливы в жаркой темноте у себя дома и без боли, и вдруг пронзительный вой сирены, и опять боль, нестерпимая боль — настоящая сирена, а не радио. И не одна сирена. Их две. И они приближаются с обоих концов улицы.

Он повернул голову, потом встал. Он подумал: недолго же довелось побыть дома.

— Выходи в дверь и через пустырь,— сказал он.— Иди, я отсюда буду отстреливаться и отвлеку их.

— Нет, ты иди,— сказала она.— Пожалуйста. Это я останусь и буду отстреливаться, тогда они подумают, что ты еще здесь.

— Послушай,— сказал он.— Мы оба уйдем. Тут нечего защищать. Все это оружие ни к чему. Лучше уйти.

— Нет, я останусь, — сказала она.— Я буду тебя защищать.

Она потянулась в его кобуру за пистолетом, но он ударил ее по щеке.

— Пойдем. Не глупи. Пойдем!

Они спустились вниз, и он чувствовал ее у себя за спиной. Он распахнул дверь, и оба они вышли в темноту. Он обернулся и запер дверь.

— Беги, Мария! — сказал он.— Через пустырь, вот в том направлении. Скорей!

— Я хочу с тобой.

Он опять ударил ее по щеке.

— Беги! Потом нырни в траву и ползи. Прости меня, Мария. Но иди. Я пойду в другую сторону. Беги,— сказал он.— Да беги же, черт возьми!

Они одновременно нырнули в заросль сорняков. Он пробежал шагов двадцать, а потом, когда полицейские машины остановились перед домом и сирены умолкли, прижался к земле и пополз.

Он упорно продирался сквозь заросли, лицо ему засыпало пыльцой сорняков, репьи своими колючками терзали ему руки и колени, и он услышал, как они обходят дом. Теперь окружили его.

Он упорно полз, напряженно думая, не обращая внимания на боль.

«Почему сирены? Почему нет машины на задах? Почему нет фонаря или прожектора на пустыре? Кубинцы! — думал он.— Надо же быть такими напыщенными глупцами. Должно быть, уверены, что в доме никого нет. Явились забрать оружие. Но почему сирены?»

Он услышал, как они взламывали дверь. Шумели возле дома. Оттуда послышалось два свистка, и он стал продираться дальше.

«Дураки,— подумал он.— Но они, должно быть, уже нашли корзину и тарелки. Что за народ! Провести облаву и то не умеют!»

Он дополз почти до конца пустыря. Он знал, что теперь надо подняться и перебежать дорогу к дальним домам. Он приладился ползти без особой боли. Он мог приучить себя почти к любому движению. Только резкие рывки причиняли боль, и он боялся, что так будет и при перебежке.

Еще не покидая зарослей, он стал на одно колено, перетерпел волну боли и потом снова вызвал ее, подтягивая вторую ногу к колену перед тем, как подняться.

Он бросился через улицу к противоположному дому, как вдруг щелкнул прожектор и сразу поймал его в сноп света. Ослепленный, он различал только темноту по обе стороны луча.

Прожектор светил с полицейской машины, которая тишком, без сирены, проехала и стала на заднем углу пустыря.

Когда Энрике тонким резким силуэтом встал навстречу лучу, хватаясь за пистолет, автоматы дали по нему очередь из затемненной машины. Было похоже на то, что бьют дубинкой по груди, и он почувствовал только первый удар. Все последующие были словно эхо.

Он ничком упал в траву, и за тот миг, что он падал, а может быть, еще раньше, между вспышкой луча и первой пулей, у него мелькнула одна, последняя мысль: «А они не так глупы. Может быть, и с ними что-нибудь выйдет».

Если бы у него было время еще для одной мысли, он, наверно, понадеялся бы, что на другом углу нет машины. Но была машина и там, и ее прожектор блуждал по пустырю. Широкий сноп прочесывал сорняки, в которых укрывалась Мария. И в затемненной машине пулеметчики вели за лучом рифленые дула безотказных уродливых «томпсонов».

В тени дерева за темной машиной с прожектором стоял негр. На нем была шляпа и шерстяная куртка. Под рубашкой он носил ожерелье из амулетов. Он спокойно стоял, наблюдая за работой прожектора.

А тот проглаживал весь пустырь, где, распластавшись, лежала девушка, уткнув подбородок в землю. Она не двинулась с тех самых пор, как услышала первую очередь. Она чувствовала, как колотится о землю ее сердце.

— Ты ее видишь? — спросил кто-то в машине.

— Надо насквозь прочесать сорняки,— сказал лейтенант.— Hola! — позвал он негра, стоявшего под деревом.— Пойди в дом и скажи, чтобы они шли сюда к нам через пустырь цепочкой. Ты уверен, что их только двое?

— Только двое,— спокойно ответил негр.— Один уже готов.

— Иди.

— Слушаю, господин лейтенант,— сказал негр.

Обеими руками придерживая свою шляпу, он побежал по краю пустыря к дому, где уже ярко светились все окна.

На пустыре лежала девушка, сцепив руки на затылке.

— Помоги мне вынести это,— сказала она в траву, ни к кому не обращаясь, потому что никого рядом не было. Потом, вдруг зарыдав, повторила: — Помоги мне, Висенте. Помоги мне, Фелипе. Помоги мне, Чучо. Помоги мне, Артуро. И ты, Энрике, помоги мне...

Когда-то она произнесла бы молитву, но это было потеряно, а ей так нужна была опора!

— Помогите мне молчать, если они возьмут меня, — сказала она, уткнувшись ртом в траву.— Помоги мне молчать, Энрике. Помоги молчать до конца, Висенте.

Она слышала, как позади нее продираются они, точно загонщики, когда бьют зайцев. Они шли широкой стрелковой цепью, освещая траву электрическими фонариками.

— О Энрике,— сказала она,— помоги мне!

Она разжала руки, сцепленные на затылке, и протянула их по бокам.

— Лучше так. Если побегу, они будут стрелять. Так проще.

Медленно она поднялась и побежала прямо на машину. Луч прожектора освещал ее с ног до головы, и она бежала, видя только его белый, ослепляющий глаз. Ей казалось, что так лучше.

За спиной у нее кричали. Но стрельбы не было. Кто-то сгреб ее, и она упала. Она слышала его тяжелое дыхание.

Еще кто-то подхватил ее под руки и поднял. Потом, придерживая с обеих сторон, они повели ее к машине. Они не были грубы с ней, но упорно вели ее к машине.

— Нет,— сказала она.— Нет! Нет!

— Это сестра Висенте Итурбе,— сказал лейтенант.— Она может быть полезна.

— Ее уже допрашивали,— сказал другой голос.

— Как следует ни разу.

— Нет! — сказала она.— Нет! Нет! — Потом громче: — Помоги мне, Висенте! Помоги, помоги мне, Энрике!

— Их нет в живых,— сказал кто-то.— Они тебе не помогут. Не глупи.

— Неправда! — сказала она.— Они мне помогут. Мертвые помогут мне. Да-да! Наши мертвые помогут мне!

— Ну так погляди на своего Энрике,— сказал лейтенант.— Убедись, поможет ли он тебе. Он тут, в багажнике.

— Он уже помогает мне,— сказала девушка Мария.— Разве вы не видите, что он уже помогает мне? Благодарю тебя, Энрике. О, как я благодарю тебя!

— Будет, — сказал лейтенант. — Она сошла с ума. Четверых оставьте стеречь оружие, мы пришлем за ним грузовик. А эту полоумную возьмем в штаб. Там она все расскажет.

— Нет! — сказала Мария, хватая его за рукав.— Вы разве не видите, что все они мне помогают?

— Чушь! — сказал лейтенант.— Ты просто свихнулась.

— Никто не умирает зря,— сказала Мария.— Сейчас все мне помогают.

— Вот пусть они тебе помогут еще через часок,— сказал лейтенант.

— И помогут! — сказала Мария.— Не беспокойтесь. Мне теперь помогают многие, очень многие.

Она сидела очень спокойно, откинувшись на спинку сиденья. Казалось, она обрела теперь странную уверенность. Такую же уверенность почувствовала чуть больше пятисот лет назад другая девушка ее возраста на базарной площади города, называемого Руаном.

Мария об этом не думала. И никто в машине не думал об этом. У этих двух девушек, Жанны и Марии, не было ничего общего, кроме странной уверенности, которая внезапно пришла к ним в нужную минуту. Но всем полицейским было не по себе при виде Марии, очень прямо сидевшей в луче прожектора, который озарял ее лицо.

Машины тронулись; в головной на заднем сиденье пулеметчики убирали автоматы в тяжелые брезентовые чехлы, отвинчивая приклады и засовывая их в косые карманы, стволы с рукоятками — в среднее отделение, а магазины — в плоские наружные кармашки.

Негр в шляпе вышел из-за угла дома и помахал машине. Он сел впереди с шофером, и все четыре машины свернули на шоссе, которое выводило по берегу к Гаване.

Сидя рядом с шофером, негр засунул руку за пазуху и стал перебирать синие камешки ожерелья. Он сидел молча и перебирал их, как четки. Он был раньше грузчиком в порту, а потом стал осведомителем и за сегодняшнюю работу должен был получить от гаванской полиции пятьдесят долларов. Пятьдесят долларов — это немалые деньги в Гаване по нынешним временам, но негр не мог больше думать о деньгах. Когда они выехали на освещенную улицу Малекон, он украдкой повернул голову и увидел гордо сиявшее лицо девушки и ее высоко поднятую голову.

Негр испугался. Он пробежал пальцами по всему ожерелью и крепко сжал его в кулак. Но оно не помогло ему избавиться от страха, потому что здесь была древняя магия, посильней его амулетов.

Перевел с английского
Иван КАШКИН.

В лаборатории московского нефтяного института. Слева направо: заместитель директора института А. А. Тихомиров, младший научный сотрудник В. В. Попко (с секундомером), старший научный сотрудник М. Г. Саркисьянц и младший научный сотрудник О. Н. Рыжевский.
Фото Ф. Короткевича.

ЭСТАФЕТА

Евг. ТЕМЧИН

Американский профессор Коттрелл предложил очищать нефть от воды и солей с помощью электрического тока промышленной частоты.

Предложение Коттрелла открывало перед нефтяной промышленностью всех стран заманчивые перспективы. Профессор доказал, что электрическим током можно очищать нефть вдвое — втрое быстрее, чем обычным термохимическим способом. Американская фирма Петреко немедленно купила патент и приступила к производству новых установок. «Идея профессора Коттрелла, осуществленная фирмой Петреко, завоевывает мир», — писали в газетах и журналах Старого и Нового света.

На одном из совещаний нефтяников советский профессор Лев Ильич Слоним, человек по природе мягкий и вежливый, обрушился на идею профессора Коттрелла с неожиданной страстью:

— Очистка нефти токами промышленной частоты бесперспективна! Установки Петреко капризны. Они не способны работать на нефти с высоким содержанием воды и солей. У них оголенные электроды. И если содержание примесей в нефти повысится против нормы, неизбежны короткие замыкания.

Так говорил Слоним. В зале шумели. А он, однако, стоял рядом с кафедрой, маленький, седой, и ждал тишины.

— Токам высокой, а не промышленной частоты принадлежит будущее, — продолжал Слоним. — С их помощью можно очищать нефть в десятки раз быстрее, чем предлагает Коттрелл. Это позволит стране сэкономить сотни миллионов рублей и увеличить выпуск чистой нефти в несколько раз! В лаборатории мы уже получили первые обнадеживающие результаты.

В зале засмеялись: в первых обнадеживающих результатах и раньше недостатка не было. До Слонима другие ученые и у нас и за рубежом пытались противопоставить свои идеи идее Коттрелла. Но ничего хорошего из этого не получилось.

— Хватит бесплодных экспериментов. На этот раз не выйдет! — громко сказал кто-то.

Едва успел профессор покинуть трибуну, как на его место стремительно поднялся высокий взъерошенный человек.

— Выйдет! — горячо крикнул он. — Мы получили не обнадеживающие, а окрыляющие результаты! Тех, кто сомневается, приглашаем в гости в лабораторию. А результаты получены следующие...

Это был инженер Ю. С. Беклемишев, впоследствии известный как писатель Юрий Крымов — автор повести «Танкер «Дербент».

Вот уже несколько лет, как Беклемишев и другой инженер, П. В. Валявский, работали под руководством Слонима. Обоих увлекла идея профессора.

Вода содержится в нефти в виде микроскопических капелек. Капельки эти настолько малы, что разница в удельном весе воды и нефти не сказывается. Поэтому они и находятся во взвешенном состоянии. Другое дело — крупные капли. Они выпадут из потока нефти, опустятся на дно сборников, и над ними пойдет обезвоженный продукт. Прорвать пленку микроскопических капелек, заставить их слиться должны токи высокой частоты. Такова идея Слонима.

Лаборатория была маленькая, плохо оснащенная. Нефтяной институт — это не научно-исследовательское, а учебное учреждение. В распоряжении Слонима, Беклемишева и Валявского были небольшие установки, и пока это их вполне устраивало.

Но когда был получен первый обнадеживающий результат и все трое любовались содержимым колбы, будто была она наполнена не густой темной нефтью, а сверкающими драгоценными камушками, Слоним тихо промолвил:

— Наконец-то. Теперь нужно отработать процесс. И, знаете, молодые люди, пора нам выйти из лаборатории в промышленность.

Первая попытка не увенчалась успехом. С тех пор Слоним, Беклемишев и Валявский не раз выступали на совещаниях нефтяников и предлагали построить на промыслах экспериментальные высокочастотные установки. Ледок недоверия понемногу таял. На то, чтобы растопить этот ледок, ушло несколько лет.

Лишь незадолго до войны на Бакинском, Уфимском и Орском нефтезаводах были построены первые экспериментальные установки. Началась новая серия испытаний. Теперь их проводили уже в настоящих заводских условиях. Вот тут-то и стали обнаруживаться слабые места: изоляторы быстро выходили из строя, сгорали, вся система работала неровно.

Слоним, Беклемишев и Валявский внесли добрый десяток усовершенствований в чертежи. Работу закончили в июне сорок первого года.

А через несколько дней началась война. В маленькой лаборатории нефтяного института трое прощались. У Слонима тряслись губы. Беклемишев и Валявский, поглядывая на часы, ждали, пока старик успокоится.

И вот он остался один в лаборатории. Потянулись дни ожидания. Он ждал писем с фронта и вестей с заводов, где модернизация установок шла к концу. Письма с фронта были лаконичны. В каждом из них инженеры спрашивали, начались ли испытания модернизированных установок. У обоих, оказалось, возникли новые идеи, которые хорошо бы проверить в лабораторных условиях. Слоним бережно разглаживал листки в местах сгибов, складывал их в ящик стола и отправлялся в лабораторию. Его письма на фронт были обстоятельны, насыщены формулами и цифрами. Однажды письмо, отправленное Беклемишеву, вернулось с пометкой: «Адресат выбыл». С такой же пометкой возвратилось другое письмо, отправленное Валявскому. Вскоре стало известно, что Беклемишев и Валявский погибли на фронте.

Слоним перестал бывать в лаборатории. Слишком многое здесь было связано с учениками, все напоминало о них: чертежи, разные приспособления.

Закончив чтение лекций, он медленно брел по длинному институтскому коридору, обходя подальше двери лаборатории.

Однажды его встретил здесь инженер А. А. Тихомиров, начальник научно-исследовательского сектора института.

— Не пущу! — сказал он.

Слоним остановился, рассеянно взглянул на него.

— Не пущу, — повторил Тихомиров. — Их не вернешь! Но жизнь-то идет! Оглянитесь вокруг себя... А ваша последняя работа... Что же вы?!

— Позвольте, Александр Александрович, — тихо попросил профессор.

— Нет, — жестко сказал Тихомиров. — Мы сейчас же пойдем в лабораторию.

Слоним покорно двинулся за ним.

На столе лежала открытка. Профессор схватил ее, пробежал глазами и медленно положил на стол.

— Плохо? — спросил Тихомиров.

— Очень, — устало отозвался Слоним. — Установка работает скверно. Мы где-то ошиблись.

— Так поезжайте на завод, выявите причины! Ведь идея верная! За нее бороться нужно! Они погибли. Кто же теперь, кроме вас, доведет до конца дело?

Слоним уехал на Уфимский завод. Он пробыл там недолго. Устранить дефекты на месте не удалось. Сама схема оказалась несовершенной: требовались новые решения.

Это была полоса каких-то фатальных неудач. Профессор предлагал заводам перестроить то одни узлы, то другие. А с заводов сообщали о новых и новых дефектах.

На совещаниях идею Слонима громили прежние противники. Его упрекали в авантюризме. Ведь это по его милости на строительство высокочастотных установок затрачены сотни тысяч рублей. Ввел научную общественность в заблуждение. Теперь-то ясно, что его идея провалилась. Коттрелл прав! Токи промышленной, а не высокой частоты нужно применять для очистки нефти.

Только небольшая группа ученых во главе с тогдашним директором Московского нефтяного института А. В. Топчиевым и начальником научно-исследовательского сектора А. А. Тихомировым по-прежнему держала его сторону. Они выступали в защиту Слонима. Они требовали, чтобы профессор продолжал поиски.

Тяжелый груз лег на плечи старого ученого. И неожиданный сердечный приступ оказался роковым.

Никогда прежде Тихомиров не думал, что именно ему придется продолжать начатую Слонимом работу. Эта мысль впервые пришла, когда инженер, вместо Слонима исполнявший обязанности заведующего лабораторией электротехники, положил перед ним план научно-исследовательских работ.

Тихомиров пробежал план и не увидел привычной, из года в год значащейся темы «Исследования высокочастотной очистки нефти».

— Забыли включить?

Инженер замялся. Вопрос застал его врасплох. Тихомиров ждал.

И тогда инженер решился:

— Не забыли. Но идея достаточно скомпрометирована. Стоило ли ее включать? Да и желающих продолжать пока нет...

Слова эти будто обожгли Тихомирова. Он вскочил с места и принялся шагать по тесному кабинету. Вдруг остановился:

— Послушайте, молодой человек! Тема должна быть в плане. И если желающих нет, я поведу ее.

Не раз потом вспоминал он этот день. Он не мог тогда поступить иначе. Так требовала совесть коммуниста. Ведь не за горами дни, когда сначала промыслы Башкирии, а за ними и другие начнут давать нефть с высоким содержанием воды. Процесс обводнения уже начался. Он необратим. Установки, действующие на токах промышленной частоты, одна за другой начнут выходить из строя. Они капризны. Только высокочастотные установки могут спасти положение. Но хватит ли сил довести эстафету до финиша?

Четыре инженера — А. С. Агафонов, Л. И. Бам, В. В. Попко и М. Г. Саркисьянц—взялись помогать Тихомирову. Шаг за шагом поисковая группа двигалась по следам Слонима, Беклемишева и Валявского. Важно было прежде всего найти причины неудач группы Слонима. Кое-какие теоретические выводы профессора внушали серьезные сомнения. Казались несовершенными и конструкции ряда узлов, и изоляторы, видимо, были выбраны неудачно...

Нет нужды рассказывать о днях печальных и радостных, о взлетах творческой мысли, когда все пятеро отчетливо — в который уже раз! — видели финишную черту, и о том, как эта черта — в который уже раз! — исчезала, и в лаборатории наступала тягостная тишина. Люди печально разглядывали очередной макет, а Тихомиров с грохотом двигал стул и бросал зло:

— Дьявольщина какая-то! — но тут же брал себя в руки, говорил невозмутимо и жестко: — Начнем сначала!

Однажды, когда новая серия экспериментов закончилась, Тихомиров сказал:

— Хватит, теперь все ясно: пора строить промышленную установку, — и, собрав со стола листки с записями, ушел.

Он возвратился спустя несколько часов, и по выражению его лица все поняли: не такое это простое дело — получить разрешение на строительство.

Тихомиров долго сидел, не произнося ни слова, подперев кулаками подбородок, прикрыв глаза. Потом, ни к кому не обращаясь, тихо промолвил:

— Похоже, крест собираются ставить на нашем деле. Не верят. Ну, что же, заставим поверить!

Борьба началась. Ее можно было бы назвать борьбой идей, если бы, как казалось Тихомирову, сюда не примешалось другое. Дело в том, что по поручению Министерства нефтяной промышленности группа специалистов в то время уже спроектировала установку для очистки нефти токами промышленной частоты. Строительство первой такой установки начато в Башкирии. Поднялись из земли коробки зданий, а на заводах изготовляли сложную аппаратуру. Осуществить предложение Тихомирова — значило признать несостоятельность ранее принятого решения: ведь строительство высокочастотной установки обошлось бы, если верить Тихомирову, в несколько раз дешевле. Мало того, для обслуживания установки требовалось двенадцать человек вместо семидесяти. И если когда-то Слоним обещал скорость пятнадцать секунд, то теперь Тихомиров гарантировал прямо-таки сказочную скорость — всего доли секунды.

И он еще утверждает, что новые установки позволят окончательно очищать нефть непосредственно на промыслах, а не на перегонных заводах. Отпадет надобность в перевозках нефти с промыслов на заводы.

...Они стоят неподалеку друг от друга, две установки,—живое свидетельство многолетней борьбы и победы. Одна — настоящий завод — так велика и содержит такое обилие сложной и громоздкой аппаратуры. Прообразом ее были установки Петреко. Другая компактна: маленькое кирпичное здание да несколько резервуаров, опутанных трубами. По трубам к сборникам идет нефть, и от ее напора гудят и слегка вибрируют трубы. Идет черное золото, очищенное от воды и солей токами высокой частоты, очищенное так хорошо, что не нуждается в заводской обработке.

В помещении, у щитов с приборами, стоит невысокий, чуть сутуловатый человек и неотрывно смотрит на дрожащие стрелки, на то, как чертят иглы самописцев зигзаги на картах. С пробочным звуком хлопают автоматические переключатели, вводя в действие один агрегат за другим. А человек будто не слышит, все стоит, смотрит, и у него счастливое лицо: мечта сбылась! Он довел эстафету. Он выполнил долг. Вот она, первая высокочастотная установка! Действует! Главное, вопрос о строительстве таких установок на промыслах страны решен окончательно. Строительство уже началось. И теперь, после двадцать первого съезда партии, его ведут быстрыми темпами.

Тихомиров стоит, смотрит, как действует автоматика, и молчит. Он никак не может уйти из зала. И кажется ему, что вот здесь он пересек финишную черту.

Река, разделившая людские судьбы...

НА БЕН-ХАЕ

20 ИЮЛЯ — ДЕНЬ ВЬЕТНАМА

ФАМ ХЫУ ТУНГ,
вьетнамский писатель

Даже тот, кто ни разу не посетил Винь-Линь, вполне может представить Бен-Хай, как острый нож, разрезающий Вьетнам на две части. А тот, кто хоть несколько дней пробыл здесь, унесет горечь в душе.

Однажды вечером в зоне Винь-Линь я слушал девушку, певшую перед микрофоном песню об этой реке. Я слышал эту песню и раньше и даже помнил ее наизусть, но почему-то на этот раз грустный голос певицы особенно сильно волновал меня.

Вероятно, дело было в самой исполнительнице. Накануне она сказала мне:

— Я много езжу по Северному Вьетнаму, пою для наших соотечественников, но мои родители, братья и сестры не могут слушать меня.

— Разве ваши родители на той стороне?

— Да, они живут там. Мой дом в десяти километрах от моста Хоен Лыонг, но я не могу навестить своих, не могу даже получить никакой весточки.

Она помолчала, потом произнесла горячо и порывисто:

— Но все же сегодня вечером я буду петь по радио для своих родных мест. Пусть мои близкие не могут меня слушать, но меня слушают земляки, слушают горы и поля, деревья и травы! И я верю, что наступит день, когда мои близкие узнают, что я бываю в этих местах и ради них пою...

И вот я слушаю, как она поет. В ее глазах блестят слезы. Я чувствую, что у меня тоже комок подступает к горлу.

Круглый год прозрачная вода реки Бен-Хай мирно течет от хребта Чыонг Шон (Длинный хребет) в море. Люди с одного берега могут видеть людей на противоположном, слышать говор, долетающий оттуда. Река не широка: если бросить апельсин с одного берега, его можно поймать на другом. Но река достаточна широка, чтобы разделить людские судьбы. Жена на южном берегу не может видеть мужа, который живет на северном. Сыну на северном берегу не удается послать письмо отцу на южный берег.

И это несмотря на то, что Женевские соглашения 1954 года предусматривают свободное общение между населением северной и южной частей временно разделенного Вьетнама. Но власти Южного Вьетнама запретили жителям южной части демилитаризованной зоны переходить на северный берег и перестали принимать жителей северного берега, желающих посетить родных на южном берегу. Так разлука пришла во многие семьи.

Я слышал много печальных рассказов об этом.

Река Бен-Хай протекает через некоторые села уезда Винь-Линь, разделяет многие семьи. Зачастую дом семьи на одной стороне, а ее земля — на другой.

В селе Винь-занг на северном берегу, которое находится недалеко от мыса Куан-Тунг, несколько мау земли принадлежит жителям южного берега реки. В 1956 году владельцам этих земель было разрешено обрабатывать свои участки и выращивать на них маниок. В 1957 году им запретили посещать северный берег. Посевы могли погибнуть. Но жители северного берега ухаживали за ними. Когда урожай поспел, жители Винь-занга вынуждены были продать зерно, а вырученные деньги сохранить до возвращения владельцев участков. Деньги до сих пор лежат, ожидая своих хозяев, а сами хозяева страдают от голода на южном берегу.

В последнее время увеличился приток беженцев с южного берега, и многие из них стали работать вместе с северянами. Например, 17 рыбаков из южновьетнамских селений оставили своих жен с детьми на другой стороне демаркационной линии. Однажды пришла весть о голоде на юге, и взволнованные рыбаки хотели вернуться, чтобы помочь близким. Им не разрешили. Они хотели переслать семьям деньги, но и это не удалось. Им пришлось копить деньги, ожидая случая послать их вместе с рисом, который правительство Демократической Республики Вьетнам хотело направить в помощь пострадавшим от неурожая южанам. Но южновьетнамские власти запретили и это. Люди на юге страдают от голода, а рис и деньги все еще лежат на северном берегу.

Вот еще один рассказ. Старик Чыонг, сражавшийся против французских империалистов, теперь вынужден скрываться на северном берегу. А его жена с тремя маленькими ребятишками осталась на южном берегу Бен-Хая. Их дом стоит недалеко от реки, поэтому женщина, пользуясь любым предлогом, приходила на берег в надежде увидеть мужа. Она ходила несколько месяцев подряд. Однажды, выбрав момент, когда на южном берегу не было подозрительных лиц, Чыонг взял лодку и поплыл на середину реки, чтобы увидеть жену, делавшую вид, что она стирает белье. Их разделяло несколько метров, но муж и жена не могли разговаривать. Наконец Чыонг громко спросил мужчину, сидевшего вместе с ним в лодке:

— Как теперь живешь?

Жена тревожно вскинула глаза, молча разглядывая говорящих. Наконец она встала, глубоко вздохнула и сказала, точно ни к кому не обращаясь:

— Очень устала!

Потом женщина позвала на берег детей, чтобы отец видел их, когда те плескались у берега. Так встречалась эта несчастная семья!

Так дальше продолжаться не может!

Правительство Демократической Республики Вьетнам неоднократно предлагало властям южной зоны совместно обсудить вопросы, связанные с жизнью населения в обеих демилитаризованных зонах, но южновьетнамские власти всегда отклоняли эти предложения. Однако сама жизнь, воля народа не позволят им молчать.

Все флаги в гостях у нас

С. МОРОЗОВ

Нет, не таким хочется видеть Михаила Васильевича тут, на его родине. Очень уж сановит и, главное, традиционен бронзовый Ломоносов в камзоле и парике. Таков он и в Москве перед университетом и на бесчисленных портретах. А в селе Ломоносове, под Холмогорами, надо бы изваять «архангельского мужика», про которого сложены песни, того самого плечистого рыбацкого сына, который ушел отсюда за наукой пешком за тридевять земель.

Но одна простенькая деталь в оформлении монумента на редкость уместна. Между полированным гранитом пьедестала и зеленью лужайки чьи-то заботливые и умные руки выложили морскую гальку. Обточенные волнами и временем, камешки напоминают о студеных ветрах и просмоленной рваной парусине, возрождают картины двухвековой давности, когда вместе с отцом Василием Дорофеевичем ходил отсюда безусый Мишатка прямо в Ледовитый океан. Немало рыбачьих посудин видела в ту пору несудоходная ныне Курополка. И еще: перед мемориальным музеем (которому, кстати, тоже без малого сотня лет) крохотный прудик. Говорят, таким был у Василия Дорофеевича живорыбный садок.

На стене школы имени Ломоносова читаем объявление: «Межколхозный пионерский лагерь открыт в Вавчуге».

— Где этот Вавчуг?

— Поблизости. Красивейшее место! Там при Петре братья Баженины первые корабли строили, чтобы за границу плавать.

От верфи той, баженинской, не осталось и следа, а вот кедр, посаженный будто бы самим царем-плотником, растет, тянется к северному небу.

Порядком изменились с тех времен и двинский фарватер и география двинского устья. Холмогоры — старейший на Севере русский город — нынче простое село, районный центр. Зато Архангельск, основанный 375 лет назад по велению «блаженной памяти» Грозного и названный тогда Ново-Холмогорами, теперь один из крупнейших портов СССР.

Хотя село Холмогоры вы найдете далеко не на всех картах, но о холмогорской породе рогатого скота прочитаете в любой энциклопедии. Шагая деревенскими проселками, что вьются тут и там, по двинской пойме и островам, мы то и дело видим крупных пестрых коров, пасущихся на лужайках, в кустарнике. Старые знакомые, встречаться с ними приходилось и раньше: под Рязанью, на Владимирщине, за Полярным кругом, на Камчатке. Всюду холмогорки славятся богатыми удоями, но нигде не чувствуют себя так привольно, как на родных двинских пастбищах, богатых сочными и душистыми травами.

И как стада, пасущиеся на берегах, исстари вписаны в пейзаж и плоты, бесконечной чередой плывущие по широкой реке. Временами плотов бывает так много, что весь просторный плес выглядит, будто бревенчатая мостовая. Это, к слову сказать, тоже характерная деталь, но уже городского северного пейзажа.

Плоты плывут сверху, из «глубинок» — лесного края, который охватывает вместе с Архангельской еще и Вологодскую область и Автономную Республику Коми. С Вычегды и Малой Двины, с Югреки и Сухоны буксировщики тянут сосны и ели. На архангельских лесопилках они превращаются в балансы — сырье для бумажной промышленности, в пропсы — рудничную стойку, в доски множества сортов и видов. Природное сочетание дремучих лесов и водного изобилия рек определяет характер индустрии и транспорта на Севере.

Поистине великолепен разлив низовий Двины в долгие летние закаты и холодную белую ночь! Готовясь отдать пресные воды соленому Белому морю, красавица река щедро расплескивается меж низменными болотистыми островами.

Архангелогородцы по справедливости зовут Двину своим главным проспектом. Ни одна из улиц не сравнится с ней по оживленности движения. Если измерить неоглядный плес и вытянутые вдоль него центральные городские кварталы, то река перекроет город в ширину несколько раз. А когда приглядишься как следует, то узенькая полоска разномастных строений, прилепившихся к берегу, покажется случайной, наспех сделанной окантовкой к величественному живописному полотну.

Широченное главное русло разветвляется на протоки: Никольское устье, Кузнечиха, Маймакса... Плоты пристают к заводским запаням. Мокрые шершавые бревна выхватываются из воды бревнотасками, мчатся по транспортерам, плывут по гидролоткам, чтобы в конце концов очутиться во власти пил — острых, зубастых, стальных, неутомимых в линейном и круговом движении.

Если посмотреть на Архангельск с воздуха, с высоты, то огромный город предстанет взору множеством небольших городков, разбросанных по двинским берегам. В каждом городке свой производственный центр — лесозавод, свой жилой массив, рабочий поселок, свои школы, больницы, клуб. И у каждой заводской лесобиржи свои заморские гости — корабли под многими флагами.

Шутка ли, более половины всего лесного экспорта СССР идет через устье Северной Двины!

Больше всего кораблей бывает обычно у причалов Соломбальского бумажного и деревообрабатывающего комбината. Двадцать четыре лесопильные рамы одновременно работают здесь. На болотистой окраине острова Соломбалы, где вплотную к заводским цехам подступают зыбкие топи, не просто распиливают лес. Обрезки досок измельчают тут в щепу. Вываренная в химикатах, прошедшая котлы, фильтры, многие мудреные машины, щепа становится целлюлозой, бумагой. Не пропадают и опилки. Те самые простые опилки, которыми подсыпались заболоченные территории, теперь, сгорая в топках теплоцентрали, рождают электрический ток.

У лесобиржи Соломбальского комбината грузится одновременно несколько судов. Тут и бывалые, с облупившейся подводной обшивкой лесовозы-норвежцы, и новенький, окрашенный с каким-то особым щегольством теплоход из Гамбурга, и два осанистых англичанина из Ливерпуля и Глазго, и такая уже совершеннейшая экзотика для этих широт, как флаги Панамы и Ливана.

Белесые флегматичные скандинавы и кирпично-румяные, с налитыми затылками бритты спокойно поглядывали на мчащиеся к причалам автолесовозы с досками, одобрительно крякали, когда стрела лебедки опускала в раскрытый трюм плотно остропленную пачку досок. А панамские и ливанские моряки, внешне до странности похожие, горбоносые, оливково-смуглые, обособленно жили в своих плавучих мирках. Вскоре выяснилось, что под флагами центральноамериканской и ближневосточной республик плавают экипажи, целиком состоящие из греков.

Все суда погружены досрочно — такова уж многолетняя традиция стивидоров — архангелогородцев,— и капитаны собрались в конторе «Экспортлеса» на «очистку» — так на профессиональном портовом жаргоне называется оформление документов. Норвежцы и немцы, англичане и греки одинаково тщательно щелкали на счетах, придирчиво переписывали колонки цифр и охотно соглашались платить «диспач» — премии за досрочную погрузку. Еще бы, чем меньше стоишь в порту, тем это выгоднее для судоходной компании!

Капитан Иоанис Кириакос на прощание выразил даже письменную благодарность «господам Экспортлес». Хоть и далеко от Бейрута до Архангельска, но он не жалеет о своем первом рейсе из Средиземного моря в Белое. И пусть не подумают «господа Экспортлес», что капитана Кириакоса, южанина, может испугать холод. Он с радостью побывал бы в Архангельске и зимой. Ведь достопочтенная советская фирма экспортирует теперь целлюлозу и через льды Белого моря. Не так ли?

Так, именно так, уважаемый капитан! Почти четыреста лет Архангельский порт считался доступным для кораблей лишь полгода в году, а теперь советские моряки на ледокольных дизель-электроходах поддерживают навигацию круглый год.

Приглядитесь внимательней к сегодняшнему облику старейшего русского порта. На Бакарице экспедиционные суда грузят тракторы, бульдозеры, металл для новостроек Крайнего Севера. На рейде целая флотилия новеньких, точно вчера со стапелей, речных пароходов и теплоходов. Белоснежные верхние палубы пустынны, а нижние желтеют дощатой обшивкой. Тяжелое плавание во льдах предстоит этим судам, построенным и в Сормове на Волге, и на дунайских верфях Венгрии и Чехословакии, и на Балтике — в Финляндии и ГДР. Внутренними водными путями приплыли они в Архангельск, а дальше пойдут арктическими морями, чтобы пополнить флот Оби, Енисея и Лены.

Иным становится и сам город. Правда, сегодня еще многих приезжих удивляет, что от вокзала или от аэропорта надо добираться в гостиницу не обычным трамваем, а речным, что, прошагав квартал от городского центра, как-то незаметно переходишь с тротуара на дощатые мостки. Многим кажется странным, что такси, катясь по асфальту, вдруг начинает прыгать по ухабам. А что поделаешь: и под дощатым настилом и под асфальтом — болото.

Но каждому, кто знает Архангельск хотя бы последнюю четверть века, бросятся в глаза большие и радостные перемены. Уже не только опилками и дощатыми мостовыми представлен в городе лес. Всюду зеленеют молодые посадки: рядом с северной березкой и гости с юга — тополи. Перестали быть редкостью каменные дома. Свежая побелка новых строений светлеет в каждом квартале. Кирпичная кладка новых и новых этажей растет вверх над бревенчатыми приземистыми срубами.

Как не вспомнить: бывало, в Соломбалу летом переправлялись на катерах, а зимой клали трамвайные рельсы на лед Кузнечихи. Теперь над Кузнечихой — висячий мост под стать Крымскому в Москве. Строят мост и через главное русло Двины. Скоро железная дорога шагнет с левого берега на правый и в центре города появится новый вокзал.

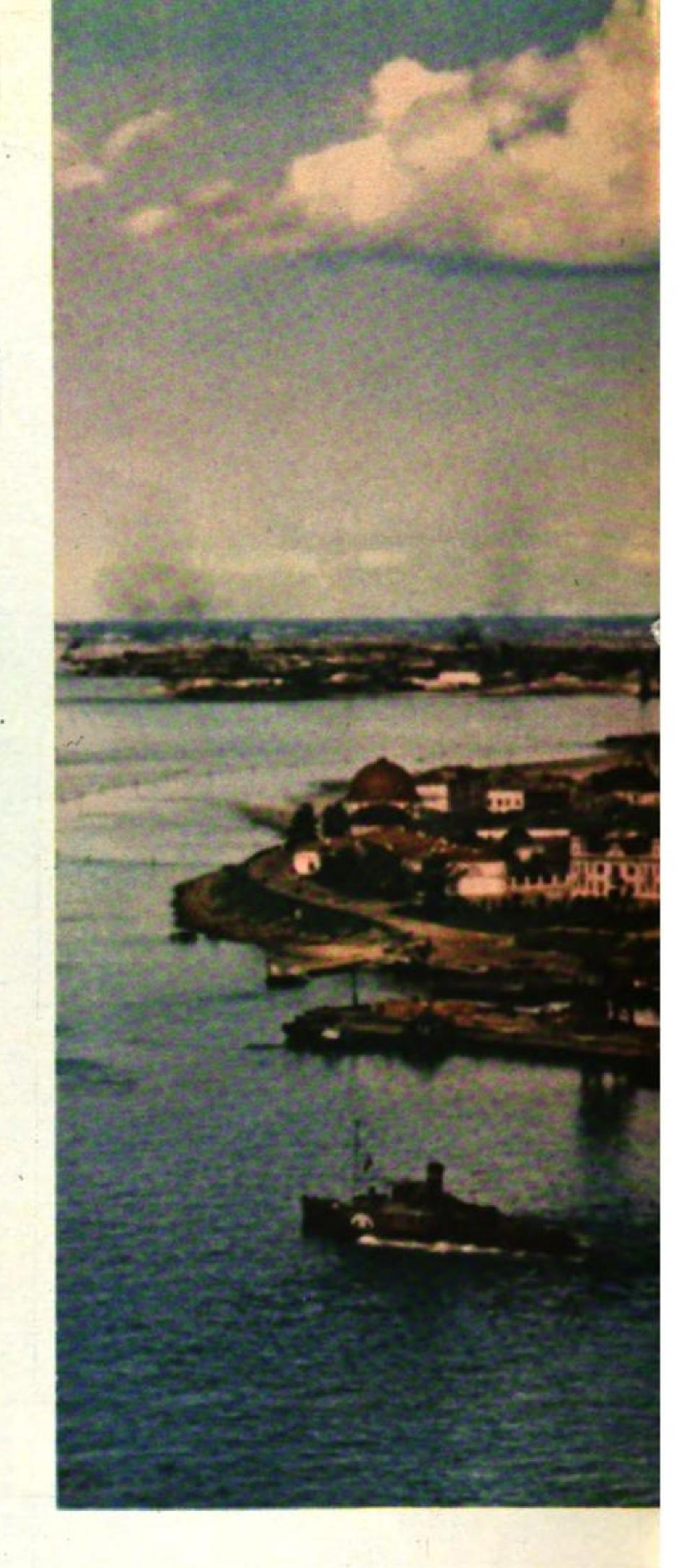
Моложавым, нарядным хотят видеть северяне свой седой Архангельск.

Овеян морскими ветрами, освещен высо[ким] и щедрым солнцем северного лет[а] старейший русский порт Архангельск, которому скоро исполняется 375 лет.

Варя Иванова, коренная северянка, трудится на лесобирже.

К лесозаводам Архангельска идут плоты с Вычегды и Сухоны, с Юг-реки и Пинеги. →

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Внизу (слева направо):

На заводе «Красная кузница» на острове Соломбале ремонтируются океанские корабли.

Морские суда под флагами разных стран грузят у архангельских лесобирж первосортный экспортный лес.

С каждым годом все больше молодежи приходит на стройки Архангельска. Недавно еще Граня Бажукова и Аля Грибанова были школьницами, теперь они строят жилые дома.

Впереди студеное Белое море, суровый Ледовитый океан. Далеко, к самой кромке льдов, идут промышлять на своем траулере молодые архангельские рыбаки.

Марья Ивановна

Рассказ

Павел НИЛИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Еще с вечера Бергер объявил теще, что завтра утром, в воскресенье, его приедут снимать.

— Как снимать? — чуть встревожилась теща.

— Ну как снимают! Для кино! На заводе меня уже сняли около моей машины: включаю ток, заправляю деталь, делаю опытную шлифовку... Мне только жалко, что Анечка на курорте...

— При чем тут Анечка?

— Как при чем? Моя жена, ваша дочь. Меня же хотят снять в домашней обстановке, прямо здесь, на даче. Чтобы видно было, как мы живем семейно. Анечке бы это понравилось...

— Да уж, Бергер, ты достиг своего,— сказала теща.— Вот именно ты достиг, чего хотел. Мне это тоже приятно. Я рада за тебя...

— Только, Марья Ивановна, я вас прошу,— озабоченно заморгал белесыми ресницами Бергер.— Надо будет... я бы хотел устроить этим, которые приедут, небольшой приличный завтрак. Ну, редисочку, салатик, яичницу какую-нибудь с колбасой, как вы умеете. И это самое... коньяк я тоже купил. Две бутылки. Думаю, что хватит...

— И у нас еще в буфете початая бутылка,— напомнила теща. И вынула из буфета бутылку.— Не понимаю я без очков. Это вроде тоже коньяк?..

— Это «Мукузани»,— издали определил Бергер.— Это мы еще при Анечке фотографа угощали...

— Ты смотри, Бергер, как к тебе зачастил народ! — восхитилась теща.— И фотографы, и корреспонденты, и теперь кино.

— Я же вам говорил, Марья Ивановна, что вы еще будете гордиться своим зятем! — улыбнулся Бергер. И чуть приподнял, как перед фотообъективом, свою птичью голову с рыжим хохолком.— Я же вам говорил! А вы смеялись...

— Да никогда я не смеялась. С чего ты взял? Я только не люблю, когда хвалятся. Но раз сделано дело, это очень хорошо, что тебя так приветствуют. И другим пример полезный. Напрасно ведь не будут снимать. Это же все делается для агитации, для того, чтобы все видели: вот, мол, Бергер изобрел машину шлифовальную, и она уже действует. И у кого еще есть сила и возможность, пусть тоже изобретают. Ясно и наглядно. Но грязные ведра с землей надо бы убрать с веранды. И вообще надо прибраться во дворе, подмести. И хорошо бы дорожки песочком посыпать. Чтобы в кино было видно, если снимут, что изобретатели живут у нас культурно. Ведь сколько раз я говорила: надо побелить кирпичи вокруг клумбочки. Мне же самой, ты знаешь, некогда. И завтра, несмотря что воскресенье, меня просили сходить к слепым. Там же двое — мои товарищи...

— Нет, вы уж завтра утром не уходите,— запротестовал Бергер.— Без вас это будет неудобно. А кирпичи я сейчас побелю. Я их моментально побелю. И за песком схожу.

Только в первом часу ночи Бергер лег спать. Но уснуть не мог. Было душно в нагретом за день жарким солнцем домике. И зудели над ухом комары. И надсадно ревели тяжелые самолеты, кружась над Внуковским аэродромом.

Бергеру вспомнились его покойные родители: отец, сожалевший, что сын не захотел стать портным, и мать, мечтавшая направить сына по музыкальной части. Как они огорчались, что сын, окончив всего семь классов, свел знакомство с уличными, как им казалось, хулиганистыми ребятами, старше его по возрасту, бросил школу и пошел работать на завод! И что он там зарабатывал — какие-то пустяки! А приходил каждый день такой грязный, что мать не могла его отмыть. Не могла наготовить горячей воды. И еще он стал выпивать с этими ребятами, болезненный, худенький мальчик, в раннем детстве страдавший золотухой. Мать постоянно плакала, а отец сердито молчал или изредка произносил презрительные слова на не очень понятном мальчику языке. Но пусть бы родители сейчас посмотрели на него! Пусть бы они вошли в этот домик завтра утром, когда приедут из кино специальные люди, чтобы снять Бергера. И это кино увидят потом повсюду. Его, может быть, увидит Гуревич в Саратове или даже Подойницын в Свердловске. Пусть вспомнит Подойницын, как он выгнал Бергера с завода за то, что он, Бергер, будто бы лодырь, за то, что он во время рабочего дня часто крутился около чужих станков и, бывало, лез не в свои дела. И пусть Гуревич вспомнит, как они ходили с ним одну зиму в музыкальную школу, а потом Бергер по своей воле перестал ходить, а Гуревич окончил эту школу и однажды сказал Бергеру: «Ты только подумай, кем станешь ты и кем стану я. Ты только подумай!»

Бергер ворочался в постели и мечтал о том, чтобы Гуревич в Саратове обязательно посмотрел эту кинокартину, где друг его детства, теперь изобретатель шлифовальной машины, снят в домашней обстановке.

Перед рассветом дремота все-таки сломила Бергера, и он уснул.

Проснулся Бергер от пошлепываний мокрой тряпкой по крашеным доскам. Это теща мыла полы.

— Сколько времени? — спросил Бергер.

— Спи. Еще рано. Никто покуда не приехал...

— Ну, знаете,— сказал Бергер,— так можно и проспать! Надо посмотреть, все ли у нас в порядке. Во время съемки, имейте в виду, все обязательно должно быть в полном порядке.

— Все уже в полном порядке,— улыбнулась теща.— Сейчас домою полы, будем завтракать.

Бергер всунул худые, тонкие ноги в тапочки. В одних трусиках, похожий на мальчика-подростка, прошел, осторожно ступая по только что вымытому полу, во двор и оттуда крикнул теще в открытое окно:

— Я не буду сейчас завтракать! Я позавтракаю с ними...

— С кем это еще? — спросила теща, высунувшись в окно с половой тряпкой в руках.

— Ну, с этими, которые к нам приедут.

Бергер освежал лицо и шею под дребезжащим жестяным умывальником, прибитым к дереву. Вытерся мохнатым полотенцем и, проходя в дом мимо тещи, сливавшей грязную воду на клумбу, сказал:

— И еще, Марья Ивановна, я чуть не забыл. Я хотел вас попросить. Сходите к Верочке, скажите, что у нас будет съемка, пусть зайдет.

— Это еще зачем? — сердито удивилась теща, оправляя юбку, подоткнутую во время мытья полов.— Для чего она нам нужна?

— Анечка бы ее все равно позвала, поскольку она ее подруга,— сказал Бергер.— Может быть, ей интересно присутствовать. И, может, ее тоже снимут.

— Это уж слишком много чести для Верочки,— нахмурилась теща.— Не видали еще в кино эту вертихвостку...

— Сходите, сходите,— настойчиво попросил Бергер.— Что нам, жалко, если человек снимется? Это даже будет очень интересно. А то она еще обидится!

— И пес с ней, если она обидится!

— Нет, это будет нехорошо. Анечка бы ее обязательно пригласила. Подруга и знакомая. И сверх того соседка.

Бергер тщательно побрился недавно купленной электробритвой. Надел свежую рубашку. Завязал галстук. И, несмотря на жару, облачился в темно-синий шерстяной костюм, приобретенный еще до женитьбы. Потом он осторожно отлил из флакона на ладонь несколько капель одеколона и, счастливо жмурясь, обтер лицо и шею.

Будильник, стоявший в столовой на радиоприемнике, показывал пятнадцать минут десятого.

— Когда же они приедут? — спросила теща, уже переодевшаяся в праздничное пестрое платье, вышедшее из моды и поэтому подаренное дочерью матери.— Они какое-нибудь время назначили?

— Они сказали, что приедут утром, если будет достаточно солнечная погода.

Погода была солнечная, очень солнечная, но кинооператоры не ехали. Бергер еще раз внимательно осмотрел весь дом и дворик и вышел за калитку.

Мимо шли нарядные люди с поезда, с электрички, проходившей по насыпи почти у самого дома Бергера. Только широкое серое шоссе, обсаженное юными соснами и березками, отделяло дачи, тесно лепившиеся друг к другу, от насыпи и электрички.

Бергер, строгий, торжественный, несколько

раз взад-вперед прошелся вдоль соседских зеленых штакетников и заборчиков, сплетенных из ржавых проволочных заграждений, приблизился к киоску, где стояло уже много людей с бидонами и кастрюлями в очереди за пивом. И вот в тот момент, когда дошла его очередь, когда уже он отдал деньги буфетчику и принял из его рук тяжелую и холодную кружку с пивом, подле дома № 6 остановился темный старенький, запыленный автомобиль.

Из автомобиля первым вылез грузный, черноволосый, похожий на огромного пингвина человек в белой вышитой украинской рубашке и в кофейного цвета пиджаке, накинутом на плечи. В руках он держал что-то, напоминавшее издали рупор.

Бергер, так и не прикоснувшись губами к кружке, поставил ее на прилавок и побежал навстречу этому человеку.

Из машины вылез еще один человек — маленький, в синей куртке, похожей на спецовку, с кожаной сумкой на ремне, перекинутом через плечо, и с большой металлической коробкой в руках.

— Где здесь дача номер шесть? — спросил грузный мужчина.— Дача инженера Бергера?

— Да я не инженер,— сказал Бергер.— Я же просто рабочий-электрик. Вы не узнали меня? Вы же были у нас на заводе...

— Ах, это вы и есть Бергер! — протянул ему руку приезжий.— Не узнал. Но это ничего. Где ваша дача?

— Вот наша дача. Пожалуйста, проходите. Мы вас ждем, как вы сказали...

У калитки уже стояла теща, второпях слегка припудрившаяся и еще более взволнованная, чем зять.

— Пожалуйста, познакомьтесь! — представил ее Бергер.— Мать моей жены Марья Ивановна, моя теща.

Приезжий, проходя в калитку, как-то боком протянул ей пухлую, влажную от пота руку:

— Илья Наматов, режиссер.

— Очень приятно,— сказала Марья Ивановна.— Очень приятно, что вы наконец приехали.— И кивнула на зятя.— Он уж весь извелся. И такая жара...

Режиссер медленно шел по дворику, по свеженасыпанному желтому песку, оставляя большие глубокие следы от красивых новых сандалет.

Оглядев дворик и веранду, спросил:

— Дети есть?

— Нет, то есть есть,— в некотором замешательстве ответил Бергер.— Девочка двух лет, но она, к сожалению, уехала с матерью, с моей, таким образом, женой, в дом отдыха.

— Жаль, жаль,— раздумчиво огляделся опять режиссер.— Надо бы что-нибудь такое для оживления. Собаки у вас есть?

— Нет, собак не имеем...

— Жаль! — повторил режиссер и стал пристально вглядываться в Бергера.— Как же я вас одного буду изображать? Мне бы хотелось, напротив...

— А вот моя теща, Марья Ивановна...

Режиссер мельком взглянул на нее и, должно быть, забыв, что уже здоровался, снова протянул ей сбоку пухлую руку:

— Илья Наматов, режиссер.

— Да мы уже...— сконфузилась Марья Ивановна, но все-таки еще раз пожала пухлую, влажную руку вежливо и даже почтительно.

Илья Наматов поднялся на открытую террасу, прошелся по ней, чуть приседая, как бы испытывая крепость досок. Потом крикнул помощнику:

— Петя, устанавливай вот здесь! Да не здесь, а внизу. Попробуем дать их снизу. Товарищ Бергер, поднимитесь сюда...

— А Марья Ивановна? — спросил Бергер.

— И Марья Ивановна пусть поднимется. Становитесь вот здесь. Нет, не так. Вы, товарищ Бергер, как бы выходите из вашей дачи, из этих дверей. А вы, Марья...

— ...Ивановна,— подсказал Бергер.

— А вы, Марья Ивановна,— повторил режиссер,— пройдете сюда. Товарищ Бергер как бы выходит из дачи, а вы здесь — на втором плане — переставляете цветы. Вот так возьмите горшок с цветком и переносите его сюда...

— Да зачем я-то? — покраснела Марья Ивановна.— Я же тут совсем ни при чем.

— Вы для оживления. Мне нужен кадр,— строго посмотрел на Марью Ивановну Илья Наматов. И ему вдруг подумалось, что он где-то когда-то уже видел это лицо, с таким же смущенным и в то же время чуть гордым, независимым выражением.

И Марье Ивановне показалось, что она тоже где-то встречала этого грузного, черноволосого, уже начавшего лысеть мужчину.

Но ни Марья Ивановна, ни Илья Наматов не придали значения тому, что им показалось и подумалось. Мало ли ему встречалось разных лиц за его хлопотливую жизнь кинодокументалиста! Да и она немало повидала разных людей.

— Вот держите этот цветок,— поднял вазон Илья Наматов и протянул его Марье Ивановне.— Как я скажу «готов», вы понесете этот цветок сюда, а вы, товарищ Бергер, по той же команде будете выходить из дверей...

Десять раз режиссер поднимал руку и говорил «готов», десять раз теща переносила цветок и зять выходил из дверей, но все это не удовлетворяло режиссера. Только в одиннадцатый раз он наконец приказал Пете снять их на пленку.

Затем режиссер повел Бергера в дом и усадил за письменный стол. Впрочем, стол этот был не письменный, а простой кухонный. Письменного стола у Бергера еще не было. И книжной полки не оказалось. Была этажерка, на которой стояло всего пять книг и рядом с ними флакончик с одеколоном, гипсовый кот и маленькие вазончики с цветами.

— Неправильно,— сказал режиссер.— Этажерку мы сейчас перенесем к столу. А книги... Книг очень мало. Не можете ли вы на минутку попросить книги у соседей? Только на одну минутку...

— Конечно, можем,— заторопился Бергер.— У нас очень хорошие соседи. У нас рядом живет профессор. У него масса книг. Он не откажет. Я сейчас к нему сбегаю.

— Да зачем это надо? — вдруг вмешалась теща.— Для чего это мы будем показывать свою культурность за чужой счет? Уж лучше вы и снимите профессора с его книгами.

— Хотя это правильно говорит Марья Ивановна,— согласился Бергер.— Лучше, если вы меня снимете без книг. Просто я тут сижу или стою. Или даже, если хотите, я возьму гитару. Я играю на гитаре.

— Идея! — оживился режиссер. Потом подумал и покачал головой.— Нет, гитара не пойдет. Давайте сделаем так. Вы просто сидите за столом и что-то пишете...

— Я пишу письмо моей жене,— обрадовался Бергер.

— Нет, вы пишете что-то очень серьезное,— предложил режиссер.— Перед вами раскрытая книга. Вы смотрите в нее и пишете. Может быть, вы получаете заочное образование.

— Я и действительно получаю заочное образование,— сообщил Бергер.

— Значит, все хорошо. Садитесь! — приказал режиссер.— Я сейчас раскрою перед вами книгу...

— А Марья Ивановна? — обеспокоенно спросил Бергер.

— Что Марья Ивановна?

— Что будет делать сейчас Марья Ивановна? Я бы хотел, если вы не возражаете, чтобы она тоже получилась рядом со мной. Нам бы так хотелось, если в семейной обстановке...

Режиссер посмотрел на Марью Ивановну, стоявшую в дверях, и ему опять показалось, что он где-то когда-то давно ее видел, встречался с ней.

— Марью Ивановну мы еще раз снимем вместе с вами потом,— пообещал режиссер.— Вы вместе с ней будете резать сирень. Кстати, у вас прекрасная сирень. Я хотел бы получить в подарок букет.

— Пожалуйста! — сказала Марья Ивановна.

Илья Наматов снял Бергера за столом, потом у кустов сирени, как и обещал, вместе с Марьей Ивановной. И на этом съемки закончились.

— Очень жаль, что у вас нет собаки,— вздохнул режиссер, вытирая цветным носовым платком обильный пот с лица и с волосатой груди под распахнутой украинской рубашкой.— Можно было сделать прекрасный кадр: вы ласкаете собаку. Мне вообще хотелось сделать такой лирический киноочерк — «Инженер Бергер на заводе и у себя дома».

— Да я не инженер.

— Да, да, вы говорили. Но будете инженером?

— Наверно, буду,— сказал Бергер.— Но только вы не ошибитесь, не напишите, что я уже теперь инженер. Это будет неловко.

Теща уже успела накрыть на застекленной веранде завтрак, поставила на проволочную подставку большую сковороду с яичницей.

— Милости прошу покушать.

Илья Наматов накинул на спинку стула свой кофейного цвета пиджак и уселся во главе стола.

— Садись, Петя,— пригласил он помощника и похлопал ладонью по сиденью соседнего стула.— Им — слава,— кивнул на тещу и Бергера,— а нам — угощение.

В это время под окнами веранды захрустел песок. Наконец-то явилась запоздавшая Верочка. Красивая девушка в красивом, ярком платье, она шла, потряхивая пучком волос, туго стянутых на затылке.

— А это кто? — взглянул через стекло Наматов.

— Наша соседка, знакомая,— сказал Бергер.

— Жаль, что она раньше не пришла,— улыбнулся Наматов.— Мы бы и ее сняли.

— Я тоже так считал, что ее можно снять. Но вот видите, она опоздала,— огорчился Бергер. И повернулся к Верочке.— Заходи, заходи, хотя и с опозданием.

Режиссер привстал из-за стола, протянул ей, как подарок, пухлую руку, произнес неизменное: «Илья Наматов, режиссер» — и снова грузно сел на плетеный стул.

Марья Ивановна принесла из кухни еще одну тарелку, нож и вилку. Верочка принужденно присела к столу.

На столе стояли коньяк и маленькие рюмочки для коньяка. Бергер заботливо наполнил рюмочки.

— Нет, вы уж разрешите, я сам,— взял у него из рук бутылку Наматов.— Я из рюмочек не привык. Фронтовая привычка. Законные сто грамм.— Отодвинул рюмочку, придвинул стакан, налил полстакана.— Выпью и больше не буду. Больше не требуется.

Выкатив маслянисто-черные глаза, он глядел теперь прямо на Верочку, отчего у нее проходила по телу легкая дрожь и она старалась смотреть в тарелку. Он глядел на девушку, словно хотел спросить ее о чем-то, и одновременно забрасывал в рот салат и куски яичницы, редиску и хлеб. Видно было, что грузное его тело нуждается для жизнедеятельности в громадном количестве пищи и процесс насыщения, может быть, продолжается очень долго.

Сообразив это, Марья Ивановна снова ушла

на кухню, чтобы изжарить еще сковороду яичницы, и добавить салата, и подумать, что еще можно поставить на стол.

Вернувшись из кухни, она увидела, что режиссер, обещавший больше не пить, снова налил себе полстакана, и услышала его грустные слова:

— Вот так езжу по городам и селам, снимаю людей, прославляю людей. А уж про меня самого никто, наверно, никогда не напишет. Хотя жизнь моя — это, может быть, захватывающий кинофильм и роман с трагическими эпизодами...

Петя, помощник режиссера, тихий человек, придвинулся к Бергеру и прошептал на ухо:

— Вы ему больше не наливайте.

— А я и не наливаю,— шепотом же ответил Бергер. И, желая быть вежливым и гостеприимным, спросил вдруг замолчавшего режиссера: — Вы, что же, на фронте были?

— Я везде был, везде,— произнес Наматов. И в голосе его усилились грустные нотки. И глаза, большие, черно-маслянистые, чуть увлажнились.— Не только на фронте, но и там, где, пожалуй, пострашнее фронта...

— Расскажите что-нибудь,— попросила Верочка, осмелев. И кокетливо взмахнула пучком волос на затылке.

А Бергер наклонился к Пете и спросил шепотом, кивнув на режиссера:

— Что же он может сделать, если еще выпьет?..

— Уснет,— сказал Петя.— Даю слово, уснет. Тут же...

— Ну, это ничего,— улыбнулся Бергер.— Это не страшно. Пусть в таком случае выпивает. Лишь бы не было скандала. У вас же с собой, как я понимаю, ценная аппаратура.

Наматов поднял стакан, поглядел на золотистого цвета напиток, раздумывая, и не выпил, а выплеснул его в широко открытый рот, будто у него пожар там, внутри.

— Мне не забыть один день моей жизни, вернее, одну ночь,— произнес он, еще не отдышавшись от выпитого и в упор глядя на Верочку.— Короче говоря, это было в тысяча девятьсот сорок втором году...

Марья Ивановна вдруг вспомнила, что у нее на плитке яичница, и ушла на кухню.

— Это было за Минском на железнодорожной магистрали,— продолжал Наматов тоном человека, уже не впервые рассказывающего эту историю.— Мне поручено было взорвать железнодорожную магистраль в трех пунктах. Естественно, что это было нелегкое дело. Вся Белоруссия и самый Минск были уже оккупированы немцами, и было уже...

— Марья Ивановна, Марья Ивановна! — закричал Бергер и на возмущенный взгляд Наматова пояснил: — Мне хотелось бы, чтобы моя теща послушала...

Марья Ивановна явилась с шипящей на сковороде яичницей. Поставила ее перед Наматовым на стол и отошла в сторонку, сказав:

— Кушайте на здоровье.

Наматов отделил ножом кусок яичницы, ножом же вытряхнул его себе на тарелку и на какое-то время снова занялся едой.

— Кушайте,— положила ему еще кусок Марья Ивановна.— У нас куры свои. Яиц много. Мы не продаем. И, может, выпить еще желаете. Что же вы не наливаете себе? — Она наполнила его стакан до половины.— А ты, Бергер, сидишь, как гость,— упрекнула она зятя.— Налей вот товарищу,— кивнула на Петю.— И Верочке налей.

— Мы как раз вот тут интересное слушаем,— сказал Бергер, поднимая бутылку.— Интересный эпизод.

— Не эпизод, а драма,— поправил его Наматов.—Трагедия на рельсах—вот как это могло бы называться. Короче говоря, под моей командой находилась боевая группа подрывников в количестве почти сорока человек. Она составлена была из партизан трех отрядов. Глухой ночью мы вышли на операцию. Труднее всего мне было разделить мою группу на звенья. Каждый, естественно, хотел остаться со мной. Каждый хотел чувствовать около себя вот эту руку.— Наматов поднял над столом растопыренные пальцы и медленно сжал их в кулак почти у самого лица Верочки так, что она испуганно отстранилась.— Вот эту руку, которая не дрогнет ни при каких обстоятельствах. И она не дрогнула. Короче говоря, я хочу вам рассказать о том, как я застрелил в ту ночь одного человека. Застрелил за трусость, граничащую с предательством. Застрелил во имя справедливости, во имя, может быть, вашего счастья. И все-таки теперь не вы, а я снимаю вас, делаю вас знаменитыми, известными народу. А сам остаюсь в тени...

Бергеру стало неловко. Он заерзал на стуле. А Верочка простодушно сказала:

— Вы же сами можете сняться. У вас же все аппараты.

— Аппараты,— повторил за ней Наматов.— Что такое аппараты? Что вы можете, моя дорогая, понимать в аппаратах? И кто мне разрешит показывать народу самого себя? Мне собственная скромность этого не разрешит. Короче говоря, если вы хотите, я расскажу вам страшную повесть...

— Конечно,— сказал Бергер.— Мы же слушаем. И вы садитесь, Марья Ивановна.— Он подвинул теще стул.

Но она не села, только положила руки на спинку стула.

— Шел дождь,— произнес Наматов.— Шел осенний, холодный, пронизывающий тело и душу дождь. А мы закладывали мины под магистраль, прилаживали взрыватели. И вдруг на насыпи появились немцы. Их было вчетверо, впятеро больше нас. И они вооружены были до зубов. Тогда я поднялся вот так, во весь рост...

— Ой!—неожиданно для себя почти вскрикнула Марья Ивановна, вглядевшись в режиссера.

— Вот вам и «ой»,— насмешливо повернул в ее сторону голову режиссер.— А что бы вы сказали, если бы вам пришлось тогда оказаться на насыпи?..

И осекся, замолчал, как бы застыл, остановив глаза на теще Бергера.

Только глаза у тещи сохранились от той молодой женщины, которая, кажется, семнадцать лет назад, на рассвете, среди топких белорусских болот, в невысоком, изуродованном артиллерией лесу ухватила командира отряда за руку, когда он уже выхватил из кобуры пистолет и хотел застрелить трясущегося молодого человека за непростительную трусость, похожую на предательство.

И перед тещей сейчас стоял именно тот трясущийся молодой человек в рваных, грязных брюках и в разбитых солдатских башмаках.

Командир обязательно застрелил бы его, если б не эта вот Марья Ивановна, Маша, Марийка Прусевич, партизанская разведчица, пользовавшаяся большим уважением и большим влиянием в партизанском отряде «Смерть немецким оккупантам!».

Как бывает с порядочными людьми, Марья Ивановна сперва покраснела, узнав Наматова и услышав его рассказ, а затем страшная бледность покрыла ее лицо. Ведь тогда, в ту грозную осень, она сама могла погибнуть из-за Наматова. Ему поручено было в случае опасности прикрывать огнем пулемета отход от магистрали тех, кто закладывал взрывчатку под магистраль. Он, завидев немцев на насыпи, тотчас же бросил пулемет и укрылся в лесу. Его нашли партизаны только на рассвете. И он старался убежать от партизан, думая, что это немцы.

В кратчайшее мгновение все это вспомнил и Наматов. Он вспомнил, и как случайно попал к партизанам осенью тысяча девятьсот сорок первого года, эвакуируясь из Бобруйска...

— Ну, рассказывайте дальше,— попросил Бергер.— Вы поднялись на насыпь — и что потом?

— А! — махнул рукой Наматов.— Не хочется рассказывать. Не такое настроение, чтобы рассказывать. Как-нибудь в другой раз...— Он достал из кармана просторных брюк пачку с сигаретами, вытряхнул на ладонь одну сигарету, закурил от предупредительно протянутой ему Бергером спички и сказал: — Нам пора ехать.

Марья Ивановна опять ушла на кухню.

Бергер вспомнил, что режиссер просил подарить ему букет сирени. Букет этот, пышный, пахучий, уже лежал на террасе. И пока Петя укладывал аппаратуру, Бергер связывал букет крепким шнурком.

— Сама поднеси ему,— указал он Верочке на Наматова.— Ему будет приятно.

Наматов стоял посреди дворика, широко расставив ноги. Поджидал Петю и заметно нервничал, жуя сигарету.

Наконец Петя спустился с террасы.

— Марья Ивановна, Марья Ивановна! — закричал Бергер.— Наши гости уезжают.

Марья Ивановна вышла во дворик. Она казалась все еще растерянной и сконфуженной. Она казалась еще больше сконфуженной, чем Наматов.

Верочка поднесла Наматову сирень.

— Не надо,— мотнул головой Наматов, глядя искоса на Марью Ивановну.

— Возьмите, возьмите!—закричал Бергер.— Вы же сами хотели. У нас много сирени. Скоро она уже совсем отцветет...

Наматов взял букет и, держа его, как веник, пошел к калитке. Все пошли за ним, как и положено, когда провожаешь гостя.

У калитки он вдруг остановился и, глядя в упор на Марью Ивановну, спросил:

— Вы узнали меня?

— Нет,— сказала Марья Ивановна. И, как девочка, опустила глаза.

— Ну, неужели вы меня не помните?

— Нет,— повторила она.

— Странно,— сказал Наматов.— А я вас узнал. Не сразу, но узнал. Вы ведь Маша?

— Нет,— как бы отшатнулась Марья Ивановна.

— Странно,— вздохнул Наматов и полез в автомобиль на заднее сиденье, просунув в кузов сперва голову.

Верочка и Бергер помахали руками вслед охваченному вихрем пыли автомобилю.

А Марья Ивановна вернулась на веранду убрать посуду.

На скатерти, среди тарелок и блюдец с недоеденной едой, она заметила забытую режиссером пачку с сигаретами. Как неживую мышь за хвост, Марья Ивановна брезгливо подняла ее двумя пальцами и бросила в помойное ведро.

Стоит дивчина на кургане...

Иван КАШПУРОВ

Шурша в предутреннем тумане,
отара бродит за ручьем.
Стоит дивчина на кургане,
ярлыгу вскинув на плечо.

И, увиваясь,
ветер шалый
закинул косу ей на грудь.
У ног ее каемкой алой
заря наметилась чуть-чуть.

Прозрачный месяц
тонкой льдинкой
плывет над кумской стороной,
над чабаном в цветной косынке
и над степною тишиной...

Все горячéе с каждым мигом
день разгорается костром,
и тает месяц на ярлыге
в огне веселом, заревом.

И в косу
жаркий мак вплетая,
чабан задумчиво поет.
А даль,
от солнца золотая,
ей отвечать не устает.

ЛИЦО

Галина ШЕРГОВА

Я хочу публично объясниться в любви.

Я хочу перебрать твои черты, сказать тебе, как в отлучках тоскую без твоего голоса, как ощущаю твое дыхание через километры, еще стоя на площадке вагона, пропахшего дальними запахами кубанских клеверов или запорошенного донецкой угольной пылью. Ты — это мой город.

Я люблю твои ранние весны, когда, черный и влажный от первого таяния, ты точно начерчен углем на сероватых холстах небес, развешанных на проводах. Я люблю твои насупленные зимы и твое лето. Я могу тогда без устали смотреть, как на рассвете, когда мостовые только что политы, дома, точно вброд переходя половодье Садового кольца, бредут вдаль — туда, где новые кварталы Юго-Запада теснят каменными плечами подмосковные перелески.

Я очень люблю тебя, Москва! И именно поэтому считаю себя вправе ссориться со всем, что мешает твоей красоте.

Как это началось и как продолжается...

Человек каменного века, первым приукрасивший кремневые наконечники своих копий и разложивший их в таком порядке, который помог ему с наибольшим успехом выменять их на звериную шкуру у соседа по пещере, видимо, и был создателем витрины и рекламы.

Справедливость требует признать, что с тех времен мир достиг значительного прогресса не только в области производства искусственных спутников и кибернетических машин, но и в искусстве ведения торговли. Впрочем, принцип пещерного жителя — «наивыгоднейшим образом сбыть товар» — остался нетронутым веками в мире частного предпринимательства. Только средства стали совершеннее.

В конце концов, что мог сделать наш «неоснащенный» предок? В лучшем случае нарисовать на стене пещеры бизона и убедить одноплеменников, что именно его копья помогли сразить своенравного зверя. «На вооружении» сегодняшнего западного дельца неон, радио, телевидение, печать. И искусство. Причем в отличие от буржуазных академиков и глубокомысленных искусствоведов торговец отдает себе отчет в том, что пещерный бизон куда как убедительнее абстракционистских полотен и что последние не очень-то могут способствовать процветанию дела.

«Современность» же методов сегодняшней западной рекламы держится на простом принципе: если человеку без конца внушать что-либо, то он этому будет вынужден поверить, так как у него положение просто безвыходное. И вот реклама, обступая со всех сторон несчастного обывателя, не дает ему уже шагу ступить спокойно. Реклама кричит ему, что сигареты «Кемел» развивают органы дыхания и ничто так не способствует трезвости мышления, как виски «Белая лошадь».

Но это, так сказать, экономическая сторона дела. Реклама, витрина имеют еще другое значение — эстетическое. Они создают облик города, лицо улицы. Они воспитывают вкусы, прививают привычки.

Я вовсе не склонна следовать весьма спорной мысли о том, что все это на Западе делается плохо и для нас неприемлемо. И, скажем, глядя на пестрые стайки столиков, выбегающие летом на парижские тротуары, я думала: как жаль, что в моей Москве — городе общительном и жизнерадостном — горожане в июльскую жару зачастую должны париться в полутемных, закрытых кафе и столовых! Мне нравится, когда над городом вспыхивают веселые гротесковые фигурки, потому что вечером хочется самому быть веселым и — это тоже не грех — немного легкомысленным. Но я думаю, что меня угнетала бы световая вакханалия, заполоняющая небо и землю над Токио или Нью-Йорком, не оставляющая места для человеческой души и мысли. Но, как говорится, это — дело вкуса. Если так нравится жителям японской столицы или ньюйоркцам,— это их дело.

Мне же хочется видеть свой город не только ярким и жизнерадостным, но и со своим «почерком», со своим лицом улицы. И дело тут не только в жажде своеобразия. Дело в духе, в иных требованиях, которые мы должны предъявлять к рекламе, к витрине магазина, к плакату, щиту: у нас они должны быть информаторами и воспитателями вкуса.

Когда я вижу витрину батумского магазина, где навалом сложены предметы непонятного назначения, и бумажку, на которой нацарапано: «Получен чисто белгородский мел и ватные одиала»,— мне обидно за белостенный красавец Батуми. Когда за стеклом московского детского магазина на меня глазеют уродцы-манекены, которым скорее место в кабинете экспонатов детской дефективности, мне не только обидно за мой город,— мне кажется, что на него клевещут.

«Замысел и его воплощение»

Заголовок этой главы, к сожалению, слишком часто употребляется. Я не хотела к нему обращаться, полагая, что начну эту главку следующей фразой: «Я воочию увидела, какой будет наша улица Горького через год — два».

Вероятно, фраза эта пришла бы в голову любому, кто попал бы в один из кабинетов треста внешнего оформления и рекламы. Кабинет этот украшали эскизы комплексного оформления этой улицы; световые вывески, рекламы, витрины — все в едином замысле.

Однако, если быть точным, нельзя употребить тут слово «украшали». Ибо эскизы эти, уже изрядно жухлые, были в беспорядке рассованы по углам.

И едва мы заговорили с работниками треста, стало ясно, что окружают нас не ждущие своего претворения проекты, а печальное кладбище творческих порывов.

Порывы были. Все было. Было принятое в 1956 году решение Моссовета о комплексном оформлении шести главных магистралей города, были работающие художники и заседающий художественный совет. Были восторги и надежды.

Однако расскажем по порядку. Вышеназванный трест — единственная специальная в Москве организация, занимающаяся внешностью улиц. В его распоряжении имеются фабрики и мастерские, правда, малочисленные и маломощные, но имеются. Здесь работают квалифицированные художники и исполнители.

Но, как это ни странно, деятельность треста находится в полной зависимости от доброй (или злой) воли руководителей торгующих предприятий. Захочет, скажем, директор магазина красиво оформить свою витрину — заказывает ее создание тресту, не захочет — не заказывает.

Я недаром сказала о доброй и злой воле директоров магазинов. Иной директор, так сказать, «вполне добровольно» довольствуется тем, что с витрины его магазина на прохожих глазеют десять ржавых консервных банок. Это злая воля. А иной и рад бы заказать витрину тресту, да «точка» его невелика, денег на оформление отпускается мало, и при всей доброй воле хорошая витрина ему не по карману. А трест вынужден «заламывать» цены за оформление.

Дело в том, что бюджет на оформление города просто-напросто не планируется Моссоветом. Денег на это почти не отпускается. Более того, трест только вносит в бюджет города свои доходы, которые ему удается получить на отдельных заказах.

Итак, скажете вы, дело в том, что у одних торгующих предприятий мало денег, у других много, одни торгуют хорошими товарами, другие — плохими? Бывает и так. Но вот возьмем два московских детских универмага: на площади Дзержинского и на улице Горького,— торгуют одними и теми же товарами, но подведомственны разным торгам.

Не знаю, как анализировали специалисты разницу в витринах этих магазинов, но моя маленькая дочка неоднократно просила:

— Пошли погуляем вокруг «Детского мира»! (Это на Дзержинской.)

Именно вокруг. Потому что сказочный, яркий и веселый мир, оживающий за стеклами этого магазина, был многолик, увлекателен, он был изменчив, тут жили свои времена года, бурлила выдумка.

И, наверное, ни для одного ребенка витрины универмага с одинокими серыми пятнами непривлекательных одежд на улице Горького не стали «землей обетованной».

В «Детском мире» на Дзержинской создан свой цех оформления, привлечены квалифицированные художники-декораторы.

«Как же можно терпеть сонное безразличие к витрине у работников универмага на улице Горького?!» — патетически восклицала я, отправляясь в этот магазин.

Однако я вовсе не встретила там безучастных людей. Я встретила там одну-единственную девушку-декоратора, которая без специального образования, работая на полставки, своими руками старается украсить огромный магазин.

В самое последнее время витрины магазина были оформлены мастерами «со стороны». Однако это тоже мало улучшило дело.

— Но ведь и вы можете создать свои мастерские, как на Дзержинской! — сказала я представителям дирекции.

— Не можем! — тяжело вздохнули они.— Хотим и не можем. Универмаг на Дзержинской находится в системе Главунивермага, ему разрешается иметь мастерские. А мы в системе Мосторга. И этому, одному из самых больших торгов Советского Союза, не разрешается даже в масштабе торга иметь мастерские. А если бы такие мастерские существовали, это было бы и дешевле, чем заказывать оформление на стороне (что делает торг для отдельных «точек»), и дало бы возможность всем нашим магазинам иметь хорошие витрины.

Заколдованный ли круг!

Да неужели так и будет всегда? Конечно, это не заколдованный круг. Из него можно вырваться. Справедливость требует отметить, что в последнее время наметился кое-какой сдвиг в оформлении

Храм

Скоро над зданием Манежа в Москве взовьется национальный флаг Чехословацкой Республики.

Огромное здание превратится в храм стекла — здесь разместится самая большая выставка произведений стекольной промышленности,

Стакан с аллегорическим рисунком, исполненным художником Мартином де Воз. 1650 год.

УЛИЦЫ

витрин: созывались совещания, была организована выставка, даже проведен конкурс на лучшее оформление и содержание витринных окон. Но все это, так сказать, «разовые акции». А нужны меры радикальные.

И прежде всего надо покончить с кустарщиной, надо, чтобы оформление города не было «странной статьей» в бюджете Моссовета. Нужно централизовать вопросы эстетического решения внешности улиц. Это возможно? Вполне! Если из оборотов магазинов отчислять определенный процент средств, которые будут сосредоточены, скажем, в управлении торговли горисполкома, если художники-декораторы будут объединены в единый коллектив, если оформление будет планироваться и финансово и художественно. А быть может, и создать при горсоветах отделы главного художника города.

Но это полдела. Существует азбучная истина: «Хорошо делает дело мастер». А в том-то и беда, что мастеров по этой части у нас мало. До последнего времени просто игнорировалась мысль о том, что если существуют специалисты-художники в кино, в театре, если их там обучают специфике работы, то художник-декоратор — тоже очень своеобразная профессия, требующая своего мастерства, своего мышления.

Возникали какие-то месячные курсы декораторов в Министерстве торговли и других местах. Но попадали туда люди случайные, без художественного дарования. Да и вообще чему можно научить за месяц даже способного человека?

Теперь факультеты художников-декораторов созданы при институте Центросоюза и в городе Тарту. Но ведь это капля в море. Тем более, что первый готовит специалистов только для своей системы, второй — только для Эстонии.

А потому, что декорированием городов зачастую занимаются люди без специальной подготовки и способностей, им и неведомо, сколько интересного и изобретательного можно здесь сделать. Думают ли они над тем, как важен в световой рекламе веселый гротеск? Как витрина книжного магазина может стать своеобразным «уличным университетом»? А как витрина мебельного магазина должна помогать новоселу обставить комнату? А как стенд хозяйственного может научить женщину пользоваться «домашней индустрией»?

Но, скажем, и среди «кустарей-энтузиастов» найдется ищущий, думающий человек. Где он может получать консультацию? Нигде. Не существует — даже в Москве — методического кабинета.

Но надо действовать. Значит, в первую очередь важно решить две проблемы: сосредоточить вопросы оформления в едином квалифицированном центре; готовить кадры художников и других специалистов оформления.

Профессия красоты

...Ни о финансовых, ни об организационных перестройках мы не говорили в тот вечер.

Вечерний человеческий прибой выплеснулся на тротуары, и толпы, проплывающие в синеватом свете витрин, напоминали кадры подводной киносъемки. Это было красиво. И с моими чешскими знакомыми, посетившими Москву, мы говорили о красоте улицы.

Один из моих спутников, художник Властимир Кудрнач, приехал к нам, чтобы оформить несколько витрин ювелирных магазинов, где продается чешская «бижутерия» — знаменитые на весь мир яблонецкие украшения.

В тот вечер я не смогла оценить работу Кудрнача, так как витрина его работы на улице Горького была заслонена толпой людей, рассматривающих ее. Но, впрочем, это, видимо, само по себе и было оценкой творчества художника.

Кудрнач рассказывал о традициях чешского оформления, о соревнованиях декораторов, о том, что в декабре прошлого года вся Прага соревновалась с Берлином на лучшую витрину. С жаром профессионала он доказывал, что оформление магазина должно решаться в едином ключе, как, скажем, в пражском универмаге «Белый лебедь».

— Вот мотив весны! — яростно жестикулировал Властимир.— «Цветы и дети». И всё: витрины, прилавки, секции — подчинено этой теме. Наступает новый сезон — новый мотив, новый ключ. И ведь это не просто эстетика. Это—воспитание вкуса. Оформление должно прививать людям определенные представления о том, что и как носится, какие цветовые сочетания хороши и модны.

С этим нельзя было не согласиться. Действительно, воспитательная роль оформления магазина велика, но, к сожалению, часто у нас предана забвению. Но и у меня были свои профессиональные интересы к чешскому гостю. Как журналист, я должна была познакомиться с самим художником, с его рабочей биографией.

Чешский гость окончил институт декораторов в Праге. Институт! Почти при всех чешских торгующих предприятиях существуют курсы и трехгодичные школы будущих специалистов рекламы и витрины. Там занимаются люди одаренные, непременно со средним образованием.

В институтах существуют факультеты декораторов. Издается литература — книги и периодика.

Да это не только в Чехословакии. Вот в ГДР издан трехтомный труд, посвященный искусству оформления.

И у нас издается журнал «Декоративное искусство». Он действительно ратует за настоящее мастерство витрины и поддерживает все взволнованные предложения жителей разных городов, болеющих за красоту родного города. А люди и вправду волнуются, пишут, говорят с трибун:

— Мы любим наш город, мы хотим, чтобы он был красив!

...Я начала с признания в любви к моему городу, я хочу им и кончить: слова любви не стираются от повторения, в этом смысле они не подвластны законам стилистики, отвергающей тавтологию.

Я люблю мой город, как миллионы других влюбленных москвичей. Но все мы хотим, чтобы красота его творилась не только нашими чувствами, не только создавалась трудом архитекторов, планировщиков, озеленителей, мы хотим, чтобы сотворение черт лица наших улиц было вложено в умелые руки и чтобы этому вдохновенному делу не чинилось препятствий!

Набор художественного столового стекла. Город Нови Бор.

какая когда-либо экспонировалась в мире.

В залах выставки можно будет познакомиться не только с художественными произведениями чешских мастеров, посетители увидят бытовое и техническое стекло, познакомятся с историей стекольного производства в Чехословакии.

Цветные диапозитивы воспроизведут детали известных старинных художественных шедевров из стекла, орудия труда стеклодувов прошлых эпох. Здесь же посетители познакомятся с фактами из истории стекла с древнейших времен до наших дней.

То, что расскажут о себе сами экспонаты — хрустальные, шлифованные, гравированные вазы, бокалы, чаши,— будет дополнено проекцией, рассказами экскурсоводов и, не в последнюю очередь, музыкой, подчеркивающей очарование хрусталя, блеск его граней. Органической частью выставки явится кино. Фильм о чешском стекле будет демонстрироваться одновременно на нескольких экранах.

Кроме показа художественных произведений, выставка ставит своей целью продемонстрировать в полном объеме применение стекла в жизни человека. На выставке будет показана мебель из стеклянных материалов, занавеси и ткани из стеклянных волокон, разнообразные виды упаковочного стекла, лабораторное стекло, промышленные и строительные материалы из стекла.

Зденек АДЛА,
чехословацкий журналист

Изделия завода в Нови Бор по рисункам художника Иозефа Турека. Школа профессора Штипла.

МАТЬ ЛИ ОНА?

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

До 55-й школы от центра города далеко. Из старого левобережного Красноярска надо перебираться на правый берег через мутно-желтый Енисей и долго идти по пыльным, в щебенке, строительных лесах и с грудами навороченной земли улицам, пересекать железнодорожные пути... И вон там, поближе к покатой Лысой горе, щедро обкуриваемой заводскими дымами, стоит светлое двухэтажное здание, окруженное приземистыми яблоньками и зелеными грядками. Оно словно обетованный островок в сердце индустриального Кировского района. Справа — агрегаты-уникумы Сибтяжмаша и электропечи Сибэлектростали, слева — озаренные дневным светом корпуса шелкового комбината. Под стать своим могучим соседям и школа: за пионерскую работу и успеваемость «захватила» она и цепко держит семьюстами рук целых два переходящих красных знамени — городское и районное. Учатся в этой школе дети сталеваров и строителей, швей и железнодорожников. Учится в этой школе и Люда Бурцева, худенькая девочка с безрадостным лицом и такая бледная, как будто никогда не видела солнца.

...Сейчас лето, опустели классы, а школа все равно живет, все равно звенят ребячьи голоса. Малыши — на качелях и под грибами-зонтиками, старшеклассники — на пришкольном участке и в крольчатнике. Чувствуется, что дети очень тянутся к своему огороду и саду, к своей школе. И все, кто еще не уехал из города, нет-нет да забегут сюда. Даже самые ленивые, самые шалуны. Но не бывает среди этих занятых, веселых ребят Люды Бурцевой.

— Что же это за особенная девочка?

— Да, девочка эта особенная, вернее, ее семья,— говорит директор школы Тамара Михайловна Голобокова.

Собираются в учительской учителя, приходит Анна Илларионовна, у которой Люда училась три года, и шаг за шагом раскрывается история бывшей пионерки Люды Бурцевой.

Эту историю можно было бы начать с банальной присказки: «Жила-была девочка». Была эта девочка как все: любила прыгать через веревочку, играть в куклы и слушать сказки. В 55-й школе ничем особенным не выделялась она среди подруг: в меру смышлена, в меру своих девяти лет резва и непоседлива. Пожалуй, только чаще других детей Люда хворала, но причиной тому было слабое горло, пораженное хроническим тонзиллитом.

А когда пришло время вступать в пионеры, Люда, не задумываясь, выучила пионерское обещание и в торжественный день рождения В. И. Ленина повязала алый галстук. Только она, к удивлению Нади Терещенко, соседки и одноклассницы Люды, почему-то никогда не приходила в нем домой. За несколько шагов до поворота на свою улицу она быстренько снимала шелковую косынку и отдавала подружкам.

— Что это ты чудишь, боишься кого? — допытывалась Надя.

— И вовсе не боюсь. Вот выдумала еще!.. — парировала Люда.— Просто так.

Но и дома у Люды не все было просто так.

— Что это у вас стены голые, как в хлеву? Ни одной карточки. У всех открытки, картины, а у вас ничего, — не унималась соседка.

— Да так, мама не любит,— уклончиво отвечала Люда.

— А что она у тебя, поющая? (Поющими здесь называют баптистов.)

— Ну что ты привязалась, взяла бы и спросила!

Но Надя знала, что спрашивать тетю Марусю бесполезно. Женщина она с виду тихая, слова лишнего не скажет, но как скажет, то и спрашивать больше не захочется.

— А вообще, не хочешь — не приходи! — с сердцем заключала Люда.

Наде становилось жалко подругу. В конце концов, одно дело — ее мать, и совсем другое — она сама. Мало ли что говорят про тетю Марусю, будто она в какой-то секте! Ну и пусть! Людка же девчонка как девчонка, скрытная, правда, но дружить с ней можно. В школе она пионерка хорошая, все поручения выполняет, со всеми ходит в кино, участвует в самодеятельности...

Однако даже любопытная Надя не догадывалась, куда это мать вечерами берет иногда Люду и старших ее сестер, Нину и Свету. Когда Люда пришла первый раз туда, она испугалась. Комнатушка была битком набита; женщины — все в темных платьях и в платках, надвинутых на брови; мужчины — с бритыми головами, как арестанты; лица у всех скучные и такие жалостливые, как на похоронах. Люда думала, что на столе покойник, но покойника на столе не оказалось. За столом сидел какой-то дядька с толстыми волосатыми руками и что-то говорил о боге.

Потом все закрыли глаза, сплели пальцы и стали петь. Пели очень долго. Так долго, что Люда вздремнула, прикорнув у материных ног. Проснулась она от всхлипываний и рыданий. Плакали все: тетя Настя — навзрыд, в истерике выкрикивая какие-то непонятные звуки; содрогалась ее мать; извивалась Нинка; Светлана бормотала что-то похожее на «ли-лу-ли-лу». И Люда заплакала тоже. Заплакала только от страха.

— Мама, домой хочу, пойдем отсюда! — просила девочка.

Но мать была будто не своя, а какая-то чужая, словно заколдованная из плохой, страшной сказки.

Дома девочка долго металась, не могла уснуть, вскрикивала и вскакивала во сне. Мать перепугалась: «Не заболела бы! Мала еще». И решила младшую дочь пока с собой не брать.

Потом у Люды прибавилось забот: в доме появилась еще одна сестренка, крошечная Ира.

Как-то в школе было родительское собрание, на котором, как обычно после зимних каникул, подводились итоги первого полугодия. На собрание пришла и мать Люды. Ей, конечно, приятно было слышать, что дочь в первом десятке учеников. Потом, как обычно, родители задерживались и узнавали подробности. Анна Илларионовна не могла предъявить особых претензий к Марии Бурцевой, матери Люды.

— Аккуратная девочка, добросовестная, довольно активная,

←

Пятидесятникам фотографироваться нельзя, и М. Бурцевой приходится разговаривать с нами из-за занавески. На диване Люда.

Надежда БУРЦЕВА — лаборант краевой лаборатории стройматериалов.

Были у меня две сестры — Анастасия и Мария. Но вот уже несколько лет, как я их потеряла. Стали они мне чужие. Придешь к ним — и поговорить не о чем. Все молятся, от всего отказываются, ничего им, говорят, не надо, на том свете начнется якобы настоящая жизнь.

Что же это такое делается? Если они сами себя хоронят заживо, то зачем же мучать детей? Очень правильным было бы взять Люду в интернат, чтобы из девочки вырос хороший человек.

О. РИДЕЛЬ — заведующая библиотекой парка имени Горького.

Нет материнского сердца у Марии Бурцевой! Ее старшая дочь, Светлана, занимается на курсах кройки и шитья при библиотеке. Все обратили внимание на эту девушку, которая ходит в платке, в платье с длинными рукавами, ни с кем не разговаривает, отдельно сидит, ничего не читает. Когда было дано задание шить красные флаги, отказалась: «Мама не разрешит». Девушка всецело находится под влиянием матери, и я считаю, что детей надо изолировать от Бурцевой.

Рабская покорность на лице М. Бурцевой во время моления (+). За нею, в следующем ряду, А. Кулагина (++).

только вот почему-то галстук часто забывает.

В пустом, как бы отсутствующем взгляде под низко надвинутым платком сверкнул огонь.

— А разве она пионерка? — чуть не выкрикнула всегда такая сдержанная женщина.

Но и до того, как она резко бросила этот вопрос, учительница по ее взгляду поняла, что совершила ошибку, которая может оказаться роковой для девочки.

— Вы против? — растерянно спросила она.

— Нет, что вы! — спохватилась Бурцева.— Я просто не знала об этом.— Вскочила, заторопилась.— Вы извините, у меня там малая, пойду.

— Люда! — позвала мать за дверью.— Так ты пионерка?

Учительница не слыхала, что ответила девочка, но она внутренне сжалась, когда раздались их удаляющиеся шаги: одни—решительные, тяжелые и редкие, и другие—частые, неровные, слабые.

Три дня Люда Бурцева не была после родительского собрания в школе. Никто, кроме матери и ее, не знает (старшие сестры были на другом берегу Красноярска, а отчим, Николай Глазов, лежал в больнице), где и как их она провела и что с нею было. Может быть, над нею совершался дикий и бесчеловечный обряд «духовного крещения», для которого сектантам требуется именно трое суток? Три дня и три ночи без маковой росинки во рту, три дня и три ночи на коленях и в молитвах под иезуитские выкрики: «Кайся, кайся, кайся!»,—от которых веет ужасами средневековья? Разве не подобное надругательство над человеческим достоинством прошла в свое время Нина Глазова, сводная сестра Люды по отчиму, и разве не об этом она писала потом в газете «Красноярский рабочий»?

Иначе чем еще можно объяснить, что так неузнаваемо за эти три коротких дня изменилась школьница?

На четвертый день Люда пришла в класс.

— Но это была будто другая девочка. Мы еле узнали ее: так она была бледна, осунулась, с красными, заплаканными глазами и, казалось, еле держалась на ногах,— вспоминает учительница.— На все наши вопросы не могла отвечать и только плакала. Не верилось в ту справку, которую она принесла, хотя имелась и подпись врача и штамп поликлиники.

Да разве дело в справке? Не надо быть большим знатоком медицины, чтобы знать, что если ребенок страдает хроническим тонзиллитом, то может часто, подолгу и очень легко температурить, стоит только глотнуть холодного воздуха. Врачи всегда идут навстречу своим маленьким пациентам в таких случаях, предписывая им домашний или постельный режим. Так было, очевидно, и на этот раз. Кстати, в личном деле Людмилы Бурцевой немало подобных справок. Есть там и справки о раздражении слизистых оболочек глаз. Не слезами и не неистовыми ли молениями вызвано оно было?

Но ни слабое здоровье девочки, ни ее угнетенное душевное состояние — ничто не могло остановить мать, безудержную в своей слепой и жестокой ярости. Для десятилетней девочки началась страшная, полная лишений и раздвоенности жизнь, к которой она вынуждена была приспосабливаться и приспосабливалась по-своему: училась лгать, изворачиваться, хитрить. Она по-прежнему тщательно готовила уроки и правильно отвечала на вопросы в классе. В учебнике ей все казалось понятным: и отчего происходит молния, и как возникает дождь, и как складывалась наша страна. Но вот учительница заводила с ней душевную беседу, и тогда Люда вдруг резко вскидывала голову и тупо повторяла:

— А я верю в бога. Бог есть.

Ведь она снова посещала моления, на которых для малолетних «сестер и братьев» были теперь свои «завлекательства», включающие дешевенькие подарки.

Мать запрещала Люде ходить в кино, участвовать в маленьких школьных пьесах, которые так любят дети. Тогда Люда прибегала к своим незамысловатым детским уловкам — ведь хочется же и ей немножко веселья!— и обманывала мать. В доме не радовали ребят новогодней елкой. Люда все же бывала на ней. Не здесь, так в другой школе, в этом году — у двоюродной сестры Любы Бурцевой. Правда, она надела не нарядное, праздничное платье, а темный глухой свитер. Но все же была и даже, рискуя навлечь гнев матери, фотографировалась. А это категорически запрещается неписаными «законами» веры М. К. Бурцевой.

Весь класс идет в кино, подружки зовут Люду; она соглашается, потом отказывается: говорит, что нет денег. Наконец все улажено, учительница покупает ей билет. У самого входа в зрительный зал обнаруживается, что Люды нет: девочка сбежала. Но все же передачи по телевизору она умудрялась смотреть, как ни велик был при этом страх перед матерью...

— Ребята, сегодня сбор отряда! — объявляла бойкая Таня Некрасова. И весь класс оставался. Все тридцать семь мальчиков и девочек в пионерских галстуках. И пока хлопали парты, с шумом собирались книги и тетради, бочком, стараясь остаться незамеченной, выскальзывала за дверь тридцать восьмая ученица, Люда Бурцева.

Мальчишки раньше смеялись, а потом оставили ее в покое.

— А, эта Людка! Да ну ее!..

Очень часто, как назло, ей кто-то попадался навстречу: то вожатая, то учительница, то Тамара Михайловна,— и все предлагали то новую роль, то интересную книгу, то давали поручения. «Не буду, не хочу!» — упрямо твердила она и, стараясь не смотреть в глаза, выскакивала на улицу.

Медленно бредет по переулку маленькая фигурка. На голове у нее платочек, спрятавший светлые прядки волос. Темный платок вместо алого галстука! Фигурка движется нехотя, вяло. Видно, девочка не очень-то торопится домой...

Хорошо, если будет дома отчим. Все веселее. Тогда хоть послушаешь радиопередачу. Но даже и при нем, если придет с огорода мать, все равно репродуктор выключат. Перед домом Люда замедляет шаги: в калитку кто-то прошел в черном. Конечно, тетя Настя. И Люде совсем не хочется домой. Злая, недобрая эта тетка! Никогда даже не даст побегать, увидит на улице — скорее заго-

Пионер Толя Веретнов — знаменосец школы № 55 — на стадионе.

М. ГРАЧЕВА — домашняя хозяйка.

Я мать девяти детей. Старшему сыну 22 года Отцу он первый помощник, работает шофером. Самому маленькому один год. Трудновато мне приходится с ними справляться, но все дети здоровы, все учатся, вступают в пионеры, становятся комсомольцами. Самое главное — все ребята у меня веселые, загорелые. В моем доме всегда дружно.

Волосы дыбом поднимаются, когда узнаешь о том, что делается в семье Бурцевых-Глазовых. Как будто не в нашей стране. Ведь дети у нее без детства! И то, что делает с ними Мария Бурцева,— преступление. За это надо карать. Самое тяжкое наказание для матери — отнять у нее ребенка. Бурцева заслуживает его.

С. ХОДАК — учительница школы № 17.

Я помню Марию Бурцеву еще четыре года назад, когда Люда училась в нашей школе. Это была хорошо одетая, интересная женщина. А что с ней стало сейчас? Старуха. А Люду я просто не узнала. Она была в нашей школе на новогодней елке со своей двоюродной сестрой Любой. Грустная, молчаливая, какая-то старообрядческая. Тяжелая у этой девочки жизнь! Ясно, что в семье Бурцевой она не изменится к лучшему. Необходимо взять Люду из этой среды и передать на воспитание государству.

няет: иди работай, иди нянчи сестрицу, а еще того хуже — молиться заставит. Сядь, сложи руки и читай молитвы. Но молитвы все равно не миновать, скоро обед, а к столу просто не подойдешь. Повяжи платок под подбородок, постой, помолись. И в доме все молятся: мать, Светлана, старшая сестра, бабка Федосья и она, Люда. Не молится только отчим, зато частенько выпивает — с горя, наверное. Еще бы не запить: мало веселого у них в доме! Совсем плохо на душе у Люды. И она, даже не поев, напрашивается у матери сходить за хлебом.

— Что вы сделали со своей дочерью? Почему вы ее никуда не пускаете? Ведь она и на ребенка не похожа стала!—с возмущением говорили матери учителя и директор школы, вызывая ее к себе и навещая дома.

— Да я что, я ничего,— не разжимая тонких губ, лицемерно отвечала Мария Бурцева.— Она сама не хочет ходить. И от пионеров вот отказалась.

— Неправда, это вы отрываете ее от класса, от школы,— не стерпела Т. М. Голобокова,— от нашей советской жизни, потому что вы состоите в секте. Вы сознательно хотите вырастить человека, чуждого всему нашему...

По лицу Бурцевой пошли красные пятна. Она заговорила резко:

— Вам меня не понять. Я слушаю голос всевышнего, с ним разговариваю, а ваши речи антихристовы... Я мать и как хочу, так и буду воспитывать своих детей!

— Нет, не только вы отвечаете за воспитание своих детей! Школа, в которой они учатся, завод или фабрика, где они будут работать, страна, в которой они живут, тоже отвечают за ваших детей. И мы будем бороться за них, бороться, чтобы спасти их от вас ради них же самих, ради их будущего...

Тамара Михайловна Голобокова имеет полное основание говорить от имени школы, потому что именно в этой школе вступила в пионерскую организацию и из тихой, замкнутой девочки стала активной общественницей Зина Маслакова, хотя в ее семье все остальные, даже старшая сестра,— баптисты. Потому что на пионерском празднике в Кировском районе знаменосцем колонны 55-й школы был долговязый чубатый подросток Толя Веретнов, а его дед — регент баптистов. Потому что пятиклассница Саша Шестакова, звеньевая и первая в отряде заводила всех походов и вечеров, предъявила своей маме вместе с отцом и братом ультиматум: или баптисты, или мы. И Саша, любящая свою мать, уверена, что «перевоспитает» ее. Да, эта школа борется за детей, но и ей иногда бывает трудно. Семья Бурцевых-Глазовых — именно такой трудный случай.

Не только полным отрывом от всякой общественной жизни ограничиваются такие люди, как М. Бурцева и ее старшая сестра, Анастасия Кулагина. Некоторые из них отказываются от голосования на выборах в Советы, игнорируют те самые права, которые легли в основу Конституции нашей страны и были завоеваны Октябрьской революцией. Другие уклоняются от высокого долга гражданина Советского Союза — службы в армии. Кстати, небезынтересно знать, что такие же пятидесятники, используя свою удивительно гибкую программу, брали оружие в руки, но только в рядах белогвардейцев Сибири.

На правом берегу Красноярска, на его тихих улочках под Лысой горой, в его старых поселках, в замшелых, вросших в землю домишках, как в омуте, укрылись сектанты. Трудно вырвать из их общины людей преклонного возраста. Но за молодежь партийные и общественные организации борются ожесточенно. Порвал с пятидесятниками Юрий Кузнецов. Сегодня он студент технологического института. Плача от страха, под зловещие проклятия кликуш, давно ли шла голосовать впервые в жизни девятнадцатилетняя Мария Киприна? А теперь теплым летним вечером мы видели ее в парке на Острове отдыха. В цветастом легком платье под руку с мужем шла жизнерадостная, веселая женщина. Перестала молиться Галина Патракова, и никаких кошмаров не последовало. Теперь она счастливо живет в деревне, работает, вышла замуж. Наконец, друг и товарищ спас свою невесту Нину Глазову, дочь отчима Люды. Она так же, как и Мария Бурцева и мать Марии —бабка Федосья, была вовлечена в общину Анастасией Кулагиной.

Это она, Кулагина, верховодит всеми событиями в доме Бурцевых-Глазовых. Она придумывает клевету по поводу чистосердечного рассказа Нины Глазовой в печати и по телевидению о том, как она была опутана пятидесятниками, как освободилась от них.

Это она, Кулагина, решает, как назвать четвертую дочь Марии, и определяет, куда ехать летом Люде (конечно же, не с пионерами!)...

И обиднее, больнее всего становится за детей. Судьба Люды Бурцевой глубоко тревожит всех, кто с ней соприкасается или каким-либо образом знает или слыхал о ней и ее сестрах: врача, который ее лечит, учительницу, у которой она училась вместе с двоюродной сестрой Любой три года назад в школе № 17, комсомольских работников, библиотекаря, который знает о ее старшей сестре Светлане, старого большевика, участника гражданской войны Юрия Эразмовича Яворского, Марию Грачеву, мать большой рабочей семьи... Со всех сторон к ней тянутся руки помощи, но Люда Бурцева за семью замками. В чистенький добротный дом на каменном фундаменте на Малой Гвардейской улице под № 75 не так-то легко попасть. Не каждый впускается в эту голубоставневую цитадель. Директору школы и учителям, например, вход закрыт.

Но нам посчастливилось...

Вместе с Николаем Григорьевичем Пузачевым, парторгом шелкового комбината, на котором работает Николай Глазов, и Ю. Э. Яворским мы пришли к Бурцевой с добрым намерением поговорить о том, как и где летом будут отдыхать дети. Все же четверо их у нее. Старшей — шестнадцать, Люде — двенадцать, Иринке—два года, а младшенькой — два месяца. Может быть, трудно матери? Да и Люда вот слабовата здоровьем...

— Нет, уважаемые, я сама какнибудь позабочусь о своих детях,— с ехидной улыбочкой заявляет Бурцева, — вот бабушка помогает. Огород у меня большой, место в доме есть...

— Мария Константиновна, вот можем путевку дать в пионерский лагерь Люде на июль,— говорит Н. Г. Пузачев.— Трудновато с путевками, заявлений много, но вот мы с мужем вашим договорились, пусть поедет Люда, отдохнет. И цена невысокая, со скидкой путевка... Поезжай, Люда, отдыхай на здоровье.

— Да ну, не хочется,— тянет девчонка, с опаской глядя на мать.

Но дальше ей не дает говорить сама мать. Она с неожиданным проворством забегала по комнате.

— Подумаем, подумаем, уважаемые, ей и здесь неплохо. А то с бабкой вот поедет, — и с размаху вдруг выпаливает: — в Крым... А если и понадобится что, в райсобес пойду (без вас, мол, обойдусь) — дадут. А потом, видите, зубы у нее болят. Посмотрим, уважаемые, поживем — увидим.

Нам становится ясно, что разговор с ней бесполезен. Нет, не такто проста пятидесятница М. К. Бурцева! Все ходы и выходы она знает. Не брезгует помощью государства и пользуется пенсией на детей от своего первого мужа. Как будто и не очень нужна ей медицина, а чуть что — бежит в поликлинику. В бесплатном родильном доме рожает своих детей, чтобы потом их, растущих на советской земле, увести от жизни. Ловка она. Это и позволяет ей обводить вокруг пальца своего мужа Николая Глазова.

— Три года вот, как Маруся сошла с ума,— говорит он, беспомощно разводя руками.— Я и эдак и так с ней и грозил: уйду, оставлю тебя. Ничего не помогает. Уходи, говорит... А детей жалко. Особенно Люду, способная она. Да и маленьких. Покалечит она девчонок. Что делать? Не знаю. Увезти их подальше от этой самой Кулагиной, что ли?

Нет, очевидно, дело не только в самой Кулагиной. Что делать, подсказывают люди, обеспокоенные за детей М. Бурцевой, и в их числе младшая родная сестра ее, Надежда Бурцева.

Настоящая ли советская мать она? Имеет ли она право воспитывать своих детей? Вот о чем думают они. И райкому партии, райкому комсомола, органам народного образования следует прислушаться к голосу общественности.

Л. СОРКИНА — участковый врач детской поликлиники Кировского района.

Так вот она кто: пятидесятница! А я у нее спрашивала: «Вы не верующая случайно?»

«Нет, что вы!» — отвечала Бурцева. «Почему же не даете делать прививки новорожденной?» «Да так, не хочу, и все».

Двухлетней Ире до сих пор не делали прививок ни против дифтерита, ни против полиомиелита. Младенца патронажной сестре как следует не показ ет. И держит детей в темной комнате, без воздуха и без света.

Да разве это мать? Враг она детей своих.

Неля ЛОЗИЦКАЯ — заведующая отделом школ Кировского райкома комсомола.

У многих пионеров есть бабушки и даже верующие родители, но они не мешают думать ребятам так, как они хотят, не насилуют их жизнь. Женщины, подобные Бурцевой, не имеют права воспитывать своих детей. В нашем городе найдется другой дом для Люды, пусть она снова наденет пионерский галстук!

А. Д. Кившенко [1851—1895]. ВОЕННЫЙ СОВЕТ В ФИЛЯХ В 1812 ГОДУ. 1882 год.

Государственная Третьяковская галерея.

А. П. Рябушкин (1861—1904). СВАДЕБНЫЙ ПОЕЗД В МОСКВЕ. 1901 год

Государственная Третьяковская галерея.

С. В. Иванов (1864—1910). ПРИЕЗД ИНОСТРАНЦЕВ В МОСКВУ XVII СТОЛЕТИЯ. 1901 год.

Государственная Третьяковская галерея.

РАССКАЗЫ ПОЛЬСКОГО ДРУГА

Какой великолепный писатель! Чего стоит один такой рассказ, как «Конгресс во Флоренции»! Это история о том, как польский писатель, приехавший во времена еще буржуазной Польши во Флоренцию, на конгресс деятелей культуры, весьма роскошно устроенный богатыми людьми, поселяется в отнюдь не богатом пансионе, где влюбляется в дочь хозяина, маленькую итальянку, выросшую в чаду кухни, некрасивую, даже жалкую, но очаровавшую его, если можно так выразиться, красотой непосредственности. Он перестает интересоваться конгрессом, пренебрегает фешенебельным обществом, он у ног своей возлюбленной — неказистого подростка с маленькими, как сказано у автора, и исцарапанными руками. Он не возвращается в буржуазную Польшу, этот писатель, бросившись разыскивать по Италии внезапно покинувших Флоренцию хозяина и его дочь.

Ярослав Ивашкевич.

Рассказ прямо-таки блещет писательскими достижениями — от простой занимательности до разоблачения тайн души. Тут и штрихи сатиры, и чудесный юмор, и с незаурядной силой написанные портреты, и пейзажи окрестностей Флоренции, появлявшиеся в литературе уже не раз, но сейчас представшие перед нами в новом виде, тут и высокая культура во взгляде на что бы то ни было...

В сборнике есть несколько рассказов на исторические темы и на темы, относящиеся к мировой культуре. Например, рассказ о том, как молодой Дарвин, прибывший на корабле «Бигль» в Аргентину, встречается с испанским генералом, занятым истреблением индейцев. Рассказ этот родился из чтения автором дневника Дарвина. Одна — две фразы дневника превратились под пером автора в необычайно подлинную картину — подлинную, но в то же время сияющую зеркально-чистыми красками искусства.

Опять две — три фразы Маколея, историка Англии, о некоей девушке, которая во время борьбы папистов и протестантов принесла себя в жертву ради своего идеала, вдохновляют Ярослава Ивашкевича на прелестный, также насквозь художественный рассказ «Битва на Сейджмурской равнине», в котором он в строгих тонах и вместе с тем очень нежно рисует образ девушки Анны, невиноватой в том, что ее подвиг оказался бесполезным.

Эти два рассказа говорят о наличии у автора сильного дара именно исторического писателя. Он магически восстанавливает эпоху. Вот, например, цитата из рассказа о девушке Анне:

«Их окружили вооруженные люди. Они напирали со всех сторон, и человек, арестовавший Анну, вынужден был их отогнать. Анна заметила, что так называемые регулярные войска выглядят не лучше, чем сброд Монмута. Хотя день был воскресный, они жарили на кострах мясо и, кажется, крепко выпили. От обступившей Анну подвыпившей солдатни несло перебродившим сидром и отсыревшими сапогами».

Еще есть в сборнике автобиографический рассказ «Панны из Вилько», напоминающий Бунина (о влиянии на автора русской литературы он сам говорит в предисловии), есть чрезвычайно искусно сделанный рассказ «Икар», полный страстной ненависти к фашизму (автор видел гибель Варшавы под бомбами фашистских летчиков), есть еще много рассказов на разные темы (среди них прекрасный, мы бы сказали, весь в цветах рассказ о великом русском путешественнике Миклухо-Маклае). Но самое главное то, что в книге представлены произведения, посвященные новой, социалистической Польше. Почему мы называем это самым главным? Потому что этот исключительного таланта писатель начинал свою деятельность в буржуазной Польше. И он принял новую Польшу, полюбил ее, не обошел молчанием ее расцвета.

Наоборот, со всей силой присущей ему художественности он описал этот расцвет.

Героем рассказа «Побег Фелека Оконя» и является новая Польша. Молодой парень, каменщик, в результате роковых обстоятельств совершает преступление и, боясь ответственности, бежит из Варшавы в Берлин, в западный его сектор. Весь путь, полный опасностей и унижений, он слышит сердцем зов родины, которая сделала его человеком. То и дело в нем возникает желание вернуться, но страх берет верх. В Западном Берлине его вербуют в ряды некоей армии, цель которой, видите ли, уничтожение новых порядков в Польше. В последнюю минуту парень спохватывается, чуть ли не физически расправляется с вербовщиками и бежит в польскую миссию.

— Уж лучше отсидеть за решеткой... есть за что... но дома. Только не с теми! — Он показал рукой в ту сторону, откуда его привезло такси.

Швейцар одобрительно кивнул головой.

— Ясно, что лучше.

В нашей заметке, разумеется, мы только скользнули по творчеству Ярослава Ивашкевича.

Юрий ОЛЕША

Ярослав Ивашкевич. Рассказы. Изд-во иностранной литературы. Москва. 1958. 490 стр.

«Я с юных лет мечтал об Иртыше...»

Это сказал шестидесятилетний Александр Гумбольдт 11 июля 1829 года, стоя на берегу бурной русской реки. За плечами знаменитого путешественника были тысячи километров, пройденных по лесам Амазонки, по рекам Ориноко и Магдалена, подъем на вершину Чимборасо и к кратеру Пичинчи.

Неугомонная жажда знаний привела Гумбольдта и в уральские рудники, в оренбургские степи, в горные разработки Алтая.

Именем Александра Гумбольдта названы несколько видов растений и минерал, озеро и река в Америке, горы в трех частях света, ледник в Гренландии, холодное течение у берегов Перу и кратер на Луне.

Только что Географгиз выпустил богато иллюстрированные путевые очерки Александра Гумбольдта «Картины природы», а в издательстве «Молодая гвардия» вышла биографическая повесть В. Сафонова о Гумбольдте.

В небольшой книге рассказать о трудах и днях «Аристотеля девятнадцатого века», как называли немецкого ученого современники,— дело нелегкое. Известно, что над трехтомным жизнеописанием Гумбольдта, «первой попыткой» обозреть все сделанное им, работали одиннадцать крупнейших специалистов.

А в предисловии говорилось, что никакому отдельному человеку не под силу объять деятельность универсального гения. В самом деле, шестьсот тридцать шесть увесистых томов по нескольку сот страниц — исследования и трактаты по географии, астрономии, физике, химии, зоологии, этнографии, истории, политической экономии — оставил людям Александр Гумбольдт, и до сих пор его замечательные идеи живут в науке.

Гумбольдт начинал свою деятельность, когда не было даже общих основ физической географии как науки. Сейчас каждый школьник знает о горизонтальных растительных зонах — это открытие Гумбольдта. Характеристика климатов при помощи вычисления средних метеорологических данных—это открытие Гумбольдта. Все сделанное им не перечислить.

«Я надеюсь скоро распутать гордиев узел жизненных процессов» — эти слова двадцатисемилетнего обербергмейстера могли бы звучать самоуверенно, если бы за ними не стояла титаническая, до изнеможения, работа.

Уже в молодости Гумбольдт приучил себя спать не более четырех — пяти часов в сутки.

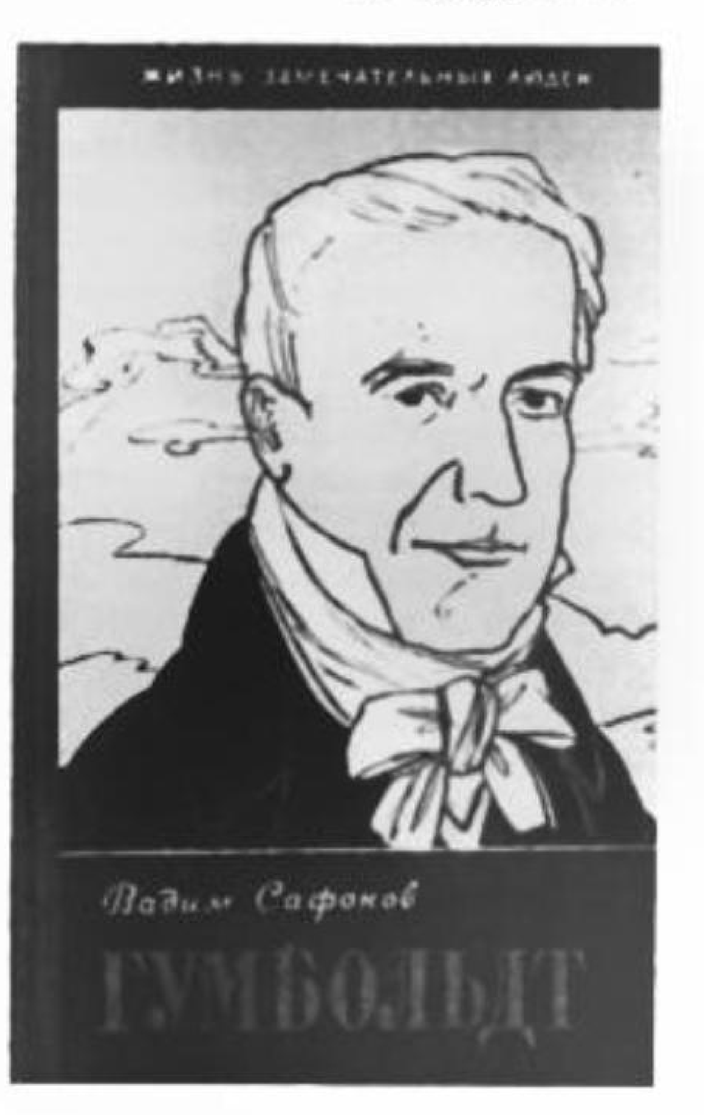
Книга Сафонова строго документальна и поэтому достоверна; автор использует многочисленные письма Гумбольдта, его статьи и лирические отступления в научных работах, воспоминания современников, с которыми встречался ученый. А среди них были Шиллер и Гете, Пушкин и Гердер, Кювье и Лаплас, Бетховен и Вальтер Скотт.

Повесть рисует облик неутомимого труженика науки, может быть, последнего энциклопедиста девятнадцатого столетия. В то же время вы видите Гумбольдта, посещающего аристократические салоны Парижа и Берлина, беседующего с президентом Соединенных Штатов Америки и с королем Франции. Вадим Сафонов показал не только внешнюю биографию ученого, но его внутреннее духовное развитие. Веселые, безмятежные молодые годы в замке Тегель и затем письмо к другу, в котором Гумбольдт признается, что жил в Тегеле в тягостном одиночестве, «вечно принуждая себя к притворству и жертвам...». Описывается триумфальная встреча после американского путешествия, и тут же автор подчеркивает, что Гумбольдт не торопится в Пруссию, а эпиграфом к своим «Картинам природы» ставит четверостишие Шиллера, которое начиналось словами:

На горах — свобода!

Секрет удачи книги В. Сафонова в том, что он последовал совету Гумбольдта: «Мою биографию ищите в моих работах».

В. АНДРЕЕВ

В. Сафонов. Александр Гумбольдт. Изд-во «Молодая гвардия». 1959. 191 стр.

Адам Мицкевич, Пушкин, Веневитинов...

Осенью прошлого года в архивах Москвы работал польский литературовед и писатель Леон Гомолицкий. Его разыскания были связаны с подготовкой к изданию второго тома «Летописи жизни и творчества Адама Мицкевича». Л. Гомолицкому удалось обнаружить много неизвестных ранее фактов из биографии Адама Мицкевича и его русских друзей.

Из присланных нам автором материалов для настоящей публикации отобраны неизвестные до сих пор сведения об участии Мицкевича и Пушкина в похоронах русского поэта Дмитрия Веневитинова.

Просматривая журнал Николая Полевого «Московский Телеграф», мне случайно посчастливилось обнаружить сведения о факте, который ускользнул от внимания исследователей.

Николай Полевой в рецензии на посмертное издание стихотворений Дмитрия Веневитинова 1829 года сообщает между прочим:

«Пушкин и Мицкевич провожали гроб Веневитинова и плакали об нем, как и другие. Природа оживала тогда новою весною, день был прекрасный весенний, и — никогда не забуду я этого дня...»

Этот факт не учтен в биографии Мицкевича. На похоронах Дмитрия Веневитинова, одного из инициаторов создания журнала молодых московских романтиков «Московский вестник», выдающегося поэта и теоретика, присутствовала почти вся литературная общественность Москвы. Внезапная смерть двадцатидвухлетнего поэта, сулившего большие надежды, произвела ошеломляющее впечатление. Ее связывали с арестом Веневитинова при въезде в Петербург, куда он отправился, чтобы поступить на службу. Арестованного Веневитинова держали в холодном и сыром помещении, это сильно подорвало его здоровье, в памяти у всех невольно возникали картины расправы с декабристами. О впечатлении, которое произвела смерть Веневитинова на его близких друзей, свидетельствует дневниковая запись М. Погодина, сделанная им наспех в день получения трагического известия — 19/31 марта 1827 года:

«...Приходит Рожалин и подает письмо... Неужели так! — Ревел без памяти.— Кого мы лишились? — Нам нет полного счастья теперь! Только что создан был круг и какое кольцо вырвано.— Ужасно, ужасно!»

Нами установлена и дата похорон Веневитинова, в которых приняли участие Мицкевич и Пушкин вместе со своими друзьями. Похороны Веневитинова состоялись 2/14 апреля 1827 года.

Леон ГОМОЛИЦКИЙ

Бой и труд

Книга В. Тельпугова «Алексей Недогонов» — первая монографическая работа о талантливом советском поэте. Это не сухое исследование, а живой, непринужденный разговор о писателе, которого автор хорошо знал в жизни и в творчестве.

А. Недогонов — участник финской кампании 1939 года и Великой Отечественной войны. Значительная часть его стихотворений посвящена событиям войны. Герои его стихов — сильные духом люди, преданные своему народу, полные глубокого оптимизма. Все это показано в книге Тельпугова в процессе анализа произведений Недогонова.

Справедливо заметил критик, что самым характерным для творчества Недогонова стал девиз: бой и труд.

Из одного металла льют
медаль за бой,
медаль за труд!

Много внимания уделяет критик анализу художественного мастерства поэта.

Некоторые из пишущих о Недогонове отмечали стилистическую невыдержанность и ритмический разнобой его стихов. Да, такая разностильность есть в поэме «Флаг над сельсоветом», но критик доказывает, что это является своеобразным поэтическим приемом, позволяющим отчетливо выразить мысли, чувства и переживания поэта.

И. ГНЕЗДИЛОВА

В. Тельпугов. Алексей Недогонов. Изд-во «Советский писатель». 1958. 139 стр.

МОСКВА ждет гостей

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ 1959

И. ВЕРШИНИНА

Справедливость требует признать, что почтовый адрес «Москва, улица Воровского, 33» всегда доставлял множество хлопот работникам почты и телеграфа. Здесь находится Центральный Дом кино и Союз работников кинематографии.

Сколько писем ежедневно приходит сюда и от наших зрителей и из других стран! Советское кино с каждым годом приобретает все новых поклонников в больших и малых странах, получает признание в сердцах рядовых людей и у высоких жюри всемирных фестивалей.

За годы, прошедшие после войны, советским фильмам были присуждены 215 международных премий и почетных дипломов, 35 из них — в прошлом году. Завязываются тесные творческие, деловые, дружеские связи, осуществляются совместные постановки с кинематографистами других стран.

С успехом проходят за рубежом недели советского фильма. Много интересного узнали наши зрители на состоявшихся у нас неделях кинофильмов Китайской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Индии, Польши, Венгрии, Франции, Объединенной Арабской Республики, Италии, Финляндии...

Москва принимает у себя деятелей искусства других стран, вплетает новые лавры в венки знаменитых артистов, называет новые имена.

Все, кому дорого искусство, с благодарностью вспоминают Международный конкурс имени Чайковского в Москве, который возвестил миру о таких музыкантах, как американский пианист Ван Клиберн, советский скрипач Валерий Климов, китайский пианист Лю Ши-кунь и другие.

3 августа в Москве открывается Международный кинофестиваль. Международная федерация ассоциаций кинопродюссеров зарегистрировала его в числе пяти крупнейших кинофестивалей года.

На улице Воровского, 33

Вероятно, проще было бы от почтового отделения до Дома кино установить конвейер. Не успевал почтальон, опорожнив свою сумку в дирекции фестиваля, вернуться на почту, как его ждала новая груда писем с этим же адресом. Вот где раздолье было бы филателистам: каких только марок нет на конвертах! Тут Бразилия и Вьетнам, Гвинея и Тунис, Китай и Япония, Корея и Индонезия...

Московский фестиваль взволновал всех. Писали письма кинозвезды и маститые продюссеры, главы кинофирм и знаменитые писатели, киносоюзы, ассоциации, федерации, общества, редакции и телевизионные компании. Одни просят аккредитовать корреспондентов на фестиваль, другие направляют заявки туристов, сообщают названия фильмов...

Затем стали приходить и самые фильмы. Массивный, крупный ящик — художественный фильм; поменьше — короткометражный: документальный, хроникальный, мультипликационный, научно-популярный.

На фестивале объявлен конкурс художественных полнометражных и короткометражных фильмов. Главная премия — «Большой золотой приз», затем — три «Золотых приза» лучшим полнометражным художественным фильмам; серебряные призы установлены за лучшие короткометражные фильмы различных жанров, а также за лучшую режиссерскую работу, сценарий, операторское искусство, исполнение женской и мужской роли, художественное оформление фильмов, музыку.

Каждая страна может показывать картины и вне конкурса. Так, будут показаны все фильмы США. Страна, которая занимает одно из первых мест в мире по количеству выпускаемых картин, не нашла возможным выставить ни художественный, ни короткометражный фильм для участия в конкурсе.

Сорок две страны сообщили о своем желании принять участие в международном смотре киноискусства в Москве.

В дирекции кинофестиваля на стене висит огромная таблица. Еще недавно она белела пустыми клеточками, сейчас почти все заполнены. Здесь и имена «звезд» и названия кинофильмов... Вы можете узнать, что Вивьен Ли получила приглашение, а Николь Курсель уже сообщила время приезда, что голландские кинематографисты рекомендуют в жюри своего прославленного кинорежиссера - документалиста Иориса Ивенса, а французы — Абеля Ганса. Если вас интересуют не делегации и жюри, а фильмы, то и эту информацию вы можете почерпнуть здесь. Великобритания присылает художественный фильм «Крик с улицы», а Гвинея — документальный: «Праздновании 1 Мая 1959 года»; Советский Союз представил «Судьбу человека». Чехословацкая Республика — два фильма: «12-й час» и «Бегство из тени». (Один из них будет показан вне конкурса.) Венгерский фильм посвящен событиям 1956 года и называется «Вчера». Итальянский—называется «Зимние каникулы»... Все фильмы не назовешь, тем более что каждый день приносит сообщения о новых и новых.

Для любознательных

Но мы упомянули итальянскую картину. В послевоенные годы фильмы этой страны завоевали множество поклонников. Что же сейчас делают создатели таких превосходных картин, как «Рим в 11 часов», «Похитители велосипедов», «Утраченные грезы», «Машинист»? Об этом мы тоже можем узнать здесь, в дирекции фестиваля. В огромных шкафах — толстые папки, в каждой «дело» о кинематографии данной страны.

В Италии 13 киностудий. В 1958 году в стране было выпущено 140 художественных фильмов и 365 документальных и научно-популярных. Тем не менее известные, ведущие режиссеры — Висконти, Де Сика, Росселлини, Дзампа, Де Сантис — на протяжении всех 12 месяцев 1958 года ничего не снимали.

Заглянем в другую папку: Индия.

Эта страна сейчас занимает третье место в мире по производству фильмов. Она выпускает 300 художественных и 100 документальных картин. В стране 67 киностудий, которые в отличие от других стран Востока и Запада выпускают фильмы на семи основных местных языках. В последние годы начался выпуск цветных фильмов. На фестивале индийские кинематографисты покажут фильм «Джалфагхар».

Фестиваль проходит под девизом «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!», и все присланные произведения должны соответствовать этому девизу. В зале Дома кино идут просмотры. Сейчас там показывают картину «Энергия и человечество» производства отдела фильмов ООН, режиссура и сценарий Торольда Дикинсона и Дж. Ширса. Фильм рассказывает о созидательном труде людей четырех различных стран мира: Канады, Норвегии, Италии, Гаити. Идея — взаимопонимание, дружба людей всей земли, сотрудничество во имя мира.

Но, увы, мы об этом пока можем судить лишь по аннотациям. Просмотры идут закрытые, рабочие.

Добро пожаловать!

Если у кинематографистов горячая пора впереди — просмотры, встречи, дискуссии,— то у художников сейчас самая страда. Тут и плакаты фестиваля, эмблема, значки, абонементы для зрителей, специальное оформление парфюмерных, кондитерских наборов, памятных сюрпризов, эскизы призов, медалей, дипломов, оформление столицы в предстоящие праздничные дни.

Фестиваль будет проходить не только в Кремлевском театре, где состоятся конкурсные просмотры. Он начнется большим праздником кино на Центральном стадионе в Лужниках; колонны машин с его участниками пройдут по улицам Москвы. Во время фестиваля будут отмечать и День кино — 40-летие со дня подписания Лениным декрета о кино.

Советские артисты, режиссеры, много раз побывавшие на международных кинофестивалях, знающие гостеприимство людей во многих странах, теперь в качестве хозяев будут знакомить наших гостей с Москвой, ее достопримечательностями, а прежде всего с советским зрителем. На заводах, фабриках, в пионерлагерях — всюду, где захотят побывать наши гости, их ждет горячее советское гостеприимство. Москва ждет гостей. Добро пожаловать!

Следует поздравить страны, участвующие в фестивале, ибо показать свои фильмы в Москве — большое удовольствие для каждого.

Как президент Международной федерации ассоциаций кинопродюссеров, я приветствую инициативу Советского Союза, содействующую укреплению культурных связей между разными странами при помощи искусства кино, язык которого понятен всем народам.

Ж. П. ФРОЖЕРЕ,
президент Международной федерации ассоциаций кинопродюссеров

Московский фестиваль является призывом ко всем народам, чтобы они использовали кино на службу миру. Я полагаю, что фестиваль в Москве встретит широкий отзыв, особенно в странах Азии и Африки, ибо условия этих стран требуют, чтобы киноискусство было поставлено на службу национального и общественного прогресса. Такой прогресс может быть достигнут только под лозунгом сотрудничества между народами и установления мира во всем мире.

Салах Эд-Дин БИТАР,
министр культуры и национальной ориентации ОАР

Московский фестиваль открывает новые возможности в развитии личных связей, с помощью которых и торговля становится более эластичной и индивидуальной.

Финляндия стремится завязать хорошие связи со всеми странами и особенно с Советским Союзом, с которым мы являемся соседями. Кинематография выполняет важные задачи, в частности в установлении доверия между странами.

Мауно МЯКЕЛЯ,
главный директор фирмы «Феннада-Фильми» и председатель Фильмовой палаты Финляндии.

Большой золотой приз.
Рисунок автора приза И. Эбина.

Все в большей мере становится очевидным тот факт, что советское киноискусство со своими непревзойденными фильмами достигло больших высот. Успехи, выразившиеся в премировании советских фильмов на разных фестивалях, показывают, что это стало ясным для кинорaботников во всем мире. Я твердо уверен, что кинофестиваль в Москве, проходящий под лозунгом «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!», явится большим событием в жизни кино.

Гарри ХИНДЕМИТ,
немецкий писатель.

Каждый фестиваль приносит большую пользу. Показ фильмов разных стран представителям всего мира помогает лучше понять жизнь различных народов. Только тогда люди смогут жить мирно и спокойно, когда исчезнет страх перед чем-то неизвестным.

АРЧИБАЛЬД,
один из директоров Британской компании телевидения и кино.

Зловещая тень Аденауэра

Кони ЗИЛЛИАКУС

Еще в те дни, когда друзья Конрада Аденауэра вознамерились, если можно так выразиться, «спустить его с лестницы» на пост президента, он обрушился с яростными нападками на Англию. Некоторые наши газеты объясняли, что доктор Аденауэр в конце концов человек престарелый и в данном случае только отдавал дань своему дурному настроению. Однако отклики в Англии на эту атаку Аденауэра оказались глубже и резче. В широких кругах англичан она усилила ощущение опасности, которую несет с собой возрождающийся германский милитаризм, к тому же густо окрашенный неонацизмом. Люди окончательно убедились, что Западная Германия — враг мира, что вооружать ее ядерным оружием — самоубийственная глупость и преступление перед человечеством. Возмущение вызвала новоявленная «ось Аденауэр — де Голль». Английская печать не прошла и мимо воинственного заявления Аденауэра, сделанного группе боннских политиков: «Пусть лучше англичане поймут, что не они, а мы будем руководить Европой».

Справедливость требует отметить, что настроения недоверия и осуждения политики Западной Германии складывались под поверхностью английской политической жизни еще и до речи Аденауэра. Так было, например, во время визита в Лондон бывшего президента ФРГ Хейса. Несмотря на официальную шумиху в прессе, прием, оказанный ему, был холодным.

На протяжении первых шести недель совещания министров иностранных дел в Женеве в сознании англичан невольно то и дело вставала фигура Аденауэра, упрямого и враждебного старца, решившего во что бы то ни стало сопротивляться малейшей попытке приблизиться к соглашению с Советским Союзом, к миру и, наоборот, продолжать «холодную войну» до тех пор, пока Западная Германия не вооружится ядерным оружием и не сможет снова потребовать для себя «жизненного пространства» на востоке и западе.

Разумеется, не мог воодушевить англичан и неслыханный «маневр» доктора Аденауэра, когда он вдруг в последнюю минуту все перерешил и отказался быть президентом, предпочитая остаться канцлером. Очень хорошо писал об этом Джеймс Камерон в «Ньюс кроникл»:

«Во всем этом смешное причудливо перемешивается с опасным. Такой фарс мог быть разыгран только в Бонне. Выступил ли тут Аденауэр в роли тирана или его партия в виде стада овец — все равно: это событие — сокрушительное разоблачение той лжедемократии, которую многие из западных политиков старательно искали и даже находили в Западной Германии... Доктор Эрхард заявляет, что не может понять капризов Аденауэра, в которых, как он выразился, много «неподдающихся учету человеческих слабостей». Видимо, Эрхард хотел этим сказать, что Аденауэр — выживший из ума вздорный старик, и что ему удается играть роль диктатора только потому, что окружающие его политики — просто толпа людей, привывших улыбаться, когда им дают пинка...»

Здесь в довольно злой, но очень правдивой форме выражены чувства рядового англичанина, который не очень любит заниматься «политикой», но который не забыл, что Германия была его врагом в двух мировых войнах. И рядом с этим недоверием к Германии, возрождаемой на Западе, в нашем народе живет искреннее желание видеть Германию миролюбивой, демократической. Наоборот, официальная политика английского правительства по отношению к Западной Германии сознательно пренебрегает демократическими традициями нашей страны, поскольку в Германии желают видеть «бастион против коммунизма». Что может означать эта формула, кроме возрождения старой, шовинистической, милитаристской, антисемитской, фашистской Германии Гитлера? Той Германии, которая ввергла мир в гибельную войну, проявила непостижимые варварство и жестокость, истребив десятки миллионов беззащитных человеческих существ. Хуже того, включение Западной Германии в НАТО и ее перевооружение были восприняты кое-кем в Бонне как некое посмертное отпущение грехов, которые наделал Гитлер. Отсюда все возрастающая агрессивность «реабилитированных» нацистов.

Попытки консерваторов навязать английскому народу эту, хотя и сделанную по новейшему американскому образцу, но на деле старую, агрессивную Германию только усиливают среди англичан чувство отвращения и тревоги. Представители лейбористской партии не раз поднимали в парламенте свой голос против этой опасности. В кругах консерваторов тоже растет число тех, кто испытывает тревогу; эти люди, правда, не прочь были использовать германский национализм и милитаризм для своих узких целей, но устрашились сами того чудовища, которое вызвали к жизни. В этих кругах начинают понимать, что Германия Аденауэра не прочь вышибить Англию из Европы и использовать НАТО для того, чтобы поглотить ГДР и расчленить Польшу под угрозой ядерной войны. Газета лорда Бивербрука «Дейли экспресс», отражающая вышеуказанные настроения в консервативных кругах, заявляла недавно, что вооружать Западную Германию ядерным оружием — безумие и что воссоединение Германии до того, как немецкий народ разгромит собственных милитаристов и шовинистов, было бы рискованным для дела международного мира. Газета требовала отзыва английских военных сил с территории Западной Германии.

В рядах лейбористской партии все больше возрастает озабоченность тем, что творится внутри Западной Германии. И что особенно беспокоит — это отсутствие сколько-нибудь сильного и широкого противовеса реакционной коалиции Аденауэра. Небольшие группы, отдельные люди борются против его агрессивной политики с удивительным мужеством. Но они изолированы. На страницах «Рейнольдс ньюс» преобладающие в лейбористской партии настроения были охарактеризованы так:

«Четырнадцать лет тому назад мы думали, что демократия в Европе спасена. Всего четырнадцать лет — а демократия снова стоит под угрозой на большой части нашего континента. Двое из старых и наиболее жестоких диктаторов сохранили свою власть: Салазар — в Португалии, Франко — в Испании. Франко — щедро оплачиваемый пенсионер Соединенных Штатов. Салазар пользуется милостями Англии. Франция погружена в сумерки, и злобные люди замышляют установить в стране открытую диктатуру. В Западной Германии агрессивный старец попирает гражданские свободы.

Мы решительно осуждаем тех в Западной Германии, кто позволяет Аденауэру топтать себя ногами. Но нам самим тоже надо быть уверенными, что мы не впадем в апатию и не позволим подорвать жизненные основы нашей демократии».

Левое течение в лейбористской партии могло бы добавить к этому следующую мысль: монополистический капитал в Западной Европе снова стоит в наши дни у грани тех антидемократических, авторитарных форм, которые он принял в странах Центральной Европы после первой мировой войны. Европейский монополистический капитализм находится в полной зависимости от гонки вооружений и политики «холодной войны», ибо только этим он и может жить. Вот почему приход к власти — хотя бы в одной из великих держав Западной Европы — политического движения, конечной целью которого является социалистическое общество, движения, не боящегося успехов социализма за границей, мог бы затормозить скатывание человечества к войне. Это открыло бы путь для политических соглашений между Востоком и Западом, для разоружения, для мирного сосуществования государств и народов.

С пьедестала долой!

В нашем журнале рассказывалось о свержении статуй английских генералов-колонизаторов Гордона и Китченера. Процесс очищения африканской земли от памятников позорной колониальной системы продолжается. По распоряжению марокканских властей с одной из центральных площадей города Касабланки удалена конная статуя французского маршала Луи Лиоте.

Реакционный парижский еженедельник «Карфур», опубликовавший снимок, на котором запечатлен момент сноса памятника, горько сетует на марокканцев, обвиняет их в «неблагодарности». Эта статуя, по утверждению «Карфур», была «символом цивилизаторской деятельности Франции в Марокко». Однако в памяти марокканцев этот «цивилизатор» остался как кровавый кондотьер французского колониализма, один из душителей героического восстания рифов.

Марокканцы воздали должное колонизаторским «заслугам» маршала Луи Лиоте.

Дизель-электроход «Ленин» в пути.
Фото П. Вышкинда.

НА БОРТУ ВОЛЖСКОГО ЛАЙНЕРА

— Вниманию туристов! Дизель-электроход «Ленин» подходит к селу Ильинке, где расположен один из лучших домов отдыха Чувашии. Стоянка — четыре часа.

— Силами наших туристов и отдыхающих будет дан концерт,— разнеслось из радиорупоров над всеми тремя палубами волжского лайнера.

И вот мы поднимаемся по крутой дороге на гору, где в темной зелени притаились светлые корпуса. Навстречу нам идет большая группа людей, одетых по-праздничному, в национальные костюмы. Почти у каждого в руках большой букет полевых цветов.

Вперед выходят двое: глубокий старик и старушка — с большим караваем хлеба.

— Вот это встреча! — восторженно говорит мой сосед, москвич Аникин.

А главный инструктор плавучей турбазы Иванов выступает с ответной речью:

— Дорогие чувашские братья! Спасибо вам! На дизель-электроходе «Ленин», который возвращается из туристического рейса Москва — Астрахань, встретились люди разных профессий, из разных уголков нашей большой страны. Вот, например, ваши земляки по Волге, костромичи,— рабочие судомеханического завода Скуратов и Комаров; вот слесарь Голышев из Владивостока... А вот тот, видите, стоит с краю, сибиряк, паровозный машинист Рябов из Красноярского края... Кроме того, есть тут и немецкие товарищи — туристы из ГДР. Разный у нас народ, а главное — хороший и веселый. Ну вот, товарищи, мы и познакомились...

Над головами туристов взметнулся фонтан цветов. Послышались веселые голоса, смех. Встречающие и гости смешались в одну пеструю толпу. Спешно организовывались команды городошников, футболистов, волейболистов. На открытой эстраде выступают артисты самодеятельности.

А вскоре отдыхающие идут в гости к туристам на борт дизель-электрохода.

В уютных каютах гости наслаждаются прохладой. На палубе тридцать с лишним градусов, а в каюте — двадцать, двадцать два.

— У нас свой микроклимат,— поясняет штурман Л. Н. Токарев.— На судне работает климатическая станция, регулирующая температуру. Протяните-ка сюда руку; чувствуете струю прохладного воздуха?

«Ленин» — самое быстроходное судно речного флота. Все здесь к услугам отдыхающих: просторные салоны, ресторан на двести мест, большой кино-концертный зал, телевизоры, телефонная станция, библиотека.

...Туристический рейс дизель-электрохода «Ленин» подходит к концу. Позади остались Астрахань, Сталинград, Саратов, Горький — все крупные волжские города. Миновали и Рыбинское море. Перелистываем книгу отзывов и предложений отдыхающих.

Много тут теплых слов в адрес сормовичей — строителей дизель-электрохода — и в адрес команды.

«Поездка по Волге обогатила меня множеством впечатлений. Необъятна и прекрасна наша Родина!» — пишет Н. С. Скуратов из Костромы.

«Все, что создано руками народа, должно принадлежать народу. В этом мы, туристы из ГДР, убедились, совершив поездку на вашем замечательном судне. Мы еще раз убедились, что дружба между нашими странами крепнет день ото дня»,— это слова рабочего химического комбината фирмы «Агфа» Вини Егеря.

На средней палубе звучит музыка. Молодежь танцует. Трехпалубный красавец входит в первый шлюз канала имени Москвы.

В. ФИРСОВ

ОТ КРАЯ

ХУДОЖНИК ОДНОЙ ТЕМЫ

Большой интерес донецких шахтеров вызвала художественная выставка венгерского скульптора Иштвана Сабо. Все произведения посвящены труду горняков. Сам художник — потомственный шахтер, не один год работал он под землей коногоном.

Увлекаясь резьбой по дереву, Сабо изображал в небольших скульптурах жизнь горняков Шальготарьяна. Тема тяжелого труда под землей определила все творчество скульптора и в дальнейшем.

Шестьдесят девять произведений художника представлено на выставке, организованной в краеведческом музее Сталино.

Вот многофигурная композиция «В шахтной лаве»; скульптор вырезал ее из ствола дикой вишни. Один из забойщиков рубит у пласта уголь, другой работает лопатой, третий ставит крепежную стойку...

С восхищением рассматривают зрители скульптуру «Сырой забой». И. Сабо удачно использовал фактуру прикорневой части дуба: годовые кольца дерева, пропитанного машинным маслом, создают иллюзию бегущих по горной породе водяных струй.

Приехав в гости на шахту имени Абакумова, скульптор спустился под землю, наблюдал механизированную добычу угля. Познакомился он и с наземными сооружениями шахты. На лесном складе его внимание привлекла сибирская лиственница.

— С этой породой дерева мне никогда не приходилось работать,— сказал он.— Попробую...

И за несколько дней создав выразительную скульптуру «Крепильщик», преподнес ее своим друзьям — советским шахтерам. Горняки на прощание подарили Иштвану Сабо шахтерские лампочки с дружескими надписями.

Ал. ИОНОВ

Иштван Сабо на выставке около одной из своих скульптур.
Фото Л. Азриеля.

Порт Находка в заливе Америка

Шоссейная дорога из Владивостока в Находку вьется по склонам зеленых холмов, пересекает реки, наконец, выводит к заливу с необычным названием — «Америка». Сто лет назад моряки русского корвета «Америка», терпя бедствие, обнаружили неизвестные прежде залив и бухту, укрылись там. Залив был назван по имени корабля Америкой, а бухта — Находкой.

Еще в 1926 году в Находке было два поселка с тремя сотнями жителей. Но вот в последнее десятилетие на пустынной пади Ободной вырос современный портовый город. Уже сегодня торговый порт в Находке по грузообороту догнал Владивосток, а по уровню механизации превзошел его.

Людей на территории порта почти не видно. Выгрузку и погрузку ведут портальные краны, а на берегу авто- и электропогрузчики подходят к штабелям грузов, проталкивают под них металлические лапы, поднимают, отвозят к причалам... Девяносто восемь процентов всех погрузо-разгрузочных операций осуществляется механизмами.

Побывав на причалах, мы заглянули в диспетчерскую порта.

— Автопогрузчик 47, срочно на свое место! — разнеслось через радиорупор по всей территории. У четвертого причала встало под погрузку английское судно «Чарлстон».

Едва диспетчер положил трубку, как телефон снова зазвонил: судно «Шонан Мару» готово отойти на Токио.

У причала и на рейде стоят суда под флагами Китайской Народной Республики, Греции, Италии, Либерии, ФРГ...

«Джурма» пойдет в Анадырь. Часом раньше отошел «Иван Бабушкин» с грузами для факторий и колхозов Восточной Чукотки. От морского вокзала отправился с пассажирами «Александр Можайский», обслуживающий экспрессную линию Находка — Магадан. Ежедневно корабли уходят отсюда то на Сахалин, то на Камчатку с оборудованием для новостроек семилетки.

К. ЧЕРЕВКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

ДО КРАЯ

Московские строители А. М. Удотов, Е. С. Курбатова, В. А. Назаров беседуют с Ю. Соснаром в редакции журнала «Огонек».

Фото Г. Санько.

ДРУЖБА СТРОИТЕЛЕЙ МОСКВЫ И ПРАГИ

Юра СОСНАР,
чехословацкий журналист

— Все было подсчитано и запланировано, — рассказывал мне бригадир строителей пражанин Вацлав Соустружник.— Каждый день бригада должна была строить в грубом исчислении полторы квартиры. Но мы с товарищами посоветовались, подсчитали резервы и решили, что если как следует взяться за дело, лучше организовать работу на площадке, можно за день давать стране не полторы, а три квартиры!

В бригаде Вацлава Соустружника, которая соревнуется за звание бригады социалистического труда, тридцать один человек. И хоть немало встречается неполадок: то долго не работал новый кран, то не хватало инструментов, то где-то застревали стройматериалы,— но каждый день бригада сдает три квартиры — 120 квадратных метров площади.

Недаром весной этого года В. Соустружник и его товарищи были награждены орденом «За выдающиеся успехи в труде».

И вот бригада решила познакомиться с советскими строителями, узнать об их успехах, их методах работы.

Соустружниковцы приготовили подарок москвичам — альбом с фотографиями о своей работе — и обратились в редакцию пражского журнала «Кветы»: «Помогите установить связь со строителями Москвы».

Вскоре мы приехали в Москву. Я передал альбом и письмо чешских строителей одной из лучших комплексных бригад — бригаде Александра Михайловича Горева, которая работает в районе нового жилищного строительства Хорошево — Мневники.

Поблагодарив за альбом, москвичи засыпали меня вопросами и договорились побеседовать с пражскими друзьями.

После работы как-то вечером московские строители пришли в редакцию «Огонька», а пражские — в редакцию «Кветы».

В Москве у телефона помощник бригадира А. М. Удотов, в Праге — Вацлав Соустружник.

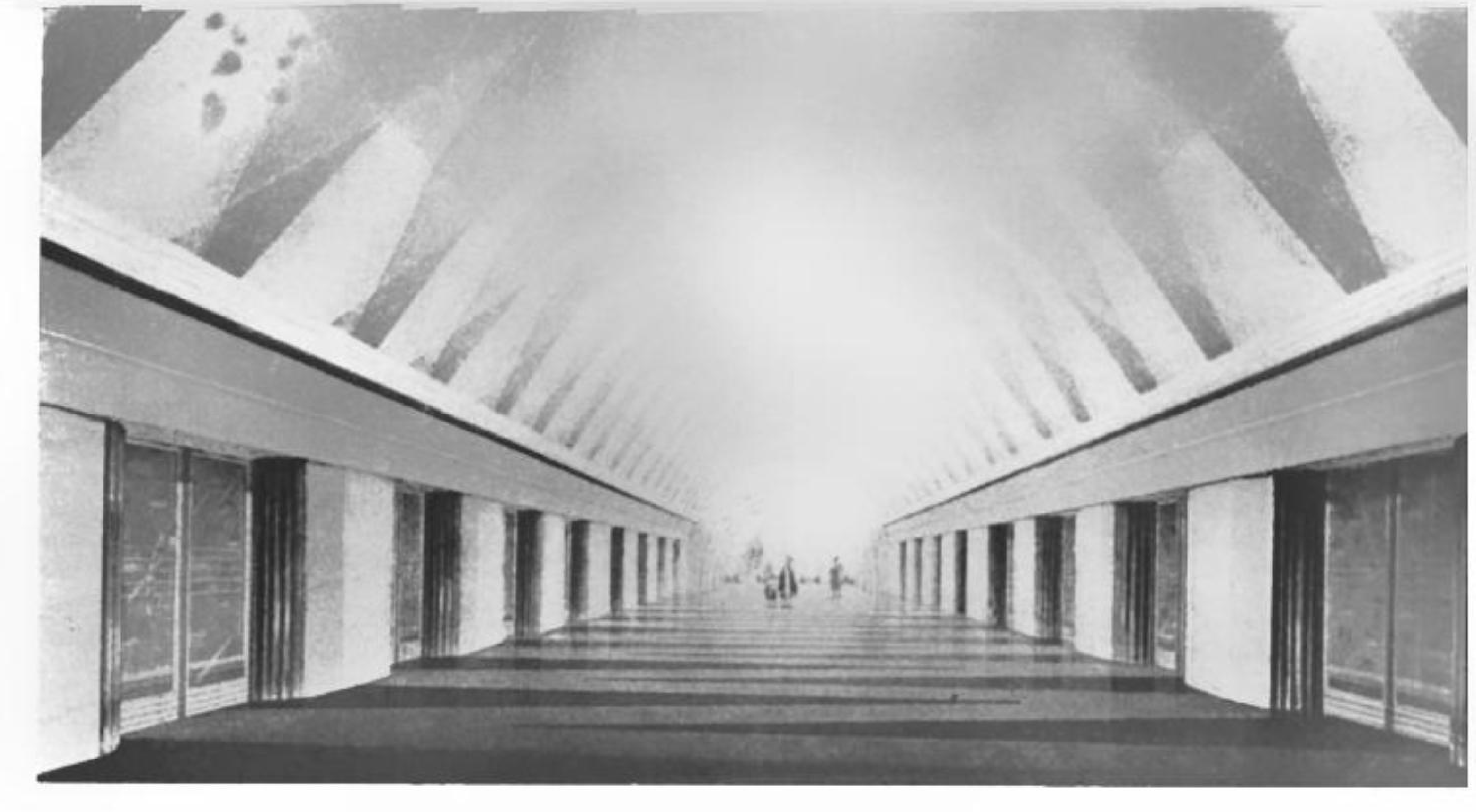
Сыплются вопросы, переводчики в обеих редакциях едва успевают их переводить:

— Сколько кирпичей за смену кладет каменщик?

— Какова у вас организация труда?

— Случаются ли прогулы?

Стрелки часов обегают круг, второй... Прошел час, полтора. А тема беседы все еще не исчерпана. Ведь это — только начало дружбы, большой дружбы лучших строителей Москвы и Праги.

Проект станции «Московский парк Победы».

НЕОБЫЧНАЯ СТАНЦИЯ МЕТРО

Строители второй очереди Ленинградского метрополитена с каждым днем продвигаются под землей все дальше от Технологического института к Московскому парку Победы. Конечная станция этой линии устроена необычно. Взгляните на снимок, и вы увидите, что отличает ее от всех ныне действующих станций в Московском и Ленинградском метро.

Представьте, что вы сошли с эскалатора в просторный пассажирский зал и по привычке заторопились к платформе, чтобы быстро вскочить в поезд. Но платформ, к которым обычно подходят электропоезда, тут не видно. Перед вами двери. С удивлением вы смотрите в другую сторону — и там двери.

Архитектор А. К. Андреев и группа конструкторов Ленметропроекта во главе с Л. В. Фроловым спроектировали станцию «Московский парк Победы» так, что рельсы, провода на стенах, поезд — все это скрыто от глаз пассажиров рядом дверей из небьющегося стекла с матовым рисунком.

Но как же попасть на поезд? Оказывается, очень просто. Когда состав подойдет, все двери автоматически откроются, и пассажиры войдут в вагоны. Одновременно с дверями зала открываются и закрываются двери поезда. Возможность несчастных случаев исключена.

Основные несущие конструкции станции собираются из железобетонных тюбингов. Зал облицовывается пластическими материалами светлых тонов. Лампы дневного света и карнизы из хрустального стекла придают залу светлый, нарядный вид.

М. ШИМАНОВИЧ

Деннис и Мери-Лю

Молодые в загсе. Мери-Луиза принимает поздравления. Первый слева — Деннис О'Коннор.

Фото С. Шингарева.

В пятницу, 10 июля, американские студенты Деннис и Мери-Луиза стали мужем и женой. Их брак был оформлен в загсе Ленинского района города Москвы.

Деннис О'Коннор впервые ступил на советскую землю более двух лет назад туристом. Вернувшись в США, он поделился впечатлениями о поездке с Мери-Лю — так называл он свою подругу. Она изучала тогда в колледже русскую историю, культуру, искусство, русский язык.

С интересом слушала девушка рассказы Денниса о далекой заокеанской стране.

— Хоть бы денек побывать там! — мечтала Мери-Луиза Макмагон.— Ведь я могла бы там обойтись без переводчика...

Но случилось так, что в Советский Союз снова поехал Деннис, и надолго, на целый академический год. По программе обмена студентами его направили в Московский университет. Здесь, на юридическом факультете, он совершенствовался по своей специальности — международному и советскому праву.

Живя почти год в Москве, Деннис, конечно, неплохо стал разговаривать по-русски.

Мери окончила колледж. А вскоре и ей представилась возможность приехать в СССР.

...В загс Ленинского района Деннис и Мери пришли не одни. Их сопровождали московские знакомые Денниса, и в числе их негр Роберт Росс, лектор, уже давно живущий в СССР.

Были, конечно, подарки от друзей, было много цветов, телеграмм, поцелуев.

— Вы знаете,— призналась нам Мери-Луиза,— мы с Деннисом, сами того не замечая, иногда объясняемся друг с другом по-русски. Это очень хорошо. Ведь я собираюсь стать аспирантом, преподавать в высшей школе историю русской культуры и искусства.

И Деннис поделился с нами своими планами:

— Вернусь домой, буду защищать диссертацию. Надеюсь стать преподавателем международного и советского права.

...Сейчас, когда вы читаете эти строки, Мери и Деннис совершают путешествие по СССР. Они побывают в Тбилиси, Сухуми, Киеве, Ленинграде.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

НА ВЕЛОСИПЕДЕ ПО ВОДЕ

Этот водяной велосипед сконструирован инженером Аркадием Ивановичем Скачковым. Удобная и безопасная машина легко движется по воде с помощью привода к гребному винту, который находится под сиденьем водителя. Просто устроено и рулевое управление. Трехгранные поплавки обеспечивают устойчивость.

Скорость водяных велосипедов с винтовым ходом — 10—12 километров в час. На них можно установить и легкий мотор, и парус, и уключины для весел.

Фото В. Константинова.

О Гибриде и его рекордах

Александр БОНДАРЕВСКИЙ,
мастер-наездник

Мне, опытному ипподромному наезднику, гораздо легче провести по верстовой дистанции беговой дорожки самого строптивого рысака, нежели рассказать о беговой лошади, к тому же о такой выдающейся, как Гибрид. Но с Гибридом связаны самые радужные, самые интересные страницы моей спортивной биографии. И быть может, именно поэтому я хочу познакомить читателей со своим любимцем, с которым мы вот уже в течение восьми лет почти не расстаемся.

Наше знакомство состоялось 2 мая 1951 года. Темно-серый жеребец, поступивший ко мне в тренировку, был представителем славного рысистого рода. Его отец — рекордист Гурон, правнук не менее знаменитого Газавата, а мать — Бразилия, дочь известного в свое время Имбиря.

Анкетные данные двухлетнего Гибрида говорили о том, что я получил лошадь, с которой будет интересно работать. Однако я не тешил себя особыми иллюзиями, так как по долголетнему опыту знал, что не всегда отличный паспорт рысака, резвость его родителей могут автоматически, по наследству, повторяться в их отпрыске. Ведь многое зависело от предыдущего, заводского тренинга.

Гибрид родился на Еланском конном заводе. Там он и познал первые, азбучные истины рысистого бега под управлением наездника Н. И. Ульянова.

Мне вспоминается письмо-препроводиловка, присланное вскоре после того, как Гибрид прибыл на Московский ипподром: «Жеребец в деннике ведет себя очень скромно, но на езде пылок, энергичен. Движения продуктивные, в меру длинны и одновременно несколько крутые».

Что ж, характеристика, данная заводским наездником, была довольно точна. Однако после первых тренировок выявилась и ахиллесова пята Гибрида. Рысак оказался близорук и робок. Тень от столбов, разноцветность грунта дорожки и другие неожиданно появлявшиеся по ходу бега препятствия стали причинами тяжелых сбоев. А как известно, лошадь, обладающую правильным ходом, перевести на рысь сразу не так-то просто.

Гибрид дебютировал в Москве 20 июня и был первым у призового столба со скромным результатом — 2 минуты 34 секунды на дистанции 1 600 метров. Затем два раза проиграл, опять выиграл и снова проиграл. Его неудачи были следствием сбоев, о которых говорилось выше.

У ипподромных наездников есть выражение «поверить в лошадь». Разумеется, этот чисто профессиональный термин появился неспроста. Дело в том, что каждый из нас, получив двухлетка, старается распознать в молодом рысаке будущего резвача, а может быть, и дербиста.

Надо ли говорить, сколько труда, терпения, настойчивости приходится вложить мастеру в тренинг, прежде чем он почувствует, что избранный им путь подготовки рысака правилен.

Через мои руки прошло немало самых разных по темпераменту рысаков. Одни из них, пылкие и горячие в езде, мне особенно нравились; я всегда стремлюсь добиться от такой лошади повиновения, стараюсь пробудить желание работать. Я считаю это наиболее важным в системе подготовки рысистой лошади.

Такой же метод тренировки был применен мною и к Гибриду. Правда, мы не очень скоро нашли с ним «общий язык», зато в дальнейшем мое малейшее приказание, любой посыл беспрекословно и, что особенно важно, охотно выполнялся Гибридом.

Трудно объяснить «синхронность» действий наездника и лошади, но несомненно одно: без такого контакта немыслимы высокие достижения.

Любопытно, что вначале мне больше понравился сверстник Гибрида, темно-гнедой красивый жеребец Чурек. Он привлекал внимание хорошо развитой мускулатурой и экстерьером.

Что же касается Гибрида, то, посмотрев на его узкую грудь, корпус почти без мускулатуры, на близорукие глаза, не верилось, что он сможет когда-нибудь стать классным рысаком. Старые конюхи говорят о таких: «Лядащая лошадь».

В езде Гибрид, обладая очень правильными движениями, шел как-то неуверенно. Прежде чем стать на грунт, он как бы ощупывал его, будто не доверяя его прочности. Эту близорукость жеребец, безусловно, унаследовал от предков.

После первого бега, несмотря на сбоистость, Гибрид мне понравился. И, наоборот, Чурек вопреки ожиданиям таких беговых способностей не проявил. Вот как нередко внешний вид лошади бывает обманчив!

Гибриду был назначен специальный рацион кормления. У него в меню появились морковь, сахар, гоголь-моголь. Все эти деликатесы запивались боржомом.

Жеребец занял готовую просторную квартиру — двойной денник, где всегда стояли рекордисты и дербисты. Рысак был отдан в уборку старейшему конюху Михаилу Харитоновичу Лачинину, который ездил на Еланский завод принимать Гибрида и, как первый знакомый, стал его верным другом и опекуном.

Словом, Гибрид сразу же попал в привилегированное положение в конюшне, и все мы ждали, какова же будет «отдача» рысака.

Обычно лошади, поступившие на ипподром двухлетками, должны выступать дважды в месяц. Такова норма, план.

Гибрид второй раз появился на беговой дорожке лишь через месяц после дебюта, 22 июля, в день вступительного приза для двухлеток. Приз этот Гибрид проиграл, хотя и сбросил со своего первого результата 4 секунды. Рысак остался верен себе: он трижды скакал по дистанции, причем, отставая после тяжелых сбоев, отлично догонял ушедших соперников, затем снова скакал и снова оказывался в хвосте бега.

Спустя две недели состоялся еще один бег двухлеток. Среди его участников, помимо Гибрида, выделялся гнедой Первенец, в будущем вечный соперник Гибрида.

Первенец выступал под управлением своего тренера, мастера-наездника Александра Васильевича Зотова, и выиграл приз. Гибрид остался вторым.

Незаметно подошел день розыгрыша Большого двухлетнего приза. Стояла пасмурная погода, но дорожка была легкой, отлично подготовленной. Гибрид прошел 1 600 метров за 2 минуты 21,5 секунды и выиграл приз. Я был доволен резвостью лошади и, признаться, уже решил, что рысак наконец-то устоял на ходу. Но моя рабочая гипотеза была опровергнута в последующем беге.

В движениях Гибрида появился брак — сбой, и нам пришлось довольствоваться лишь третьим местом.

Еще раз я убедился в том, что нужно предотвратить робость рысака. Мы попробовали надеть на его уздечку муфту, чтобы Гибрид не видел перед собой по ходу бега ни разноцветности грунта, ни тени от столбов, которых так боялся.

Мы перепробовали несколько вариантов «головных уборов», прежде чем нашли нужный.

Чем больше узнавал я характер, повадки этой лошади, тем больше крепла вера в Гибрида, в его беговые способности. Такой вывод пришел не вдруг, не умозрительно. Его подкрепляли показания секундомера.

Через полгода после нашего знакомства Гибрид «оброс» мышцами хорошо тренированного гимнаста, готового к состязаниям с самыми сильными конкурентами.

Те, кто видел рысака в момент его поступления на ипподром, теперь были приятно удивлены.

Я всю жизнь не переставал мечтать о лошади, способной не только повторить достижения знаменитого орловского рысака Крепыша, но и значительно превысить их.

Чтобы не быть голословным, опять приведу в свидетели цифры (в нашем деле без них, увы, не обойтись, они часто бывают убедительней самых красноречивых слов). Выступая по ледяной дорожке в 1951 году, Гибрид показал рекордную резвость для русских двухлетних жеребцов — 2 минуты 17,2 секунды.

Как у молодого одаренного артиста шумный успех нередко сменяется неудачами, обидными провалами, так и у Гибрида радость побед перемежалась горечью поражений. Такую каплю дегтя Гибрид внес, будучи уже трехлетком, слабо выступив в Большом Новогоднем призе. Рысак прошел финишный столб третьим, с резвостью — 2.22,2. Неудача? Для Гибрида да. Но, к моему большому удовольствию, она была последней.

Даю Гибриду полуторамесячный отдых, и 17 февраля выигрываю приз в 2 минуты 17,6 секунды, открывая этим бегом этап гибридовских побед.

Победитель Большого зимнего приза для трехлетних рысаков, Гибрид в мае, то есть после двух месяцев облегченного тренинга, добился заметных успехов, а 10 августа выиграл Большой Всесоюзный трехлетний приз.

Прошло семь лет со дня этого во многом памятного и очень успешного бега. Тогда первый гит выиграл Гибрид — в 2 минуты 08,6 секунды. И лишь на шею сзади был Первенец. Второй гит снова первенствовал Гибрид, и снова «чуть-чуть» сзади был его грозный конкурент. И опять высокий результат — 2 минуты 10,5 секунды.

Даже для неискушенных в кон-

ном спорте людей стало ясно, что отечественное коннозаводство обогатилось двумя рысаками выдающегося класса.

В конце августа Гибрида в числе других резвейших рысаков направляют в Одессу. Местный ипподром издавна считается конноспортивным Давосом. Здесь даже самые безнадежные рысаки-тихоходы, вдыхая живительный морской воздух, будто перерождаются, улучшая свои рекорды на несколько секунд.

Нетрудно представить, с каким нетерпением ожидал я выступлений Гибрида в Одессе. Вспоминается, как 14 лет назад, выступая здесь же на орловце Вальсе, мне удалось побить дореволюционный рекорд знаменитого Крепыша (2 минуты 08,6 секунды). Вальс тогда сбросил с этого достижения три секунды.

Теперь Гибриду суждено было продолжить штурм рекорда Крепыша.

Морские купания, усиленный рацион питания, прекрасная погода, целенаправленный тренинг — все это плюс отличное состояние бегового круга создавало хорошие условия для выполнения заветной цели.

На новом месте Гибрид исключительно быстро обретал свои лучшие боевые кондиции, и 22 сентября мне удалось провести его за 2 минуты 03,2 секунды! Побит рекорд Вальса, и побит на 2,4 секунды!

Но, конечно же, наиболее выдающимся надо признать достижение Гибрида в беге на более длинную дистанцию — 2 400 метров. Назову цифру — 3 минуты 06,4 секунды. Иными словами, на отдельных отрезках дистанции рысак бежал, вернее мчался, со скоростью 50 километров в час. Ну чем не курьерский поезд! К тому же за время бега я ни разу не тронул его хлыстом.

Трехлетний Гибрид на 2,5 секунды побил достижение знаменитого Улова, который установил свой рекорд, будучи лошадью старшего возраста.

Прошел еще год, и Гибрид на том же Одесском ипподроме вновь показывает блестящий результат: 1 600 метров он пробегает за две минуты ровно! Это абсолютный рекорд СССР и Европы. Затем Гибрид ставит еще два абсолютных рекорда страны: на 2 400 метров — 3 минуты 04,6 секунды и на 4 800 метров — 6 минут 27,6 секунды! Эти выдающиеся рекорды ставят Гибрида в один ряд с резвейшими современными рысаками. Во время почти всех выступлений Гибрид выдерживал острейшую конкуренцию своего постоянного соперника Первенца (наездник А. Зотов).

Несмотря на завоеванные лавры на Родине, очень хотелось выставить Гибрида на старт с сильнейшими рысаками Европы.

Я много слышал и читал в зарубежной прессе о лучших, почти непобедимых лошадях Франции, Швеции, Италии и других стран. И каждый раз, воссоздавая мысленно картину поединков сильнейших, невольно включал в число участников бега наших советских рекордистов, Гибрида и Первенца.

К счастью, нам вскоре представилась такая возможность. По приглашению шведских спортивных организаций группа московских наездников — А. Зотов, А. Сорокин, Н. Калала, С. Захаркин и автор этих строк — выехала в Стокгольм для участия в международных конноспортивных соревнованиях.

Это было время, когда на ипподромах Европы царила почти не знавшая поражений Франсез Бюльварк, шведская лошадь, прозванная за свои исключительные успехи «королевой Европы».

В Европе наиболее вероятные победители — крэки — обычно выступают с лидерами. Лидер, как правило, создает фальшивый по резвости бег для основного соперника фаворита, пытается сбить его с привычной раскладки бега по четвертям дистанции (отрезки в 400 метров). Но уже в половине пути лидер «выматывается», а главный фаворит, сохранив свои силы за лидером для решающего финишного броска, выигрывает бег.

На сей раз Франсез Бюльварк имела не одного, а двух лидеров — Манифика и Корнэ, каждый из которых ненамного уступал в классе основной претендентке на победу.

Узнав об этом, руководство нашей команды решило, что на выигрыш буду ехать я на Гибриде, одновременно записав в этот бег Первенца, Туриста и Буга (наездники — А. Зотов, А. Сорокин и Н. Калала). Эта тройка, особенно первые двое, должны были стать моими лидерами и помочь мне в единоборстве с Франсез Бюльварк и ее наездником Сореном Нурдином.

Не могу забыть один эпизод, предшествовавший началу состязаний. Вся шведская пресса, единогласно называя фавориткой Франсез Бюльварк, ни словом не обмолвилась о других, не менее резвых лошадях и, в частности, о Гей-Нуне, рысаке, на котором должен был выступить родной брат Сорена Нурдина — Гюнар.

Каково же было мое удивление, когда незадолго до старта Сорен Нурдин через переводчика сказал мне: «Господин Бондаревский, бойтесь моего брата Гюнара».

Признаться, в первое мгновение я принял эту сверхспортивную откровенность за вероятную тактическую хитрость, за своеобразный «ход конем». Лишь после бега я по достоинству оценил честность и благородство своего главного соперника.

Теперь о самом состязании. Его начало сложилось для меня весьма неудачно. Уже на старте я остался без своих лидеров: Турист сразу же сбился, Первенца А. Зотов остановил.

Дело в том, что, по правилам наших ипподромов, после пуска лошадей дается звонок из судейской будки. В Швеции же отзванивают только при фальстарте. А так как ударов колокола не последовало, то А. Зотов по привычке решил, что это фальстарт. Так я лишился самого способного помощника в борьбе с «венценосной фавориткой».

Со старта бег повел Манифик. Его наездник предложил очень резвый темп. Франсез Бюльварк отсиживалась «в спине». Я понимал, что вскоре место уставшего Манифика займет второй лидер — Корнэ, а фаворитка будет беречь силы, сохраняя выгодное положение ведомой лошади.

О Манифике мне было известно, что если ему дать вести бег сравнительно тихо, то он может и сам выиграть. Поэтому при первой же возможности я вклинился между Манификом и Франсез Бюльварк и начал «давить» лидера, усиливая и без того возросший темп бега.

Слышу, как шведские наездники переговариваются.

Не зная языка, я все же понял смысл слов: «Сорен, я готов».

Второй лидер, Корнэ, явно не успевал принять участие в развернувшихся событиях. Он не в силах был сменить Манифика.

Выполнив задачу, Манифик стал выпадать из бега. Его место заняла Франсез Бюльварк. Видимо, желая во что бы то ни стало осуществить свой первоначальный замысел, Сорен Нурдин попытался снова создать бег в резвость, равный графику первого лидера.

Я снова начинаю «давить», но теперь уже Франсез Бюльварк, лишая ее возможности сохранить силы для ее «коронного» броска на финише.

Так, не уступая друг другу, Франсез Бюльварк и Гибрид подошли к последнему повороту перед финишной прямой. Вот тут-то и появился Гей-Нун под Гюнаром Нурдином и наш Буг, ведомый Н. Калала.

И снова мне пришлось стать свидетелем «таинственного диалога», на сей раз между родными братьями.

— Я не могу продолжать борьбу,— сказал Сорен.

— А я иду с запасом, лошадь «в руках», но сижу взаперти, в «коробке». Делай бросок хотя бы из последних сил, я попытаюсь выскочить из «коробки»,— ответил Гюнар.

Тут же Сорен резко усиливает темп. Я мгновенно повторяю его маневр. Отделяясь от задних лошадей, слышу скрежет колес, лязг трущихся друг об друга экипажей, шведско-русскую перебранку.

Вот и финишная прямая! Справа вижу освободившегося из «коробки» Гей-Нуна. Ему удалось на последних 30—40 метрах поравняться с нами и в самый последний момент обыграть Гибрида на шею, а Гибрид, в свою очередь, обыграл на шею Франсез Бюльварк.

...Так, оставшись без лидеров, Гибрид все-таки победил «королеву Европы», и шведы, большие знатоки рысистого спорта, по достоинству оценили его успех. Моего любимца окрестили Гибрайдом; его выступления ждали с понятным нетерпением. И я испытывал законное чувство гордости советского спортсмена, сумев подтвердить высокую беговую репутацию Гибрида.

Теперь мой Гибрид уже сложившийся жеребец. Ему десять лет — возраст, который принято считать у нас «пожилым» для беговой лошади. Верно ли это? Думаю, что нет. Ведь рысаки такого же класса продолжают выступать в старшем возрасте, и не без успеха. Гибрид стал отцом, и я с нетерпением жду прихода его потомства в свое тренировочное отделение. Какими они будут, отпрыски этой славной лошади? Загодя, не видя их, ответить на этот вопрос трудно. Хочется, конечно, чтобы они были в отца.

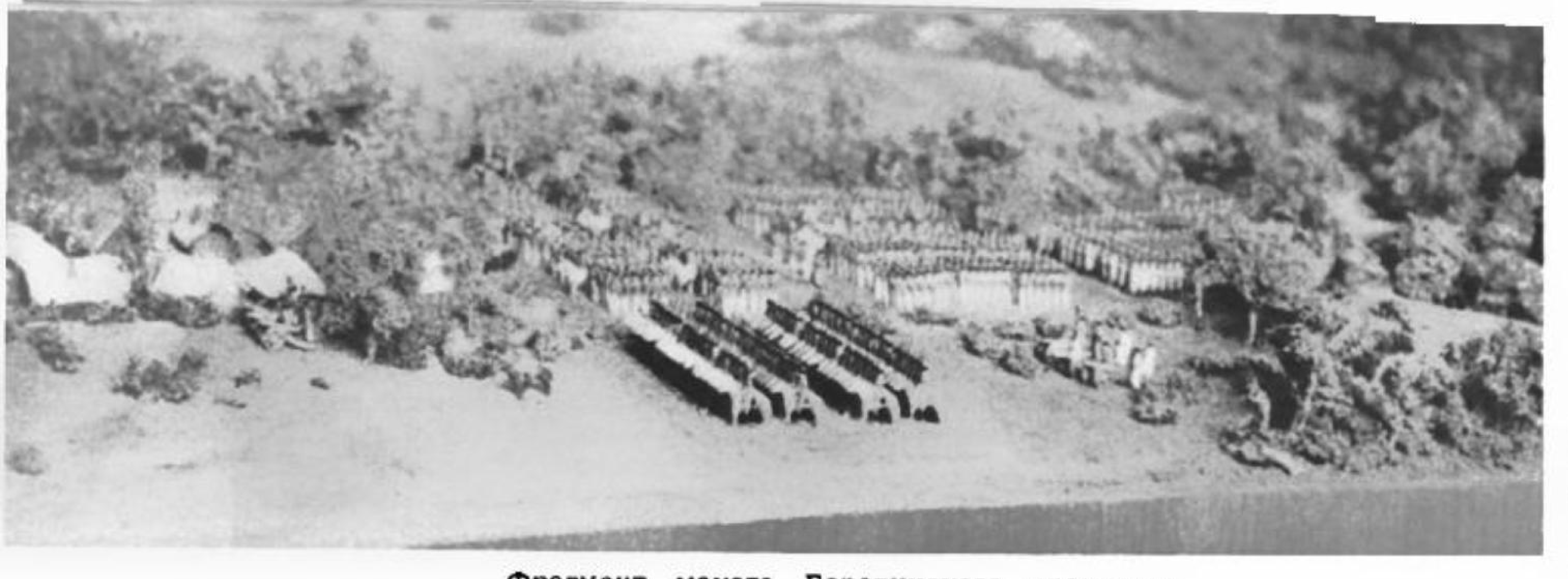
Литературная запись Ю. Арутюняна.

А. Бондаревский встречает Гибрида в стокгольмском порту.

После выступления «ОГОНЬКА»

Редакция получила много откликов на фельетон «Страницы из жизни Л. Н. Кащевской», опубликованный в № 22 «Огонька». Конструктор В. Соловьева из Оренбурга, слесарь Г. Матвеев из Новосибирска, Ю. Введенский и А. Скрипов из города Аксай, Н. Абаланов из Братска, ростовчанин Г. Махоркин и другие читатели возмущены злоупотреблениями руководства Ростовского издательства, осуждают героев фельетона и тепло отзываются о книге учительницы В. Журавлевой «Дороги жизни».

Бюро Ростовского областного комитета КПСС, признав правильной критику «Огонька», постановило освободить от работы директора Ростиздата А. А. Гриднева и главного редактора Л. Н. Кащевскую и поручило райкому партии рассмотреть вопрос о их партийной ответственности.

Фрагмент макета Бородинского сражения.

Фото Г. Шарапова.

На поле Бородина

В Государственном военно-историческом Бородинском музее выставлен интересный макет знаменательного сражения. Он в миниатюре воссоздает позицию русских и французских войск в день боя. На макете расположено более 13 тысяч фигурок пехотинцев, кавалеристов, артиллеристов, изготовленных из пластмассы. Мундиры их раскрашены в цвета соответствующих родов войск. Голубая капроновая ткань воссоздает иллюзию небосвода. Работа над макетом продолжалась около двух лет.

В сентябре 1962 года будет отмечаться 150-летие Бородинской битвы. Сотрудники музея решили реставрировать ряд укреплений, в том числе батарею Раевского. Будут точно определены и отмечены обелисками братские могилы, издан подробный путеводитель по музею, Бородинскому полю и филиалу музея — Кутузовской избе в Филях.

На поле сейчас реставрируются памятники. Бригада В. Архипова восстановила памятники 27-й пехотной дивизии, инженерным войскам, 2-й кирасирской, 4-й пехотной и 2-й гренадерской дивизиям, 12-й батарейной роте, 4-му кавалерийскому корпусу. Каменщики обновляют первый, поставленный на поле еще в 1820 году памятник-часовню. Будет восстановлена и единственная сохранившаяся до нашего времени «свидетельница» битвы — церковь в Бородине, которую разрушили фашисты.

А. РЯПИН

СЛУЧАЙ ВО ВРОЦЛАВЕ

Имя Эдварда Витковского, рабочего-кровельщика из Вроцлава, стало популярным в Польше. В жаркое солнечное воскресенье было очень людно в зоологическом саду. Ребята облепили барьеры водного бассейна, в котором прохлаждались, ныряя, белые медведи.

Мишки, очевидно, привыкли попрошайничать, и дети бросали им всякие лакомства. Увлекся этим занятием и семилетний Кжыстоф Клуба, которого в тот день привезли родители во Вроцлав из соседнего местечка. Чтобы угостить медведя, вставшего на задние лапы у стенки, мальчик перегнулся через барьер. Ему хотелось бросить свою булку прямо в пасть медведю, и он протянул руку вниз. Медведь неожиданно прыгнул и стащил мальчика в воду.

Кжысь лежал, запрятав от страха голову в руки, на островке посреди бассейна, и два медведя, пока еще немного удивленные, стали пробовать на мальчике свои зубы. Публику, наблюдавшую эту трагическую сцену, охватил ужас. В зверей полетели камни, разные предметы. Медведи отпрянули. И в этот момент из толпы выбежал молодой человек. Недолго раздумывая, он обвязал себя резиновым шлангом и спустился в бассейн. Смело бросившись на островок навстречу медведям, юноша схватил на руки мальчика. Медведи снова кинулись на ребенка и его спасителя. Отбиваясь камнями от разозленных зверей, Витковский быстро отошел к стенке бассейна и был поднят наверх вместе со спасенным мальчиком.

А. ПАВЛОВ

МАРКИ ЭФИОПИИ

Первая марка в Эфиопии вышла в 1894 году. На ней изображен император Менелик II, в конце прошлого века завершивший воссоединение разрозненных феодальных княжеств в единое государство.

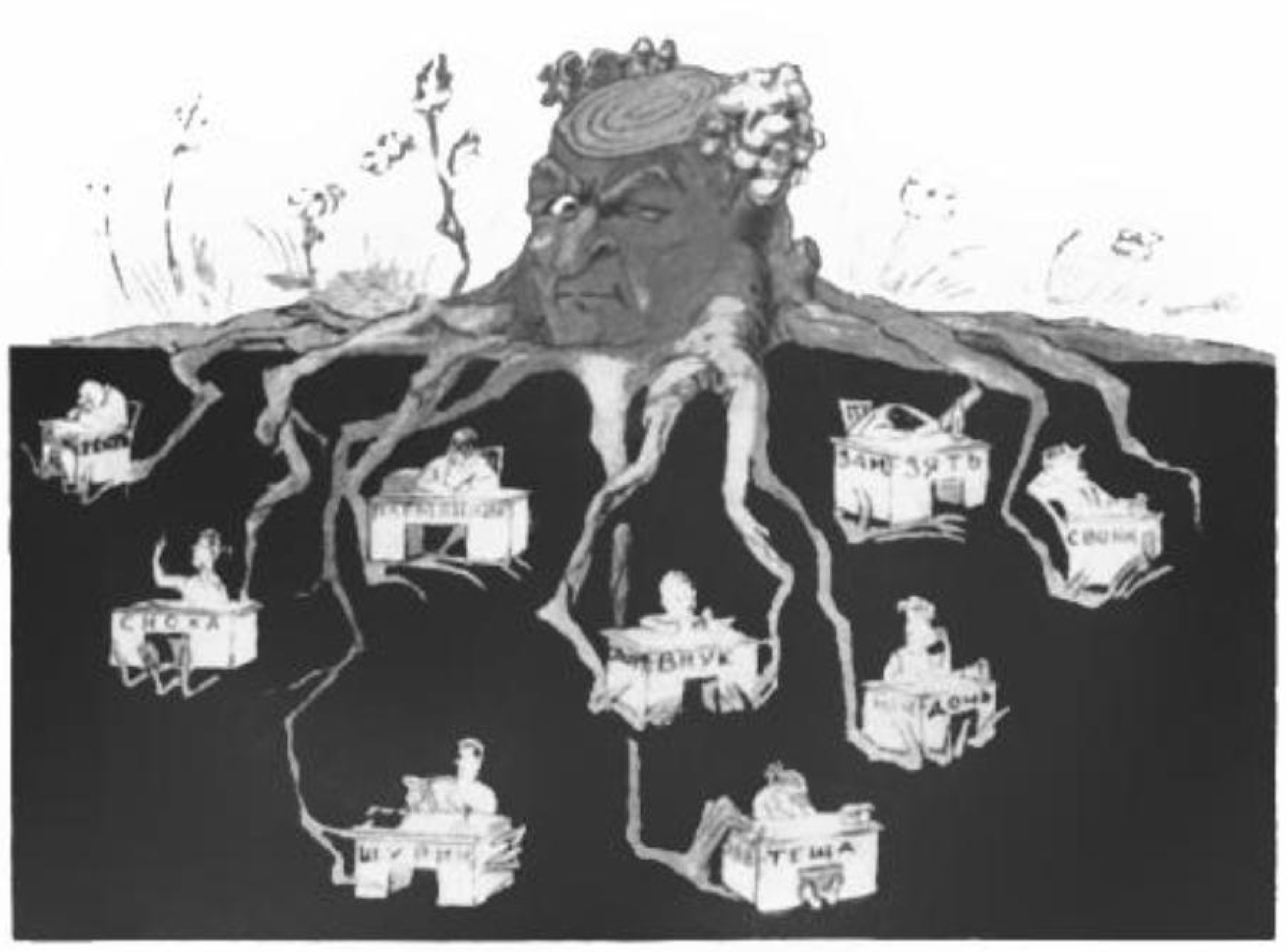
Одной из важных для Эфиопии задач является проблема развития коммуникаций. В сезон дождей районы страны бывают отрезаны от городских центров. На 15-сантимовой марке император Хайле Селассие I запечатлен на фоне нового моста, построенного над рекой, в глубокой межгорной долине.

Но, пожалуй, самыми интересными марками Эфиопии является почтовый выпуск, посвященный Конференции восьми независимых государств Африки, состоявшейся в Аккре в прошлом году. В центре рисунка этих марок в обрамлении лаврового венка с голубем мира изображен африканский континент. На карте Африки обозначены восемь государств. Справа — портрет Хайле Селассие I.

За 65 лет в Эфиопии выпущено более 400 марок.

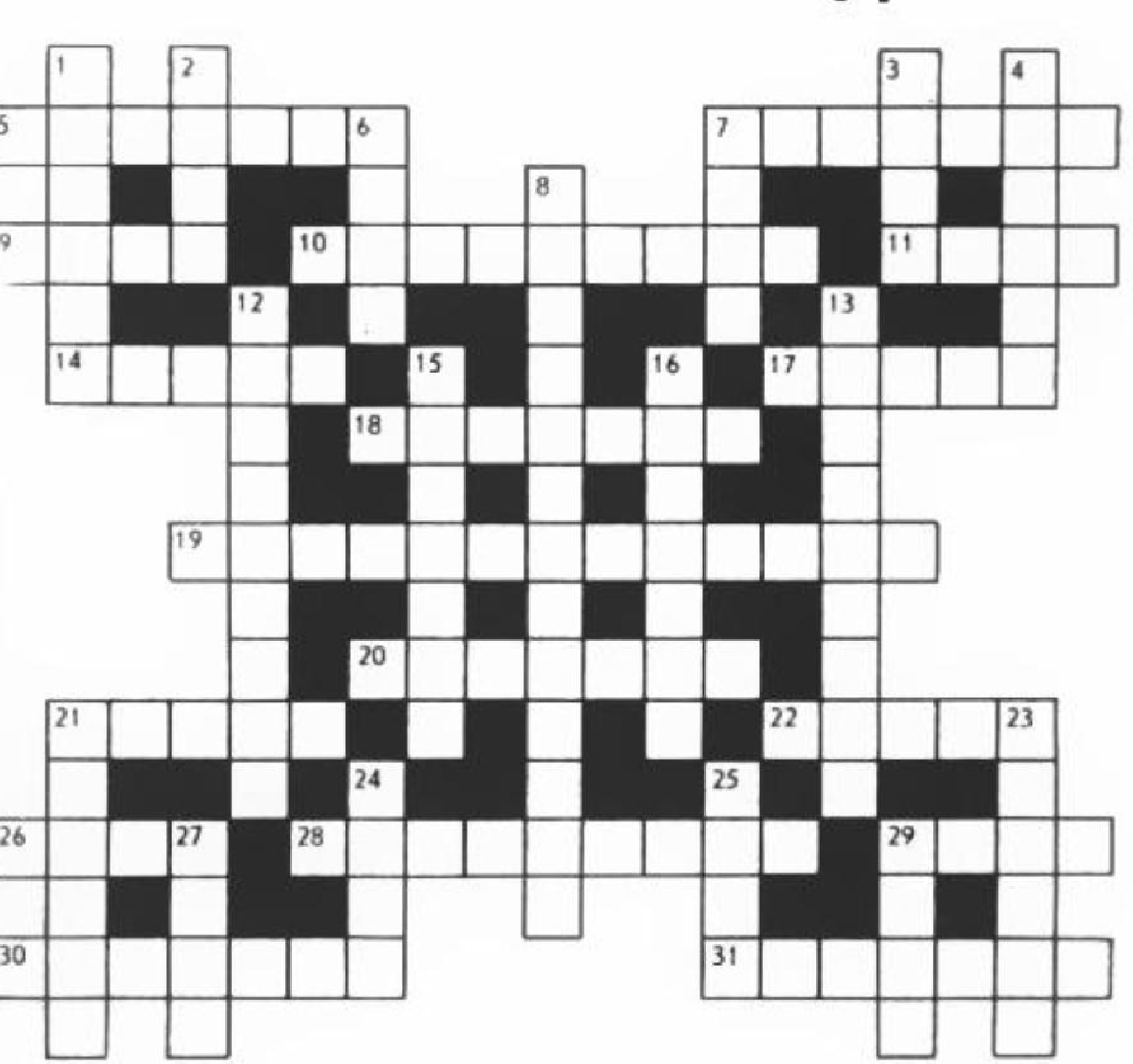
М. МИЛЬКИН

ГЛУБОКИЕ КОРНИ.

Рисунок М. Кузнецова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Центр Западно-Казахстанской области. 7. Инструмент альпиниста. 9. Приток Алдана. 10. Государство в Южной Америке. 11. Русский график XIX века. 14. Красная строка. 17. Спортивное состязание. 18. Специалист по вождению кораблей. 19. Подземные толчки. 20. Повесть Н. В. Гоголя. 21. Холодное оружие. 22. Жук с развитыми верхними челюстями. 26. Административная единица некоторых государств. 28. Луковичное растение. 29. Застольное пожелание. 30. Духовой инструмент. 31. Горная порода.

По вертикали:

1. Смерч. 2. Черноморский курорт. 3. Плавучее заграждение. 4. Национальное английское блюдо. 6. Рыба, разводимая в прудах. 7. Животное рода оленей. 8. Толкование, объяснение. 12. Почтовая корреспонденция. 13. Гриб. 15. Разновидность цвета. 16. Начало утра. 21. Планета. 23. Птица, гнездящаяся на северных побережьях. 24. Единица измерения радиоактивности. 25. Персонаж драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 27. Степень скорости в исполнении музыкального произведения. 29. Берестяной короб.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

5. Силосопогрузчик. 7. Визит. 8. Истра. 11. «Земля». 12. Глава. 13. Атлет. 16. Ярмарка. 17. Парнас. 18. Таллин. 19. Казарка. 20. Алиев. 21. Наказ. 23. Битва. 24. Нанка. 26. Алеут. 28. Кораблевождение.

По вертикали:

1. Гоби. 2. Розинг. 3. Треска. 4. Узор. 5. Сталеплавильщик. 6. Консервирование. 7. «Валленштейн». 9. Артиллерист. 10. Балалайка. 14. Ряска. 15. Батан. 21. Никель. 22. Залежь. 25. «Абай». 27. Улей.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06511. Подписано к печати 15/VII 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1007. Заказ № 1533.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

На организованной в Москве Выставке польской книжной графики участвовали около ста художников народной Польши.

Здесь мы воспроизводим несколько работ, показанных на выставке.

Цена номера 3 руб.

